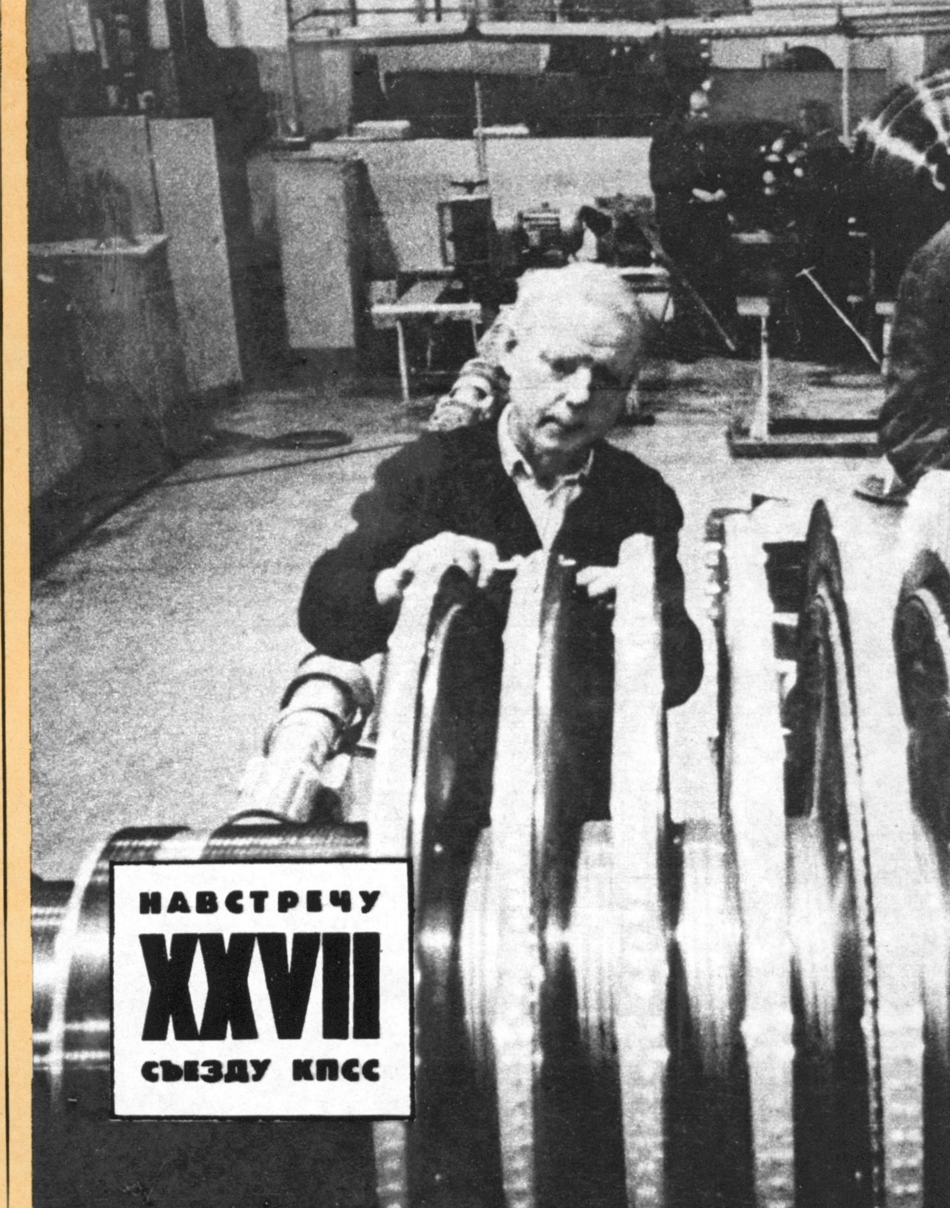

ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 6 ФЕВРАЛЬ 1986

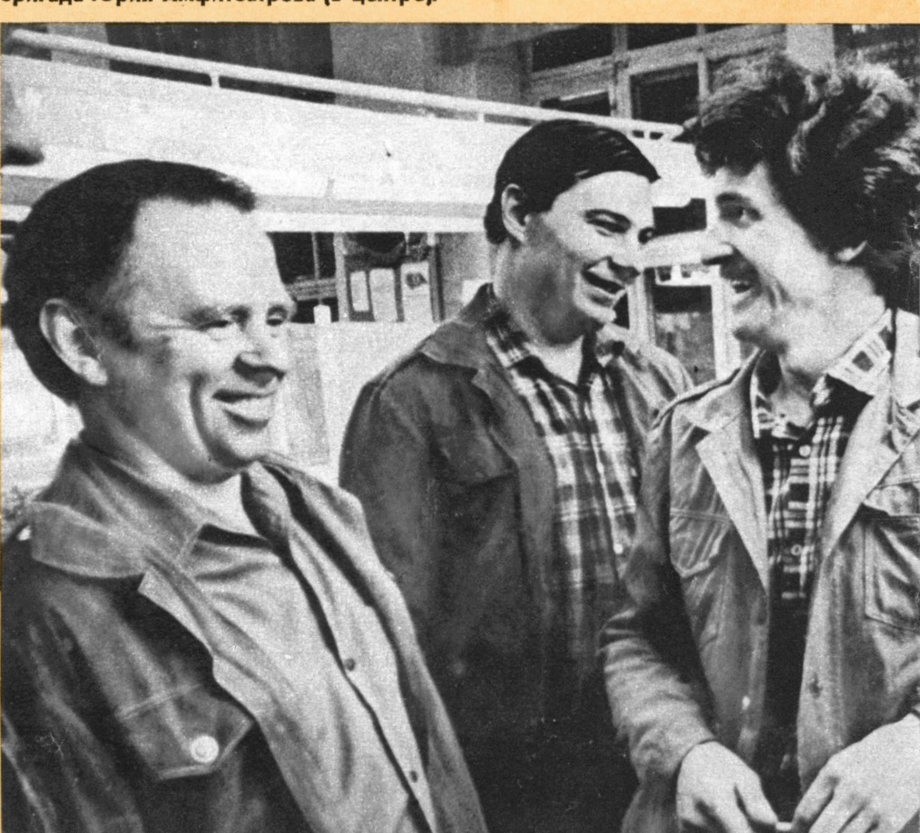
Символ «космического» города — памятник знаменитому земляку К. Э. Циолковскому.

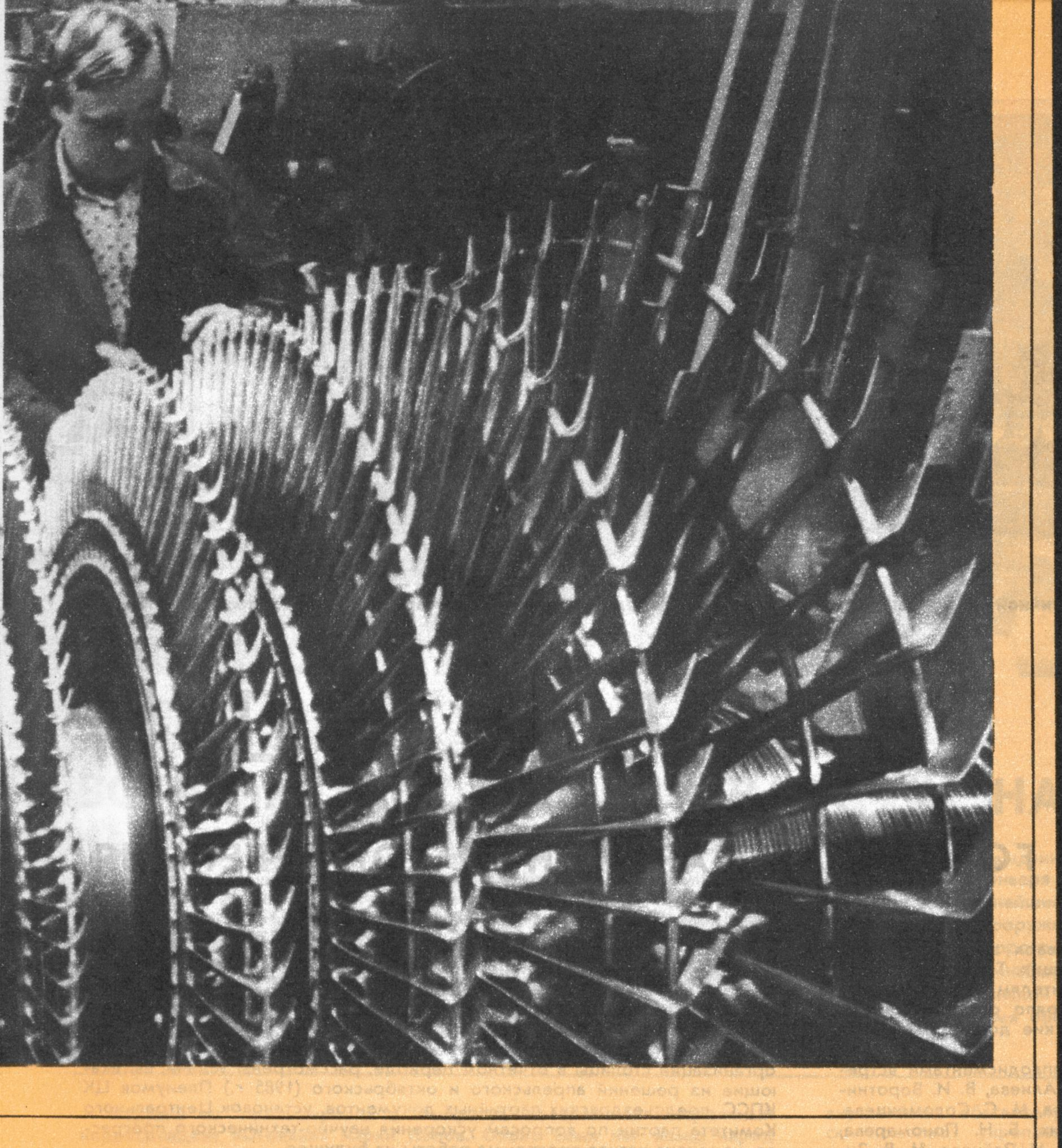

На Калужском турбинном.

На днях ЦК КПСС, Совет Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ подвели итоги Всесоюзного социалистического соревнования за успешное выполнение плана на 1985 год и заданий одиннадцатой пятилетки. В числе победителей, награжденных Красными знаменами, Калужская область. Корреспонденты «Огонька» рассказывают, с чем идет древний российский город Калуга к партийному форуму.

С хорошим трудовым настроем идет навстречу съезду бригада Юрия Амфитеатрова (в центре).

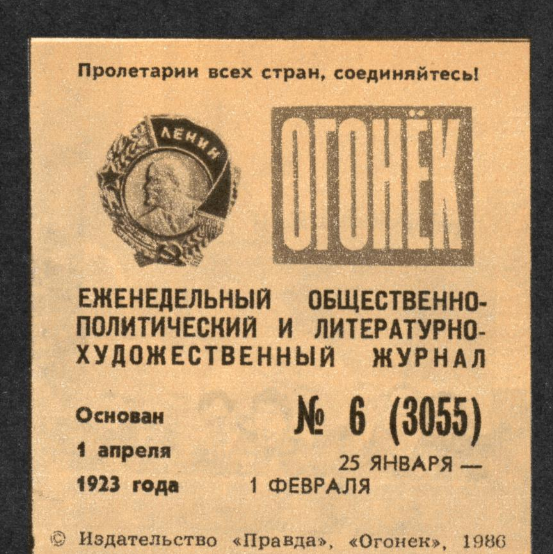
ОТМЕТКА ПРОЖИТОМУ ДНЮ

А. ЩЕРБАКОВ,
фото И. ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Календарь отсчитывает дни. Как всегда, размеренно и неумолимо. А у людей забота: соотнести эту неумолимую размеренность календаря с такой же неумолимой требовательностью времени, жестче спрашивать с себя, настойчивее рушить отжившее, смелее утверждать прогрессивное. Как? На этот вопрос мыслью и делом ищет в предсъездовские недели ответ трудовая Калуга.

См. стр. 8.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 6 (3055)

25 ЯНВАРЯ — 1 ФЕВРАЛЯ

В НОМЕРЕ:

Президиум XXVI Московской городской партийной конференции. С отчетным докладом выступает секретарь ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС Б. Н. Ельцин.

ИДТИ ВПЕРЕДИ

XXVI МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Москва. Колонный зал Дома союзов. 24 января здесь открылась XXVI Московская городская партийная конференция. Тысяча делегатов пришли в это историческое здание. Им, представителям более чем миллионного отряда коммунистов столицы, предстояло обсудить отчеты горкома и ревизионной комиссии, предсъездовские документы КПСС, избрать делегатов на XXVII съезд партии.

10 часов утра. Бурными продолжительными аплодисментами встретили делегаты товарищей М. С. Горбачева, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Е. К. Лигачева, М. С. Соломенцева, В. М. Чебрикова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, Б. Н. Пономарева, С. Л. Соколова, Н. В. Талызина, Б. Н. Ельцина, Л. Н. Зайкова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, В. П. Никонова. Руководители Коммунистической партии и Советского государства единодушно были избраны в состав президиума конференции.

Здесь же представители партийных, советских и общественных организаций, ветераны партии, Великой Отечественной войны, рабочие, деятели науки и культуры, военачальники.

С отчетным докладом выступил секретарь ЦК КПСС, первый секретарь МГК партии Б. Н. Ельцин.

В докладе и выступлениях были подведены итоги деятельности парторганизации столицы в отчетном периоде, рассмотрены задачи, вытекающие из решений апрельского и октябрьского (1985 г.) Пленумов ЦК КПСС, предсъездовских партийных документов, установок Центрального Комитета партии по вопросам ускорения научно-технического прогресса, намечена четкая программа работы на будущее.

25 января конференция закончила свою работу.

На организационном пленуме первым секретарем Московского горкома партии избран секретарь ЦК КПСС Б. Н. Ельцин.

В зале заседания конференции. **Фото А. ГОСТЕВА**

Во время беседы. **Фото ТАСС**

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С А. НАТТОЙ

27—28 января состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Генеральным секретарем Итальянской коммунистической партии А. Наттой. В состоявшейся беседе стороны информировали друг друга о внутриполитической деятельности обеих партий, о ходе подготовки к XXVII съезду КПСС и XVII съезду ИКП.

В беседе, проходившей в обстановке товарищеской откровенности и сердечности, принял участие член Руководства и Секретариата ЦК ИКП Д. Пайетта.

В ходе беседы был проведен широкий обмен мнениями по важнейшим вопросам современной международной обстановки. Было подчеркнуто, что выдвинутый в Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС от 15 января широкий комплекс миролюбивых инициатив охватывает все важнейшие направления и сферы деятельности, касающиеся сокращения вооружений, разоружения, укрепления перспектив мирного будущего и прогресса всех народов.

28 января Политбюро ЦК КПСС дало обед в честь Генерального секретаря Итальянской компартии А. Натты и сопровождавших его товарищей. Во время обеда М. С. Горбачев и А. Натта обменялись речами.

Недавно из командировки в Никарагуа возвратился специальный корреспондент «Огонька» Юрий Попов. Около семи лет назад народ этого небольшого государства в Центральной Америке сбросил диктаторский режим американского ставленника Сомосы и встал на путь независимого демократического развития.

Во время пребывания нашего корреспондента в Никарагуа его и других советских журналистов, аккредитованных в этой стране, принял координатор Исполнительной комиссии Национального руководства Сандинистского фронта национального освобождения, президент Никарагуа ДАНИЭЛЬ ОРТЕГА. Он ответил на ряд вопросов, касающихся положения в стране и ее внешней политики.

ЗАДАЧИ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ГОВОРИТ ПРЕЗИДЕНТ НИКАРАГУА ДАНИЭЛЬ ОРТЕГА

В ходе беседы наш корреспондент попросил президента написать несколько слов читателям журнала. Публикуем его факсимиле и перевод на русский.

A los compañeros lectores de Ogoniok con el saludo combativo del pueblo de Sandino. La Paz Vencerá!

Daniel Ortega S.

Enero 11-86

«Боевой привет товарищам читателям «Огонька» от народа страны Сандино. Мир победит!

Даниэль Ортега

11 января 1986 года».

ВОПРОС: — Товарищ президент, не могли бы вы очертить круг проблем, которые стоят сейчас перед республикой Никарагуа и ее народом?

ОТВЕТ: — Главные задачи, которые стоят сейчас перед народом Никарагуа,—это, конечно, борьба с военной агрессией Соединенных Штатов против нашей страны, стабилизация и развитие ее экономики. Мы можем с полной уверенностью сказать, что задачу обороны своей родины никарагуанцы выполняют очень эффективно. Они решительно срывают планы американского империализма при помощи агрессии дестабилизировать внутреннюю обстановку и всячески помогают укреплению революционной власти. Народные массы встали с оружием в руках на защиту революции. Рабочие, крестьяне, студенты, надевшие военную форму, нанесли и наносят мощные удары по наемникам, вторгающимся на нашу территорию.

В области экономической, производственной мы столкнулись с изрядными трудностями, вызванными политикой США. Возьмите, например, политику экономического эмбарго в отношении нашей страны, объявленную Соединенными Штатами в мае прошлого года. Она нанесла нам немалый ущерб. Однако и здесь революция смогла выстоять. Более того, на экономическом фронте нашей борьбы мы продолжали продвижение вперед, хотя и ценой больших усилий. Прежде всего выполняются планы в области сельскохозяйственного производства. Это достигается благодаря дисциплине и организованности трудящихся.

Еще одна задача, которую мы считаем очень важной и которую решаем сейчас,— распределение земли среди крестьян. Процесс наделения крестьян землей углубляется. В наступившем году мы будем продолжать раздавать землю тем, кто ее обрабатывает. Революция дала это обещание крестьянству. Мы понимаем также необходимость крепить союз между рабочими и крестьянами и при этом, конечно, принимаем во внимание, что именно крестьяне находятся сейчас на переднем крае борьбы с врагом и защиты революции, они производят продовольствие для всего народа и товары, необходимые для нашего экспорта.

Есть и другие важные задачи, в том числе и в области государственного строительства. Национальная ассамблея Никарагуа обсуждает сейчас проект нашей конституции. Это будет первый в истории Никарагуа основной закон, который разрабатывается при широком привлечении трудящихся масс.

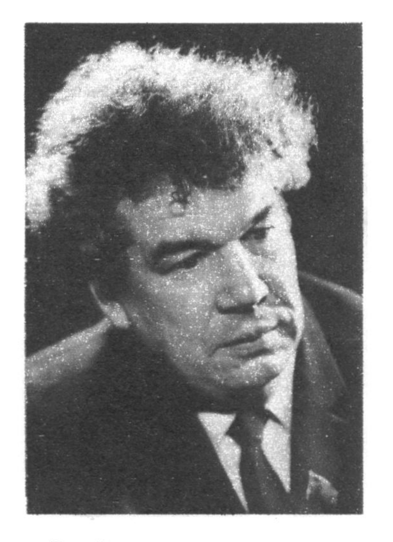
ВОПРОС: — Как вы расцениваете попытки американских правящих кругов оправдать агрессивные действия против Никарагуа ссылками на имеющееся якобы здесь «противоборство между Востоком и Западом»?

ОТВЕТ: — Да, действительно, попытки такие имеют место. Я приведу мнение по этому поводу, высказанное недавно президентом Мексики де ла Мадридом на встрече с Рейганом. Он отметил, что проблемы Центральной Америки не имеют ничего общего с конфронтацией между Востоком и Западом и порождены жестокими политическими, социальными и экономическими противоречиями в регионе. США закрывают глаза на это, не хотят видеть эту действительность и продолжают проводить свою гегемонистскую политику неоколониализма в попытке сохранить свое господство в Латинской Америке. Так что утверждения правящих кругов США о якобы происходящем здесь «противоборстве» Востока и Запада — всего лишь предлог для оправдания их политики государственного терроризма в отношении Никарагуа.

Вместе с тем хочу отметить, что на протяжении семи лет революции большое значение имело для

См. стр. 7.

ОБСУЖДАЕМ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Мустай КАРИМ,
делегат XXVII съезда КПСС,
Герой Социалистического Труда

СИЛЬНЕЕ, УМНЕЕ, ДЕЛОВИТЕЙ

Давайте сначала порадуемся. Порадуемся тому, что пять прошедших лет принесли стране и республике немало зримых и ощутимых благ, укрепивших дух нашего бытия. Порадуемся тому, что Центральный Комитет КПСС, руководствуясь чувством объективной реальности, владея даром аналитической и критической оценки неодносложных явлений современной нашей и мировой действительности, наметил нелегкий, но кратчайший путь к рубежу третьего тысячелетия. И всколыхнулась вся страна! Порадуемся этому.

Содержание отчета обкома КПСС разносторонне отражает результаты содеянного за годы одиннадцатой пятилетки. В докладе слышна поступь республики, виден размах ее дел, а добрые и худые вещи названы своими именами. В нем — уверенность и озабоченность, удовлетворенность и горечь. Для того, чтобы смело смотреть в будущее, чтобы мужественно и честно признавать недостатки и промахи, нужно сперва оценить успехи, достигнутые народом. Они у нас есть. Опыт победы — надежная опора для новых дел! Все достигнутое, бесспорно, явилось результатом огромных усилий миллионов тружеников. Во многом судьбы намеченных планов зависели от их активной гражданской совести, патриотического порыва и просто от рабочей трудовой добропорядочности. Бесспорно и другое. Если мы не добились всего желаемого, всего задуманного и обязательного, подчеркиваю, обязательного, причиной тому, конечно, послужило отсутствие отчасти той активной гражданской совести у части народонаселения, наличие в нашей повседневности таких порочных явлений (на что обращается особое внимание в проекте новой редакции Программы КПСС), как нарушение трудовой дисциплины, хищения и взяточничество, спекуляция и тунеядство, пьянство и хулиганство, частнособственническая психология и стяжательство, подхалимаж и угодничество. К этому еще нужно добавить устное и печатное очковтирательство, пустословие, демагогию, которые создают иллюзию благополучия. Как видите, труд один, а врагов у него вон сколько! Но дело не только в них. Дело во всех нас без исключения. Только так следует объяснить любые причины и любые последствия.

Выступление на Башкирской областной партийной конференции.

Время требует от каждого из нас провести переоценку своих внутренних ресурсов, духовных и нравственных сил, возможностей. Время требует очищения от налета ржавчины и накипи. Одним словом, каждому нужно начать перестройку с себя, внутри себя, а не ждать, что кто-то придет и тебя перестроит. Наверное, не мешало бы каждому провести не одну бессонную ночь в раздумьях, мечтаниях, может, даже в раскаяниях. У живого человека есть, в чем каяться. А демагогов надо лишить голоса, дабы они не краснобайствовали о святом деле переустройства. Они всегда на подхвате. Слово, не означающее дела, следует считать не только пустым, но и вредным.

В предстоящем могучем броске мы можем рассчитывать только на себя, на свой человеческий материал, на нас всех вместе. Иное оборудование еще можно докупить за золото, можно приобрести патенты и схемы, но трудовое умение и честь рабочего человека, ум и смекалку инженера, пытливость и прозорливость руководителя купить нельзя и негде. Мы сами обязаны стать намного сильнее, умнее, деловитей.

В своем выступлении я не затрагиваю специфических вопросов, касающихся непосредственно литературы и искусства: о них мы говорили на своем писательском съезде. То, о чем я говорю, целиком относится к заботам и обязанностям литературы. Это человек и труд. Труд — не просто выполнение определенной работы. Труд — сфера жизни, где более полно проявляются характер, смекалка, душевный настрой, нравственные ценности человека. Отношение к общественному труду есть отношение к Родине, товарищам, жене и детям, в конечном счете к матери. Не любя труд, разве можно искренне любить кого-то или что-то? Не будучи честным в труде, о какой чести можно вести речь вообще! Плохая работа или безделье, на мой взгляд,— худшее проявление безнравственности.

Не менее огорчительно небрежное, расточительное, а порою, прямо скажем, варварское отношение к результатам труда. Встречаются еще такие горе-руководители, запоздалая изворотливость и хитрость которых приводят к неблаговидным, неразумным поступкам. На голову таких падут, непременно падут посмертные проклятия тех тридцатикилограммовых поросят и стопятидесятикилограммовых телок, жизнь которых так рано оборвалась от рук незадачливых, корыстолюбивых хозяев в кавычках, которыми движет страх перед суровым ликом Плана, а скорее всего страх потерять кресло и еще кое-что. О чем же они думали до этого? Какие у них заделы на будущее? Где их совесть, профессиональная и партийная?

Стоном стонет металл, рыдает уголь, хнычут машины! Черными слезами обливается нефть! В отчаянии пшеничное зерно, в отчаянии от расточительства, бесхозяйственности, бездушия. Ибо они уже совсем как живые, коль к ним прикоснулись теплые человеческие руки — руки созидателя. Очень горько, когда обесценивается труд. Если кто увидит гривенник на земле, он его поднимет. Хоть мал, да капитал. А можно увидеть кое-где еще раскулаченное и искалеченное оборудование, не говоря уже о всякой дорогостоящей «мелочи», валяющейся на задворках предприятий в пыли и грязи, стоимость их немалая. Поднять невдомек. И на складах некомплектного добра, вызванного к жизни отнюдь не подлинно встречным, а каким-то поперечным планом, пока сверх всякой меры. Это добро цены не имеет, ибо за него, кроме всего, уплачена немалая премия как за сверхплановую продукцию! Возможно, оно при очередном подведении итога выручило предприятие или даже целое объединение. Вот только спроса и применения не находит. Так как родилось сиротой, пятым колесом к телеге...

Разумный встречный план должен быть, он необходим. Но когда он превращается в поперечный, нарушающий общий ритм и течение, это плохо.

Заодно хочу сказать о премиях. Премия за добросовестный, качественный, мастерский труд — замечательный стимул, прежде всего моральное поощрение, престиж, который обретает материальное выражение. Какой бы она ни была, на премию не проживешь! Но ей можно порадоваться как признанию твоего старания и умения. Премирование за труд введено впервые в нашей Советской стране. Наверное, теперь премия есть и в других странах социализма. Ее смысл и назначение очень высоки.

Помню, в 1935 году в аульском клубе в Октябрьский праздник при всем народе премировали передовиков, в том числе старого конюха Нургали. Председатель колхоза, добрый одноглазый Махмут, развернув, преподнес ему замечательные ярко-зеленые брюки. Другие молча приняли подарки, а Нургали не стерпел, обращаясь не к залу, скорее к самому себе, громко сказал: «Спасибо Советской власти! Царь Николай с народа снял последние штаны, наш колхоз меня наградил новыми шароварами. Они износятся, но не износится моя сегодняшняя радость на миру». Вот какую политическую оценку дал неграмотный старик, ибо душа его была грамотной и политичной. Награда — это радость и гордость на миру.

При отсутствии разумного отношения любое хорошее дело можно довести до абсурда. И доводим. Теперь, например, как правило, начальник отдела кадров, принимая на работу человека, обещает ему, что он получит столько-то зарплаты, столько-то «уральских» и заранее столько-то премиальных. Новичок еще не показал ни умения, ни усердия, а для него уже запланированная премия! Она ждет его как добавка к порции, но не более.

Некоторое время назад у нас разносила почту архинеаккуратная девушка. Однажды у меня с ней состоялся диалог, прямо как в театре.

— Почему плохо работаешь?— спрашиваю.

— Мне премии не дают.

— Ты хорошо работай, тогда дадут.

— Другим и так дают.

— Они, наверное, хорошо работают!

— Не лучше меня.

— В чем же дело?

— У меня характер плохой,— призналась она.

— А все-таки какая лично тебе польза от плохой работы?

— Пользы никакой и вреда никакого...

От плохой работы «вреда никакого»! От этих слов мне стало жутковато.

Труд, который создал человека, и человек, созданный для труда,— это такая незыблемая истина. Человек для того, чтобы жить, содержать себя, кормить детей, приносить пользу обществу, должен трудиться изо дня в день, не строя из себя ни героя, ни мученика. Не требуя ни наград, ни похвал. Награды и похвала придут сами, если ты их заслужил. Как и уважение окружающих.

Время-то очень емкое, напряженное и высокое. Оно требует предельного напряжения мысли и мышц. Малейшего послабления оно не приемлет. Будем же работать хорошо и много! Работать без «давай, давай»!

БАЛЛ ЗА КАЧЕСТВО

ОБСУЖДАЕМ ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ ДОКУМЕНТЫ

Новинка с...браком?

В одном из крупных универсальных магазинов ремонт (на профессиональном языке он назван «предторговым») и наладка радиоприемников и телевизоров влетают в такую «копеечку», которая вырастает до двадцати, а в иные годы она достигала и тридцати тысяч рублей. Это в общем-то планируемые расходы, многие магазины с ними свыклись и смирились, промышленные предприятия тем более не возражают — их же недоделки устраняют. В магазине «Пишущие машинки» есть даже день, когда приходит сюда механик столичного завода с тем, чтобы попытаться «довести до ума» машинку «Ортех», конструктивно устаревшую, неповоротливую, откровенно плохую. «Ортех» не только не может сравниться с лучшими мировыми образцами, но уступает даже своим предшественницам — пишущим машинкам «Москва» первых выпусков. У тех было достоинство — прочность. А «Ортех» хлипка и капризна...

С присущей им обстоятельностью сотрудники Госторгинспекции проверяют разный товар: от гвоздя до телевизора. В итоге забраковано больше телевизоров, чем за тот же период прошлого года. Пришлось издать 58 приказов о прекращении приемки торговлей от промышленности различных швейных изделий. Или обувной брак. Вот строка из документа: «Плохая затяжка и формование носочной части, местная непроклейка подошв, складка внутри обуви». Это все брак из-за спешной, неряшливой работы, из-за пренебрежения технологией. Значит, все зависит от того, кто делает обувь, от качества труда.

Довелось познакомиться с результатами и других проверок, учиненных Госторгинспекцией. Немало изделий, щедро маркированных индексом «Н» — «Новинка», признаны бракованными. И представить трудно—новинки с браком. Понятно, они не пущены на прилавки. Но ведь проверка была выборочной, ее не распространили на всю продукцию этого предприятия. Стало быть, прорвались (или проскочили) к покупателю сотни, а то и тысячи изделий, которым самое место на складе брака. Их бы не выпускать с предприятия, а они, отмеченные штампом ОТК (давно это уже не свидетельство качества, а скорее показатель ведомственного оптимизма), приходят в дома, портят нервы, наносят экономический и нравственный урон. Известно, что некоторые марки телевизоров (особенно новых, цветных) покупатели просто-напросто обходят стороной. Дурная слава впереди вещи идет.

Понятие новизны, когда речь идет о товаре бытового, повседневного назначения, до сей поры не имеет четких, с достаточной определенностью отмеченных границ. Придумает заводской технолог к жакету две пуговицы вместо одной, нашьют на этот же жакет ленту-оторочку, утвердит такие «заплаты» художественный совет, и тут же в фабричные отчеты входит строка: освоен новый товар. Иногда бьют по этому поводу в литавры ведомственной отчетности, иногда все проходит втихомолку, но и в том, и в другом случае не забывают установить на псевдоновинку цену выше, чем была у предыдущего изделия.

Новизна вещи стала экономической категорией не только потому, что за нее выдают премии. Не знаю случая, когда новое изделие того же назначения стоило бы меньше, чем старое, подчас добротное и популярное. Всего одно подтверждение. На Куйбышевском мебельном комбинате в свое время делали комплект для прихожей. У него было два достоинства: повышенный покупательский спрос и умеренная цена. Но вскоре взамен его начали делать другой, заметно дороже. И... непопулярный у покупателей. Известен также случай, когда главторг одного из городов обратился в Госкомцен РСФСР с ходатайством об уценке к осенней распродаже 50 швейных изделий, маркированных «Н». Что же это за новинка?

Представляется, что «Н» и добротность, безукоризненное качество должны быть неразделимы. Если «Н», то, значит, ни сучка ни задоринки, все отлажено так, что можно покупать без сомнений. И именно качество должно бы считать одним из первых показателей новизны. И неплохо бы об этом гласно оповещать. Но не доводилось встречать товар, создатели которого взяли бы на себя труд объяснить суть новизны, сказать об этом внятно, чтобы не было сомнений именно в качественных преимуществах нового изделия.

Хотелось бы в этой связи сделать одно предложение. К каждому, даже самому зряшному товару полагается товарный ярлык. На нем пишут много, иногда задают цифровые и индексовые загадки, которые и товаровед не всегда отгадывает. А вот приложить бы (хотя бы к такому большому изделию, как новый телевизор) рядом с техническим паспортом и инструкцией некий сертификат новизны, гарантию ее, описание тех достоинств, коих не было и не могло быть у предыдущей модели. Чтобы покупатель знал, что это новинка. Нет ничего новее! И качественнее! Пусть только при этом вещь имеет право на индекс «Н». И, добавим, на причитающиеся по сему поводу финансовые добавки. А степень новизны следует определять третейским экспертам, а не своим. Промышленность же, поднаторевшая в подновлении изделий, пусть попробует свои силы в их описании, давая сертификат к каждому солидному товару и тем проверяя степень новизны и добротности. Тогда эта новизна станет обозримой. Я даже думаю, что покупатель согласится выложить те копейки (более чем на гривенник такое описание при массовом тиражировании не потянет), которые будет стоить сертификат заводу или фабрике.

Попал на прилавок новый фотоаппарат, а вместе с ним дается подробное, без уверток и рекламных трюков, без оговорок описание. Не гарантийное свидетельство, которое, как известно, гарантирует вовсе не качество, а уже оплаченные «бесплатные ремонты». Нужен паспорт «новизна — качество», описание всех достоинств, сравнение с известными образцами, четкие характеристики. Никаких эмоций.

Сертификат должен гарантировать: данное изделие по своим эксплуатационным и эстетическим качествам находится на самом высоком уровне, оно вне подозрений. Уверена, что такой сертификат смогут сочинить далеко не на каждую новинку...

Неразрешимых задач не существует, во всяком случае, в отраслях, занятых производством товаров массового спроса. Но надо не только осознать это, но и безотлагательно претворять в жизнь программу качества — одну из самых актуальных экономических программ сегодняшнего дня. Поэтому мне представляется возможным так сформулировать это положение из второго раздела проекта Основных направлений: «Более полно удовлетворять растущие потребности советских людей в разнообразных товарах и услугах, обратив особое внимание на их качество и соответствие лучшим образцам».

Р. АНТОНОВА,
экономист

ЛОГИКА ЭКОЛОГИИ

Есть наука, предмет которой касается всех. Это экология. В последние годы она получает все большее развитие. Самое важное ее призвание в том, чтобы сохранить человечеству оптимальные условия для окружающей среды, биосферы. В связи с этим мне думается, что необходимо разработать государственную программу по охране окружающей среды, рациональному использованию природных ресурсов. Предлагаю зафиксировать это в XI разделе проекта Основных направлений экономического и социального развития страны. Ученые готовы приступить к созданию такой программы.

Фундаментальные задачи экологии направлены на изучение взаимодействия всех организмов с окружающей средой. Познание этого позволяет разработать экологически рациональные методы управления экосистемами. Получение максимальной продукции без ущерба окружающей среде — такова суть экологии народного хозяйства. Возьмем, к примеру, мелиорацию. Она оказывает серьезное воздействие на огромные территории. Без знания того, как должны функционировать экологические системы, немыслимо правильное проведение мелиорации, ее положительный эффект.

Особые задачи экологии связаны с поиском методов защиты растений. В промышленном животноводстве (а также птицеводстве) применение даже некоторых экологических приемов позволяет существенно повысить поголовье.

Увеличение продуктивности водоемов при сохранении рыбных запасов, проблемы рационального использования лесных богатств, восстановления лесов также связаны с экологией.

Чрезвычайно важны для народного хозяйства, для охраны окружающей среды экологический контроль, прогноз и экспертиза. Они должны осуществляться перед строительством любого объекта. К сожалению, дело здесь обстоит не так хорошо. По сути, до сих пор нет теоретической основы экологического прогнозирования. Таким образом, перед учеными-экологами в двенадцатой пятилетке открывается самое широкое поле деятельности.

Необходимо также улучшить экологическое образование учащихся вузов, особенно технических, разработать специальный курс по проблемам биосферы.

Осуществление этих мер позволит поднять дело охраны природы на новый уровень, сохранить ее красоту и богатство для будущих поколений.

Академик В. СОКОЛОВ,
директор Института эволюционной морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова АН СССР

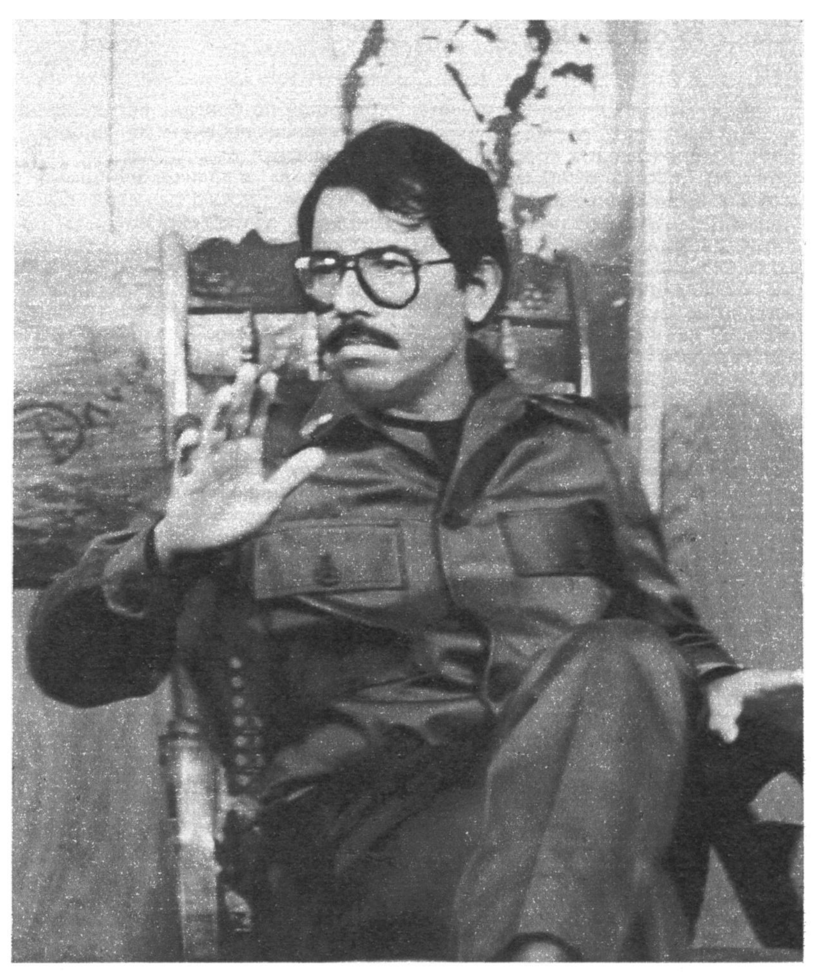

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ЗАДАЧИ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

См. стр. 3.

Даниэль Ортега во время беседы. Фото Ю. Попова

нас сотрудничество с другими странами. Это было большое подспорье для нас. Советский Союз в этом сотрудничестве занимает особое место. Оказываемая им многосторонняя помощь — важный фактор, способствующий успешным усилиям никарагуанского народа в деле защиты революции во всех областях. Когда США начали политику экономического терроризма против народа Никарагуа и аннулировали кредиты на закупку продовольствия, Советский Союз был первой страной, которая ответила на эту акцию поставкой продовольственных товаров для Никарагуа. Когда США организовали террористическую акцию в порту Коринто, разрушив наши склады горючего, СССР первым предложил Никарагуа нефть. Когда США заминировали никарагуанские порты, СССР помог нам справиться с этой террористической, преступной акцией. Во время моего визита в СССР весной 1985 года, после встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым Советское правительство немедленно ответило оказанием нам солидной помощи после введения Соединенными Штатами экономического эмбарго в отношении Никарагуа.

Народ Никарагуа высоко ценит многостороннее сотрудничество с Советским Союзом. Оно служит укреплению непосредственных связей между народами наших стран. Советские врачи, например, на протяжении нескольких лет оказывают медицинскую помощь никарагуанцам. Можно привести длинный список тех сфер деятельности, в которых развивается сотрудничество между нашими странами.

ВОПРОС: — Что вы можете сказать об инициативах Советского Союза по обеспечению прочного мира на земле?

ОТВЕТ: — Советский Союз приложил максимум усилий для того, чтобы создать на международной арене механизмы, гарантирующие безопасность и стимулирующие разоружение и мир во всем мире. Эта политика КПСС и Советского правительства, инициативы Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева завоевали широкое международное признание. Несмотря на напряженность, сохраняющуюся в результате гегемонистской политики правительства США, советские мирные предложения остаются в силе и представляют несомненную ценность. США проводят опасный курс, пытаясь вовлечь своих союзников и другие страны в разных районах мира в политику конфронтации. Ведь такая политика создает напряженные ситуации и ставит под угрозу безопасность многих государств и всего человечества.

США отказываются предпринять позитивные шаги в ответ на советские инициативы и продолжают наращивать гонку вооружений. Они намереваются перенести ее в космическое пространство, увеличивая тем самым опасность ядерной войны. Этим обстоятельством озабочены многие правительства, в том числе американские союзники. Мы обязаны вместе со всем мировым сообществом приложить максимальные усилия для того, чтобы встреча в Женеве между Горбачевым и Рейганом открыла путь к миру.

Односторонний отказ СССР от испытаний ядерного оружия свидетельствует о его искреннем стремлении к миру. СССР предлагает и предпринимает конкретные действия, ведущие к прогрессу в деле разрядки напряженности, укреплению мира, разоружению, ведущие к разумной политике.

ВОПРОС: — Вы, конечно, знаете, что скоро в СССР откроется XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза?

ОТВЕТ: — Да, конечно.

На международной арене сложилась опасная, критическая ситуация, и это обстоятельство станет, конечно, предметом обсуждения на съезде. Он, несомненно, подтвердит советскую политику мира и укрепления безопасности. Съезды КПСС—это всегда крупное историческое событие. Но предстоящий XXVII съезд вызывает особое внимание во всем мире, и в том числе в Никарагуа. Люди многого от него ждут. Мы уверены, что съезд будет способствовать укреплению основных направлений деятельности Советской власти, в частности в области революционного, пролетарского интернационализма.

XXVII съезд КПСС будет важным этапом борьбы за всеобщий мир.

«ЗВЕЗДНЫЕ ВОЙНЫ» И ТЕЛЬ-АВИВ

Провозгласив программу «звездных войн» и приступив к ее практической реализации, Вашингтон лихорадочно занимается поисками сообщников, готовых поддержать эту агрессивную инициативу и стать «пайщиками» американской военно-космической стратегии.

Оказывая массированное давление на страны Запада с целью их участия в программе милитаризации космоса, США не забыли и своего «стратегического партнера» — Израиль. Тот, в свою очередь, как отмечает американская газета «Бостон глоб», «с энтузиазмом» принял предложение принять участие в реализации программы «звездных войн». Премьер-министр Ш. Перес и министр обороны И. Рабин поспешили заявить о благоприятном отношении Израиля к перспективам совместной работы с американскими атомщиками. Конечно, Тель-Авив — не Лондон, который первым подписал официальное соглашение о присоединении к исследовательской программе по осуществлению «стратегической оборонной инициативы» (СОИ), его возможности несомненно более скромные, однако Израиль может внести свою лепту в реализацию пентагоновских замыслов.

«Я нередко бываю в Израиле,— сказал однажды «отец» американской водородной бомбы Эдвард Теллер.— Израильтяне сообщают мне все, что им известно. Я сообщаю им все, что известно мне». Лишь за последние несколько лет в США на стажировку выезжали десятки израильских ученых, которые целенаправленно и в комплексе занимались изучением достижений в области ядерных вооружений. Известно, что еще в 1955 году представители США и Израиля поставили свои подписи под соглашением, согласно которому израильтяне получили из-за океана ядерный реактор, оборудование для своих лабораторий и обогащенный уран. А три месяца спустя Тель-Авив стал обладателем крупной библиотеки, состоящей из 6500 научных работ и объемистых докладов тогдашней американской комиссии по атомной энергии.

В последнее время рамки военного сотрудничества между обеими странами значительно расширились. Сионисты получают из США самое современное оружие, в том числе и реактивные истребители Ф-15 и Ф-16, которые могут нести ядерное оружие. «Сегодня,— отмечалось в утвержденной в августе 1984 года предвыборной платформе республиканской партии,— отношения между Соединенными Штатами и Израилем стали ближе, чем когда бы то ни было. Мы перешли к широкому политическому, военному и дипломатическому сотрудничеству».

В отношении «звездных войн» обе стороны проявляют полное единодушие и понимание. Альянс Вашингтона и Тель-Авива, сложившийся на почве агрессивных устремлений на Ближнем Востоке, видит в широкомасштабной гонке вооружений главное средство достижения своих политических целей.

С резкой критикой такой позиции сионистского руководства страны выступили Коммунистическая партия Израиля и ряд оппозиционных политических организаций. Их представители выражают обоснованную тревогу в связи с тем, что участие в подготовке к «звездным войнам» приведет к дальнейшему расширению военного сотрудничества между США и Израилем, которое обостряет напряженность на Ближнем Востоке, служит катализатором агрессивных планов сионистов.

Виктор БАШКИН

ОТМЕТКА ПРОЖИТОМУ ДНЮ

См. 2-ю обложку.

Город выполнил свою пятилетку. Трижды получал за успехи в работе переходящие красные знамена по России, ежегодно отмечался в числе лидирующих в соревновании за лучшее санитарное состояние и примерное благоустройство. В развитие города вложено за одиннадцатую пятилетку 800 миллионов рублей, около 200 миллионов из них — в жилищное и культурно-бытовое строительство. Более чем на сорок процентов возрос за пятилетие объем промышленного производства. Обновилась продукция предприятий, поднялись жилые районы, недавно существовавшие лишь в замыслах и расчетах проектировщиков; открылись новые детские сады, похорошели улицы. Достойно и в труде, и в заботах о своем древнем городе отметили калужане сорокалетие Победы в Великой Отечественной войне. В память об этой дате ими заложен сквер имени Георгия Константиновича Жукова с бюстом прославленного земляка на широкой аллее...

С первых дней двенадцатой пятилетки Калуга нацелена на более высокие рубежи. Трудовой город вместе со всей страной стремится каждодневно подкреплять предсъездовские документы доказательством того, что мы способны осуществить намеченное партией добросовестно и в срок.

...Характеризуя Юрия Амфитеатрова — бригадира слесарей Калужского электромеханического завода, делегата XXVII съезда КПСС, прежде всего хочется сказать: современный человек. Образ жизни его, образ мышления удивительно созвучны тому, что ныне определяет общественную атмосферу в стране. Причем подкупает в нем завидный сплав реалистичности и романтики, зрелости поступков и неприятие славословия и ложного пафоса.

— Мы первыми на заводе взялись работать на единый наряд. Продиктовала жизнь. Досрочно завершили пятилетку. Просто не представляем себе, что можно иначе. Так же, как не представляем, что можно жить так: приходить в цех, как говорится, «отбыть» день, получать деньги и уходить... Разъясню. Вся бригада дважды в неделю собирается в спортзале, играем в волейбол, в футбол... В бригаде три лауреата Всесоюзного смотра самодеятельности. Берем в свой коллектив трудных мальчишек. Не всегда справляемся, но не отчаиваемся. А вот пример: Виктор Пацин окончил культпросветучилище, работал в Доме культуры завода помощником режиссера, в клубе слушал наши рассказы о бригаде и... попросился к нам в коллектив. Получил разряд. Стал вровень с другими. Кстати, он один из троих лауреатов смотра, а еще играет в хоккей за сборную завода.

У бригады Амфитеатрова нет проблемы выполнить сменное задание. Есть проблема шагать дальше. Внедрили виброабразивную обработку заготовок для контрольно-измерительных приборов. Сократился ручной труд. На 86-й год бригаде заказали еще машины. Такие же. Ребята воспротивились: ведь есть машины больших габаритов и производительностью выше — зачем же шагать медленно, если можно быстрее?! Заказ пересмотрели. Вот так понимают Юрий Амфитеатров и его товарищи по бригаде сегодняшнее назначение рабочей должности.

И не одни они. Областная газета «Знамя» опубликовала беседу с делегатом XXVII съезда КПСС, слесарем завода автомотоэлектрооборудования, Героем Социалистического Труда Григорием Ивановичем Сергеевым. Рабочий размышляет, предлагает, настаивает:

«На предприятии должна быть материальная база для внедрения новшеств. Почему бы не расходовать на эти цели часть средств, полученных от использования изобретений и предложений?

Отделу механизации и отделу робототехники следовало бы вносить в заводские планы больше своих тем и при этом действовать не методом постепенной эволюции производства, как сейчас, а методом коренных, революционных подходов к технике и технологии. Надо находить и смело внедрять нетрадиционные формы технического творчества: бригады содружества ИТР и рабочих, временные группы специалистов для решения сложных задач...»

Так размышляет рабочий человек в канун XXVII съезда.

...В коллективе локомотивного депо Калужского железнодорожного узла родилась инициатива: «XXVII съезду КПСС — 27 рейсов на сбереженных ресурсах». Инициаторы — машинисты Сергей Михайлович Родин, Владимир Михайлович Дерюгин, помощник машиниста Юрий Львович Белов уже показали пример.

Коллектив машиностроительного завода обязался досрочно завершить испытания новой рельсосварочной машины «ПРСМ-4». Благодаря усилиям производственников, в первую очередь бригады Николая Сергеевича Рюмина, испытания завершены в канун нового года.

Трудовая Калуга рапортует стране со своей предсъездовской вахты. Рапортуют радиоламповый завод и знаменитая «Турбинка», строители жилого массива «Правобережье» и транспортники, моторостроители, связисты, коммунальщики.

— Результаты убеждают,— говорит председатель исполкома Калужского городского Совета народных депутатов Михаил Николаевич Астахов,— что люди не жалеют усилий для успеха общего дела, работать умеют и планы выполняют не любой ценой. А для этого мы стараемся использовать прежде всего ресурсы человеческого фактора. Сегодня это насущно и возможно. Мы создали Горагропром, теперь у города шесть совхозов и в ближайшее время будет решена проблема круглогодичного снабжения калужан овощами, причем речь идет и об ассортименте, и, естественно, о качестве... Плохо жить в городе, если он некрасив, неряшлив. Приучаем думать так и тех, кто вчера еще рассуждал: мое дело выпускать машины, а спортплощадки, городские праздники, эстетика троллейбусных остановок меня не интересуют... Строим набережную Оки, улицу Театральную в недалеком будущем сделаем пешеходной — улицей кафе, магазинов, салонов... Словом, каждому прожитому дню выводим теперь отметки по новой шкале, заданной документами партии.

Калуга.

Преображенная Бессоновка

Николай УТКИН,
фото Михаила САВИНА

Село Бессоновка — центральная усадьба колхоза имени Фрунзе. Трехэтажные дома, магазины, прекрасное здание Дома культуры, школа. Строится общественный центр питания с фабрикой-кухней, там предусмотрены и кафе, и танцевальный зал, а на втором этаже — летняя площадка. Здесь будут собираться на семейные торжества, можно при желании провести комсомольскую свадьбу или праздничный «огонек». А неподалеку от колхозной конторы детский комбинат «Улыбка» — гордость колхоза. Ни один гость не уезжает из Бессоновки, не побывав там. Вот и мне председатель колхоза Василий Яковлевич Горин предложил познакомиться с «Улыбкой».

...Просторный холл. Отовсюду доносятся детские возгласы, визг. Из-за стенки послышался плеск воды. Бассейн? Да. Купание было в разгаре. Глядя на малышей, мы не удержались от улыбки: ведь на дворе морозный зимний день. Для малышей огромное удовольствие.

— Хоть и затратили на комбинат не одну сотню тысяч рублей,— сказал Василий Яковлевич,— зато теперь наши дети здоровыми растут. И у матерей настроение хорошее. На бюллетене не сидят...

Воспитательница спросила у питомцев:

— А вы знаете, дети, кто к вам пришел?

— Знаем! — прозвучало многоголосо в ответ.

— Кто же?

— Василий Яковлевич.

— А кем работает Василий Яковлевич?

— Гориным!

Детский ответ легко объясним. Двадцать шесть лет Горин избирается главой правления. Он дважды Герой Социалистического Труда. Все, что выращивается, что построено в колхозе имени Фрунзе, связано с его именем, его идеями и энергией. Председатель тут действительно всему голова, с его решения, одобрения все начинается. Он всегда поможет, посочувствует, приободрит, а если надо, и приструнит. Дом семья надумала строить — идут к нему. Живность какая для развода нужна — опять к Горину. Муж к спиртному стал часто прикладываться, жена решается на последнее: «Смотри! Не уймешься — расскажу Горину!»

Разумеется, вопросы, с которыми к нему обращаются, Василий Яковлевич решает не единолично. Рядом всегда партком и профсоюзный комитет. И все же многое в жизни колхоза зависит от того, что скажет, как отреагирует председатель. Именно с Гориным связаны подъем некогда отсталого хозяйства, сегодняшнее благополучие села да и каждого колхозного двора.

Горин позаботился и о том, чтобы у воспитанников детского комбината был огород. Одна группа выращивает капусту, другая — лук, третья — зеленый горошек или огурцы.

— Видели бы, как они трудятся! — с восхищением говорит Василий Яковлевич.— Старание такое, куда нам, взрослым, до них! В общем, салаты и винегреты собственного производства, и дети об этом знают.

Несколько позже, показывая фруктовый сад, подытожил Василий Яковлевич:

— За этим садом тоже дети ухаживают. Вот где хлебороб начинается.

Накануне председатель начал опять же с заботы о молодых, с рассказа о новом школьном комплексе. Экспериментальный! Казалось бы, есть в Бессоновке школа, пожалуй, лучшая в области. Здесь учащиеся одновременно занимаются и обычными школьными предметами, и музыкой, живописью, хореографией, спортом. Зачем же новое строительство начинать? Горин с присущей ему эмоциональностью обосновал задумку:

— Общеобразовательную школу разместим в двух зданиях. Одно — для старшеклассников, другое — для малышей. Оснастим кабинеты, создадим все условия для уроков труда. Будут большой и малый актовые залы, просторные помещения для занятий всеми видами спорта. Считаем, что искусством в стесненных условиях, как сейчас, заниматься нельзя. Тут нужен простор, подходящая обстановка!..

Школьный комплекс обойдется колхозу примерно в пять миллионов рублей. И сегодня колхоз может позволить себе расходы, равные годовой прибыли иного сельского района. Нынче, например, она тут перевалила за восемь миллионов рублей. Вот и хорошеет год от года Бессоновка — то ли село, то ли город. И добавляются сельчанам все новые и новые услуги. Особенно похорошели населенные пункты колхоза за горинские четверть века. В колхозе почти четыреста квартир со всеми коммунальными удобствами, три дома культуры, две средние школы, несколько магазинов, амбулатория... Тротуары — тоже немаловажный фактор культуры быта. Даже в модных туфлях можно пройти в Дом культуры или магазин. В любую распутицу.

Потому-то и остаются в Бессоновке выпускники средних школ. Потому-то и приходят сюда со всех концов страны заявления с просьбой принять в колхоз. Здесь есть все условия для труда высокопроизводительного, творческого. Каждому дано проявить свои способности, дарования. Есть и своя художественная самодеятельность. Свыше пятисот человек в оркестре русских народных инструментов, а также в хореографическом ансамбле. Они носят звание народных.

Белгородский район
Белгородской области.

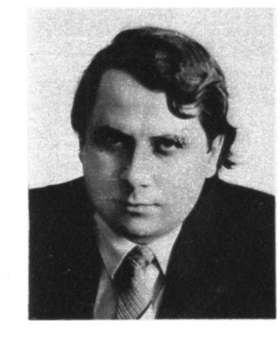
Сельский почтальон Валентина Демина

Одна из улиц села Бессоновки.

Микола ЛУКИВ

Молодые годы

●

Державы флаг. И звезды на Кремле.
Строй елей. Красной площади величье.
И где-то далеко в моем селе
Калины сизый куст и пенье птичье.

Кому тот куст известен на земле?
А мне он тоже —
Словно веха в жизни.
Тот сизый куст в родном моем селе:
Он тоже символ Родины, Отчизны.

ВЕСНА

Цветы целует ветер на лугах,
На небе птахи окликают птах,
За рыбой рыба ходит под водой,
И где-то слышен голос молодой.
Дуплистый дуб, казалось, что умрет,—
Собрал все силы
И опять цветет.

ПИСЬМО

Забытый друг давно минувших лет
Прислал письмо, зовет приехать в гости.
Пахнуло вновь пронзительно и остро
Сладчайшим ветром пролетевших лет.

Ну что ж, поеду. Недалекий путь.
Полета час, до получаса ходу.
Зато в награду — молодые годы
Предстанут за короткий этот путь.

На жизнь свою взгляну из-под руки:
В полях — металл, окопы и воронки.
Скрип лемеха, натянуты постромки,—
Пшеницу сеют в поле мужики.

А первый с краю мой отец идет.
Через плечо — лукошко с семенами.
И поле уже грезит колосками.
И жаворонок рядом гнезда вьет...

КИТЫ

Выбрасываясь на берег, киты
О скалы бьются сильными телами.
С потопленными сходны кораблями —
Выбрасываются на берег киты.

И пусть не верят сказке о китах,
А все ж глядят с тревогою народы
На океана пасмурные воды:
Вдруг мир стоит и вправду на китах?

●

Хрусталь, сервизы, книги и рояль,
Гараж, машина, славненькая дача...
Трудолюбив хозяин, не иначе,—
И все-таки его душевно жаль.

Работал человек, сгорал дотла,
Сгибая плечи и здоровье руша...
И вещи под конец разъели душу —
Ничтожна цель, что так его влекла.

Молчит рояль. Кому на нем играть?
Покрыты книги серым слоем пыли.
Где силы те, что в нем когда-то были,
Все изменить и заново начать?..

Как жаль: летит неудержимо вниз
На хлам вещей размененная жизнь.

ДОБРОТА

Доброта живет на свете тихо,
Незаметна, словно хлеб и соль.
Где болит, возьмет себе всю боль,
Там, где лихо, встанет против лиха.

Чужды ей реклама, суета
И возни придуманные драмы.
Доброта — как будто руки мамы,
Нити жизни держит доброта.

Перевела с украинского
Ирэна СЕРГЕЕВА.

НА ЛЕСНОМ КОРДОНЕ

Шум сосен вековых над головой,
Поют взахлеб невидимые птицы.
Тропинка, перевитая травой,
Спешит в лощину — к холоду криницы.

Куда ни глянь, как будто сладкий сон.
Туман плывет, и пух с цветов порхает.
И только неба реактивный стон
О нашем дне тебе напоминает.

●

Дети спят, и тишины струна
Чисто и легко звенит над ними.
На экране синего окна
Ночь цветет огнями золотыми,
Голубою тайною полна...
Даже не представить, что на свете
Где-то, может быть, гремит война,
Умирают матери и дети!
Разложу тетради
На столе,
Прочитаю свежие газеты
И замру с тревогой о Земле,
О грядущем собственной планеты:
Это что — звезда летит с небес
Или смерти хищный стеклорез?!

●

Этот лес встречал меня тогда
Плеском листьев, голосом дрозда,
Дремой трав, томлением малины,
Родником, бегущим из долины.
Вот он, дуб. И тропочка легка
От ручья к сторожке вьется снова.
Где же ты, что ждать давала слово,
Дочь Полесья — дочка лесника...
Позабыть и мне пора давно бы
Девушку из солнечного лета...
Все другое... Годы — как чащобы.
Но стою и будто жду ответа.

●

Бесследно ничто в пустоте не растает?
А как же с рекою?!
Она высыхает.
А с лугом распаханным,
Лесом порубленным,
Судьбою разменянной,
Даром погубленным?
Ничто не исчезнет бесследно?..
Довольно!
Природа стенает,
А каждому больно.
Себя пожалеем,
Покуда навеки
Леса не иссякли
И быстрые реки,—
Войдем под зеленые древние своды
Мы, дети послушные доброй природы...

Перевел Юрий МЕЗЕНКО.

ЧЕМ УГОСТИШЬ, «СУМСКОЕ»?

Прежде здесь, на одной из центральных харьковских улиц, в полуподвальчике, была заурядная столовая: поел, вышел, забыл. Но летом эта точка общепита преобразилась и стала кондитерским кафе «Сумское».

— В Харькове сейчас много хороших кафе и безалкогольных баров,— говорит заведующая производством «Сумского» Г. А. Степаненко.— И чтобы завоевать место под солнцем, чтобы добиться популярности, надо проявить выдумку и настойчивость. У нас они состоят из четырех слагаемых: постоянно обновляемый ассортимент, уют, внимательное обслуживание, продуманная музыкальная программа. Неподалеку несколько институтов. Наши основные посетители — студенты. Стараемся делать блюда дешевле, чем в других кафе. И это оправдывает себя: «Сумское» никогда не пустует. Как с планом? Дневной товарооборот столовой составлял двести пятьдесят рублей, а сейчас почти вчетверо больше.

Чем угощает «Сумское»? Предлагают фруктовые и молочные коктейли, около пятнадцати видов соков и напитков. Желе, кремы, шоколад со взбитыми сливками, мороженое, фрукты, орешки... А еще бутерброды и пышки — с пылу, с жару.

Начали делать муссы. Поначалу сомневались, примут ли посетители. Теперь ежедневно продается по 230—250 порций.

К стойке подходят две девушки.

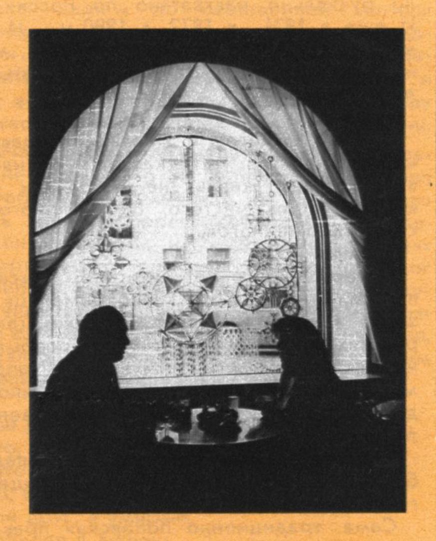
— Что сегодня новенького?

— Абрикосовый самбук,— предлагает бармен.— А желе из черной смородины пробовали?

— Экспериментируем, вводим новые блюда, это тоже привлекает людей,— продолжает Галина Алексеевна.— На улице холодно, мороженое заказывают реже. Мы включили в меню бульоны с яйцом или фрикадельками, пиццу. Будет коечто с грибами — на отдельной сковородочке. Что именно — пока не скажу. Свежих фруктов зимой меньше — пошли в ход апельсины, хурма, курага, лимоны, мандарины. Заготовили сто килограммов клюквы. Вечером у нас аншлаг. К нам приходят отдохнуть от институтских и школьных забот, развлечься, перекусить, послушать музыку. И мы стараемся сделать так, чтобы посетители хорошо провели время.

А. МИХАЙЛОВСКИЙ

Харьков.

Снимок сделан в одном из харьковских кафе.

Фото Ю. Евсикова

Колхозный детский сад «Улыбка» * Бассейн в детском саду колхоза.

Н. А. Добролюбов. Фотография Ж. Грилля. Неаполь. 1861 год.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

СЕРД

...Ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья
Ты отдал ей...

Н. А. Некрасов

Николай СКАТОВ,
доктор филологических наук

ТЫ ЧИСТОТУ ХРАНИЛ

«Умирать с сознанием, что не успел ничего сделать, ничего! Как зло насмеялась надо мной судьба!.. Хоть бы еще года два продлилась моя жизнь, я успел бы сделать хоть что-нибудь полезное. Теперь ничего, ничего!» Вот с какими словами умирал в позднюю петербургскую осень 1861 года Николай Добролюбов. «Хоть бы еще года два...» То есть протянуть хотя бы до двадцати семи. Не протянулось, не продлилось. Все кончилось к двадцати пяти. Но ощущение, каких великих сил нужно было в себе нести, чтобы сказать «ничего» о том, что уже в течение ряда лет заполняло лучшие страницы лучшего журнала столетия и почти немедленно перешло в собрания сочинений: уже в следующем после смерти, 1862 году было буквально расхватано по России первое. И еще в 1871, в 1872, в 1890-м... И вот сейчас, спустя почти полтора столетия, мы снова и снова все это пытаемся разобрать, осмыслить и усвоить.

Ничего?

Зрелый, многое и многих повидавший Некрасов написал: «Что касается до нас, то мы во всю нашу жизнь не встречали русского юноши столь чистого, бесстрашного духом, самоотверженного».

Ничего?

И через много лет литератор совсем иного лагеря, консерватор, «нововременец» В. В. Розанов засвидетельствует, что уже целый ряд русских поколений «усвоил тот особый душевный склад, тот оттенок чувства и направление мысли, которое жило в этом еще таком молодом и уже так странно могущественном человеке».

Что же это был за душевный склад и куда была направлена мысль этого могущественного человека?

Сама традиционно поповская православная фамилия — Добролюбов оказалась для него как бы символом и эмблемой. Да так она и была понята почти тогда же, отозвавшись, пусть ослабленно, в юном Григории Добросклонове в знаменитой некрасовской поэме.

Много доброго вынес сын из семьи своего отца, честного, образованного и предельно сурового нижегородского священнослужителя. Может быть, прежде всего идею служения, хотя, уж конечно, и не священнического. Во всяком случае, завет «Возжелав премудрости, соблюди заповеди» не остался для него только темой написанного в семинарии сочинения, но стал неизменно руководительным жизненным принципом.

Добролюбов был наделен каким-то редчайшим чувством правды, талантом ощущать ее в самом большом и в самом малом, в жизни, в быту, в литературе. А потому не могущей быть достигнутой никаким другим путем, кроме самого большого, самого решительного и всеохватного. В. И. Ленин писал, что в тех условиях, то есть на рубеже 50—60-х годов, «самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».

Александр Блок назвал однажды Добролюбова дореволюционным писателем, то есть предреволюционным. К этому можно было бы прибавить, что Добролюбов оказался писателем до революции, которая тогда так и не произошла. Ни высокой трагедии состоявшейся революции, ни далеко не столь высокой, но все же трагедии революции несостоявшейся ему пережить не довелось. Он действительно ощутит ее приближение, но уже никогда не узнает, что она прошла мимо.

Все остальное у Добролюбова производное от этого. В том числе и литература, и поэзия, и критика. Но из этого для него отнюдь не следовало, что литературу можно ломать, подчиняя чему бы то ни было.

Он и занимался-то больше всего и прежде всего литературой потому, что именно русская литература более чем что-либо выражала тогда правду.

Общее чувство правды в нем было таковым, что не только не подавляло правду литературы, но бесконечно обостряло ее восприятие.

Добролюбов никогда не мог бы ни зачеркивать Пушкина, ни отрицать Островского, ни отвергать Тургенева или Щедрина, что постоянно случалось тогда с критиками — и передовыми и не передовыми. В известном смысле он был нашим самым «эстетическим» критиком.

Мало кто так, как Добролюбов, доверял искусству. Вот интереснейшее свидетельство такого доверия:

«Если уже г. Тургенев тронул какой-нибудь вопрос в своей повести, если он изобразил какую-нибудь новую сторону общественных отношений,— это служит ручательством за то, что вопрос этот действительно подымается или скоро подымется в сознании образованного общества, что эта новая сторона жизни начинает выдаваться и скоро выскажется резко и ярко пред глазами всех».

Замечательное ручательство за искусство перед лицом жизни, но, конечно, потому что здесь само искусство ручалось за жизнь. Тургенев был художником, ручавшимся за жизнь, и потому-то Добролюбов оказывался критиком, ручавшимся за Тургенева. И за Островского. И за Гончарова. «Ему,— пишет критик об авторе «Обломова»,— нет дела до читателя и до выводов, какие вы сделаете из романа: это уж ваше дело. Ошибетесь — пеняйте на свою близорукость, а никак не на автора».

У него был чистый, почти абсолютный эстетический слух. Как ни у кого из критиков ни вокруг, ни после него. И как, может быть, только один раз — до него. 18 февраля 1855 года умер император Николай I. Чуть ли не первым в «Северной пчеле» его оплакал журналист Николай Греч. 4 марта по почте плакальщик получил гневное письмо. Должно быть, адресата передернуло, когда он увидел фамилию своего как бы вставшего из гроба старого врага Белинского: «Анастасий Белинский». Так подписавшему письмо студенту главного педагогического института Добролюбову действительно суждено было стать воскресшим (Анастасий — по-гречески воскресший) Белинским нашей жизни, нашей литературы. «Упорствуя, волнуясь и спеша, ты честно шел к одной высокой цели»,— написал о Белинском Некрасов. Добролюбов упорствовал еще более, еще сильнее волновался и еще скорее спешил: ведь в сравнении с его путем, даже краткий тридцатисемилетний век Белинского кажется громадным — долее на целых двенадцать лет.

Подобно Белинскому, Добролюбов был критиком. Подобно Белинскому, раньше всех и лучше всех оценившему Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Добролюбов быстрее других и сильнее многих воздал Островскому, Гончарову, Тургеневу... Но только ли в том дело, что какие-то пусть замечательные писатели получили достойную оценку. Да и мало ли было сказано о них уже и тогда умных и проницательных слов.

Подобно статьям Белинского, статьи Добролюбова явили собой удивительный феномен. Это и критические работы, и нечто далеко выходящее за свои собственные жанровые рамки. Пьесами жизни назвал Добролюбов пьесы Островского. Его собственные статьи можно было бы назвать «статьями жизни». Потому-то они не исчерпывают Островского, но они и не исчерпываются Островским. Нетрудно представить тип статьи, имеющей значение и цену лишь в отношении к рассматриваемому произведению. Статьи Белинского и Добролюбова имеют безотносительную ценность сами по себе. Недаром они и зажили почти немедленно самостоятельной жизнью в собраниях сочинений. Роман Тургенева, конечно, можно читать и без статьи Добролюбова. Но удивительно, что и статью Добролюбова можно читать как бы и без романа Тургенева. В объединении же они составили особый комплекс, тип социальной, эстетической, нравственной культуры, кажется, в новейшей истории литературы почти и не встречавшийся. Статья и роман взаимодействовали и, не совпадая, бесконечно обогащали друг друга. Роман Тургенева «Накануне» мог бы вполне нести название добролюбовской статьи «Когда же придет настоящий день?» — и наоборот.

Статьи Добролюбова об Островском — это именно статьи об Островском. Островский не повод, не предлог для иного разговора; они без Островского никогда бы не возникли, ибо миры Островского и Добролюбова совмещаются. Но границы их не абсолютно совпадают.

Первые свидетели здесь сами художники: недаром после появления статьи о «Темном царстве» Островский говорил, что Добролюбов «был — первый и единственный критик, не только вполне понявший и оценивший его «писательство», но еще и проливший свет на избранный им путь...»

ЦЕ ГРАЖДАНИНА

«Взгляните, пожалуйста,— писал Гончаров П. Анненкову,— статью Добролюбова об Обломове; мне кажется, об обломовщине, то есть о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя... Замечаниями своими он меня поразил: это проницание того, что делается в представлении художника. Да как он, не художник, знает это?»

И в литературе прошлого, и в наше время довольно прочно держался взгляд на наших великих критиков-демократов как на ниспровергателей, отрицателей и разрушителей — «нигилистов». Между тем это были прежде всего строители национальной культуры. Они действительно побивали в литературе ложное, дурное и бездарное. Они в силу многих причин сумели оценить не все великое в ней. И все же они смогли утвердить себя в литературе, только утверждая Пушкина и Гоголя (Белинский), Толстого и Тургенева (Чернышевский), Островского и Гончарова (Добролюбов). Добролюбов написал статью «Луч света в темном царстве», то есть луч, в этом «царстве» рожденный, а не на него извне направленный, как, пожалуй, понимается часто этот образ. Когда Писарев писал свои направленные против Пушкина статьи, то он так и должен был их назвать: «Пушкин и Белинский». Попытаться сокрушить Пушкина можно было, только сокрушив Белинского. Когда тот же Писарев захотел «отменить» Катерину как светлое явление русской жизни, погасить этот луч света, то он должен был сначала попытаться одолеть ее защитника — Добролюбова, ибо Добролюбов и здесь «чистоту хранил», охраняя чистую: ведь именно так переводится с греческого это столь значимое в нашей литературе имя.

ТЫ ЖАЖДЕ СЕРДЦА НЕ ДАЛ УТОЛЕНЬЯ

В 1861 году в самом конце своей недолгой жизни Добролюбов произнес в стихах горькие слова:

Друг выспренних идей, как медная машина,
Для блага общего назначенный служить,
Я смею чувствовать лишь сердцем гражданина,
Инстинкты юные я должен был забыть.

Что же, вся жизнь Добролюбова была принесением себя в жертву. «Судьба жестоко испытывает и ожесточает против всего»,— писал Добролюбов в одном из писем.

Осенью 1855 года умерла мать, а через несколько месяцев отец. Девятнадцатилетний студент оказался как бы главой семьи, в которой осталось семь малолеток — братьев и сестер. Мал мала меньше — от тринадцати лет до одного года. Кое-как пристраивались они к родственникам, рассовывали их по опекунам. Несчастье с младшей из оставленных там сирот (обожглась и мученически умерла), наверное, постоянно жгло его. Забота о близких волновала, даже когда жизнь их более или менее устраивалась. Братьев он решил забрать в Питер, учить и воспитывать. Вырабатываемые тяжелым репетиторством пятерки и десятки в письмах пересылались в Нижний сестрам. К самозабвенной учебе студента прибавилась самоотверженная работа педагога. «Вот, например, описание моего понедельника. Встану в шесть-семь, до половины девятого занимаюсь приготовлением к лекции греческой литературы и потом французской литературы. В $8^1/_2$ завтрак и чай — до 9-ти. В 9 часов начинаются лекции. У нас нет первой лекции, но в это время я должен приготовиться к вечерним урокам. От $10^1/_2$ до 3 — лекции, в 3 — обед. В 4 я уже должен быть на уроке — в Семеновском полку, то есть версты $3^1/_2$ от института. Здесь занимаюсь арифметикой с 6—7 девочками от 7 до 10 лет, в одном частном пансионе. Отсюда направляюсь на другой урок, русской литературы, и здесь бываю от 6 до 8 часов; в $8^1/_2$ прихожу в Институт ужинать... Усталый, измученный, провожу в болтовне или легком чтении полчаса. И потом опять, сажусь за работу до $10^1/_2$. В это время гасят огонь...» Чахотка тогда еще не ясно проявлялась, но уже быстро наживалась.

Добролюбов рано узнал, что такое страдание и сострадание. Он приносил себя в жертву своим родным, приносил он себя в жертву и своей Родине. На родных шли деньги, заработанные за статьи, которые писались для Родины. Он действительно был назначен служить и для блага общего служил и служил.

«Мы знаем,— пишет он одному из друзей,— что современная путаница не может быть разрешена иначе, как самобытным воздействием народной жизни. Чтобы возбудить это воздействие хоть в той части общества, какая доступна нашему влиянию, мы должны действовать не усыпляющим, а самым противным образом. Нам следует группировать факты русской жизни, требующие поправок и улучшений, надо вызывать читателей на внимание к тому, что их окружает, надо колоть глаза всякими мерзостями, преследовать, мучить, не давать отдыху — до того, чтобы противно стало читателю все это богатство грязи и чтобы он, задетый наконец за живое, вскочил с азартом и вымолвил: «Да что же, дескать, это, наконец, за каторга! Лучше уж пропадай моя душонка, а жить в этом омуте не хочу больше». Вот чего надобно добиться и вот чем объясняется и тон критик моих, и политические статьи «Современника» и «Свистка» (сатирический раздел «Современника».— Н. С.).

С конца 1857 года Добролюбов руководитель, может быть, лучшего отдела — критики, безусловно, первого тогда журнала «Современника», то есть фактически он во главе литературной, да и вместе с Чернышевским общественной жизни целой огромной страны. Ему уже исполнился 21 год! Все здесь шло убыстренно, усиленно, умноженно.

Проведши молодость не в том, что было нужно,
И в зрелые лета мальчишкою вступив,
Степенен и суров я сделался наружно.
В душе же как дитя и глуп и шаловлив.

«Мне часто вспоминается,— пишет Добролюбов другу в Москву,— уютный московский уголок... Такого уголка я здесь до сих пор не завел себе. Здесь все смотрит официально, и лучшие мои знакомые удивятся, если вдруг откроют во мне, например, юного котенка, желающего прыгать и ластиться. Здесь я должен являться не иначе как суровым критиком, исправным корректором и расторопным журналистом. «Суров и я сделался!..», «Я должен являться суровым...» «Суров ты был»,— резюмирует уже после смерти критика Добролюбова поэт Некрасов. Все было подчинено великой жизненной цели — пробуждения России. «Поверь,— пишет он М. И. Шемановскому,— что в жизни есть еще интересы, которые могут и должны зажечь все наше темное существо и своим огнем осветить и согреть наше темное и холодное житьишко на этом свете. Интересы эти заключаются... в общественной деятельности. До сих пор нет для развитого и честного человека благодарной деятельности на Руси; вот отчего и вянем, и киснем, и пропадаем все мы. Но мы должны создать эту деятельность, к созданию ее должны быть направлены все силы, сколько их ни есть в натуре нашей». Духовная натура Добролюбова была почти всесильна. Физическая не выдерживала и ломалась. Не складывалась личная жизнь, не устраивался быт. Да и не до того было.

Наконец, по решительному настоянию Некрасова и Чернышевского на данные «Современником» деньги Добролюбов уезжает за границу лечиться, подчиняясь основному аргументу: он нужен работе, журналу, литературе, обществу, стране.

КАК ЖЕНЩИНУ, ТЫ РОДИНУ ЛЮБИЛ

И вот здесь-то, в этот последний год его, жизнь вдруг развернулась перед ним в красоте, богатстве и блеске. Европа — Германия, Франция, Швейцария, Италия, Греция: Лейпциг, Париж, Веймар, Рим, Неаполь, Афины. К тому же впервые в жизни он был отдыхавшим, свободным человеком, ехал «праздным» курортником. Не только прелесть полуюжной и южной природы и памятники вековой культуры, но и сам быт, уют, тоже веками создававшиеся, самый склад жизни, нескованной, естественной, простой, все словно рассчитано было, чтобы после холодного внешне и внутренне, чиновничьего Петербурга и постоянного ему противостояния пробудились забытые «инстинкты юные». В одном из последних парижских писем Добролюбов пишет, как бы делая открытие и удивляясь:

«Здесь я начинаю приучаться смотреть и на себя как на человека, имеющего право жить и пользоваться жизнью, а не призванного к тому только, чтобы упражнять свои таланты на пользу человечества... Здесь я проще, развязнее, более сжит со всем окружающим в СПб (Санкт-Петербурге.— Н. С.) есть люди, которых я уважаю, для которых готов на всевозможные жертвы: есть там люди, которые меня ценят и любят: есть такие, с которыми я связан «высоким единством идей и стремлений». Ничего этого нет в Париже. Но зато здесь я нашел то, чего нигде не видел,— людей, с которыми легко живется, весело проводится время, людей, к которым тянет беспрестанно, не за то, что они представители высоких идей, а за них самих, за их милые, живые личности».

Жизнь представала во всей прелести и соблазнительности, дразнила и искушала. Пробудился и еще один «инстинкт юный», пришло серьезное увлечение — итальянкой Ильегондой Фиокки. Добролюбов хотел жениться. Родители девушки были не против. Правда, при одном условии: нужно было не возвращаться в холодную, убийственную для его тела и изнурительную для его духа бюрократизированную Россию, а остаться в благословенной Италии, как сказал другой поэт, «под пленительным небом Сицилии» (Фиокки жила в Мессине). Можно было не ехать к «представителям высоких идей» и к оставленным там братьям и сестрам, а задержаться здесь с «милыми живыми личностями», среди людей, с которыми легко живется, весело проводится время, к которым тянет беспрестанно. Впрочем, здесь не было ни борьбы, ни преодолений, потому что не было ни сомнений, ни колебаний. Как будто он мог замазать и приглушить то, что назвал в статье о Достоевском «болью о человеке», в этой боли о человеке он увидел главную черту Достоевского. Этой «болью о человеке» болела его Родина, этой «болью о человеке», рано заразившись, он проболел всю жизнь. Ведь и все время пребывания в Европе он работает на Россию и для России: стихи, рецензии, статьи идут и идут в «Современник». Сами итальянские события, тогда бурные, являются в статьях Добролюбова, по словам Антоновича, как «довольно прозрачные кивания на домашние дела, и он как бы хотел сказать: при отрадных явлениях; «Вот если бы и у нас так», а при безотрадных: «Точь-в-точь как у нас».

Летом 1861 года с обострением болезни Добролюбов долго и трудно через Одессу, Харьков, Москву добирался в Петербург. Заезжает и в Нижний Новгород. «В первый же день приезда,— вспоминала сестра,— он позвал меня и старшую сестру Анну пойти с ним на кладбище, где похоронены наши родители. Там бросился он на могилы отца и матери и заплакал, просто громко зарыдал, как ребенок». Прощался: ведь и до собственной могилы оставались считанные месяцы. И в эти последние свои дни он как будто стремился передать, перелить, перекачать все свои мысли и чувства, все свои силы в набирающую силу жизнь своей страны, своей родины — России.

«С начала 1858 года,— говорил Чернышевский,— не проходило ни одного месяца без того, чтобы ...мы настойчиво не убеждали его работать меньше, беречь себя... Иногда обещался он отдохнуть, но никогда не в силах был удержаться от страстного труда. Да и мог ли он беречь себя? Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время...» Торопил, и догонял, и обгонял. Незадолго до смерти им были написаны стихи:

Милый друг, я умираю,
Оттого, что был я честен,
Но зато родному краю
Верно, буду я известен.
Милый друг, я умираю,
Но спокоен я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

«О, как он любил тебя, народ! До тебя не доходило его слово, но когда ты будешь тем, чем хотел он тебя видеть, ты узнаешь, как много для тебя сделал этот гениальный юноша, лучший из сынов твоих».

Н. Г. Чернышевский

«Двадцать четвертого числа (января месяца)... у священника Александра Иванова Добролюбова и законной жены его Зинаиды Васильевой родился сын Николай...»

Запись в «Метрической книге Нижегородской Николаевской верхнепосадской церкви» за 1836 год.

* * *

«Из открытых окон (дома Добролюбовых) являлся великолепнейший вид в России: Кремль на горе с зубчатой своей стеной и пятиглавым собором, блестящим как серебро при свете полной луны... наконец, необъятная величественная суровая панорама Волги».

А. Д. Улыбышев. Записки. 1843—1844.

* * *

«Александр Иванович Добролюбов... был человек развитый, начитанный, образованный, любил светскую литературу и отличался высокой нравственностью, почему пользовался любовью и уважением не одних прихожан своих, но и всех вообще жителей Нижнего Новгорода. Честность, бескорыстие, доброта и редкое благодушие отличали (А. И. Добролюбова)».

П. И. Мельников-Печерский. Заметка о покойном Н. А. Добролюбове. (1861).

* * *

«...Во всю мою жизнь, сколько я себя помню, я жил, учился, работал, мечтал — всегда с думой о счастии матери... Всегда она была на первом плане; при всяком успехе, при всяком счастливом обороте дела я думал только о том, как это обрадует маменьку...»

Н. А. Добролюбов — М. И. Благообразову. 15 апреля 1854 года. Петербург.

* * *

«В 1846 году 12—15-летние ученики высшего отделения Нижегородского духовного уездного училища, только что перешедшие из низшего отделения и имея уже за плечами четыре года несладкой работы над горькими корнями учения, были несколько неприятно поражены, что к ним в сентябре месяце ректор училища привел десятилетнего мальчика Добролюбова учиться. «Прямо в четвертый класс!» — говорили ученики, удивлялись и завидовали... «Говорят, братцы, подготовлен хорошо. А латинский как знает! Книг много у отца... Он уж Карамзина прочитал...» Начали присматриваться. ...Увидали, что очень скромен и застенчив, как девочка, дичится всех, чуждается. В переменах классных и до прихода учителя ни с кем не якшит, а читает книжки, которые из дому носит. Книжки были все по предметам, проходимым в классе».

М. Е. Лебедев. Воспоминания о Н. А. Добролюбове. (Ноябрь — декабрь 1861.)

* * *

«У меня... есть несколько стихотворений... Если найдете в них что-нибудь годное, прошу Вас поместить их в Вашем журнале».

Н. А. Добролюбов — М. П. Погодину, редактору журнала «Москвитянин», ноябрь 1850 года. Нижний Новгород.

* * *

«Воображаю, милые мои папаша и мамаша, с каким мучительным беспокойством смотрели вы вслед удалявшемуся дилижансу, который оторвал меня от родимого крова. Вас тревожила не столько горесть расставанья, сколько страх грядущих неприятностей, которые могли встретиться со мною на неведомом пути».

Н. А. Добролюбов — родителям. 6 августа 1853 года. Москва.

* * *

«Главным образом соблазняет меня авторство, и если мне хочется в Петербург, то не по желанию видеть Северную Пальмиру, не по расчетам на превосходство столичного образования: это все на втором плане, это только средство. На первом же плане стоит удобство сообщения с журналистами и литераторами».

Н. А. Добролюбов. Дневник. 15 марта 1853 года.

* * *

«Мысль поступить в университет не оставляет меня».

Н. А. Добролюбов. Дневник. 15 марта 1853 года.

* * *

«Простите меня, мои милые, родные мои папаша и мамаша!.. Объявлен я студентом Главного педагогического института... Не оправдал я надежд и ожиданий ваших...»

Н. А. Добролюбов — родителям. 23 августа 1853 года. Петербург.

* * *

«Рано овладела мной благородная решимость посвятить себя на служение отечеству моему. Долго странные мечты волновали неопытный ум, но наконец остановился я на звании педагога. Размышляя об этом звании, я почувствовал в себе и способность, и желание, и терпение — все, что нужно для этого трудного дела...

Я способен передавать свои познания, потому что не обделен даром слова, потому что имею сердце, которое нередко само ищет высказаться...»

Н. А. Добролюбов. Вступительное сочинение на тему «Мое призвание к педагогическому званию». 1853.

* * *

«...Я поступил на историко-филологический факультет и сообразно с тем провожу время свое, день за днем, в занятиях, преимущественно филологических...»

Н. А. Добролюбов — В. В. Лаврскому. 2 октября 1853 года. Петербург.

* * *

«Ваше уведомление о болезни моей мамаши поразило меня не менее, даже, может быть, более, нежели самая весть о смерти ее. Так это было неожиданно, так много противоречило моим надеждам. В борьбе между страхом и надеждою провел я неделю, и когда все решилось, я сделался как-то туп к печали... Без слез, без мысли, без воспоминания, а просто с какой-то тяжестью в сердце часто оставался я по нескольку минут...»

Н. А. Добролюбов — отцу. 29—30 марта 1854 года. Петербург.

* * *

«...Он (Н. А. Добролюбов) приехал на каникулы в нашу семью, после уже смерти матери, я вспоминаю его, и он рисуется в моем представлении серьезным, как-то грустно сосредоточенным, с спокойным и ровным голосом и манерами. Помню, когда мы входили в кабинет отца, всегда видели там — он или читал что-нибудь отцу, или разговаривал с ним».

Е. А. Стеклова (сестра Н. А. Добролюбова) — Н. Г. Чернышевскому. 23 мая 1889 года.

* * *

«6 августа мой отец умер — от холеры. Семеро маленьких детей остались на моих руках, запутанные дела по дому — тоже. А между (тем) я еще тоже считаюсь малолетним и подвержен опеке... Папеньку все в городе так любили, что принимают теперь в нас живейшее участие. Подличает с нами одно только духовенство и архиерей».

Н. А. Добролюбов — Д. Ф. Щеглову. 9 августа 1854 года. Нижний Новгород.

* * *

«Меня постигло страшное несчастье — смерть отца и матери,— но оно убедило меня окончательно в правоте моего дела, в несуществовании тех призраков, которые состроило себе восточное воображение и которые навязывают нам насильно вопреки здравому смыслу. Оно ожесточило меня против той таинственной силы, которую у нас смеют называть благою и милосердною, не обращая внимания на зло, рассеянное в мире, на жестокие удары, которые направляются этой силой на самих же ее хвалителей!..»

Н. А. Добролюбов. Дневник. 18 декабря 1855 года.

* * *

«...Нас было немного — человек десять, преданных делу будущности, сознавших, что сухие лекции большей части наших почтенных профессоров и деспотические требования начальства в исполнении самых мелочных формальностей должны стать у нас далеко на втором плане и что нам нужен самостоятельный труд и прежде всего работа над самими собой... В числе наших товарищей, действовавших в таком духе, Николай Александрович был самым решительным, самым энергическим и чрезвычайно влиятельным деятелем. Вокруг него всегда, бывало, собирался кружок любивших и уважавших его товарищей; даже и враги его по убеждениям всегда относились к нему как к человеку, который гораздо выше их стоял по своим честным стремлениям и по уму. А врагов у него было немало, особенно в последнее время институтской жизни, когда направление его ясно обозначилось».

Б. И. Сциборский — Н. Г. Чернышевскому. 10 февраля 1862 года.

* * *

«Я решительно втягиваюсь в литературный круг и, кажется, без большого труда могу теперь осуществить давнишнюю мечту моей жизни...»

Н. А. Добролюбов. Дневник. 8 февраля 1857 года.

* * *

«...Добролюбов зашел ко мне в первый раз... Просидели мы с ним вдвоем по крайней мере... часов до двух, и толковали мы с ним о его понятиях... Через несколько недель он принес мне рецензию, написанную им об «Описании Главного педагогического института». Если чего не следовало для его безопасности печатать до окончания им курса, то, конечно, именно такой статьи. Но ему очень хотелось, чтоб она была напечатана, и я уступил. Дело сошло благополучно для него; статья была принята за написанную мною...»

Н. Г. Чернышевский. Воспоминания о начале знакомства с Н. А. Добролюбовым. 1886.

С отцом Александром Ивановичем. Лето 1854 года.

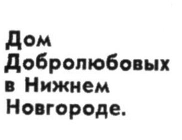
Детские рисунки Н. А. Добролюбова.

Могила Добролюбова на Волковом кладбище.

Дом Добролюбовых в Нижнем Новгороде.

* * *

«...Началось его (Добролюбова) постоянное сотрудничество в «Современнике» —...он принял в свое заведование отдел критики и библиографии в нашем журнале. Читающая публика знает, с каким блеском повел он эту часть журнала. Ему еще не было двадцати двух лет в это время».

Н. Г. Чернышевский. Н. А. Добролюбов. 1861.

* * *

«...Уж одно то, что он (Добролюбов) заставил публику читать себя, что критические статьи «Современника» с тех пор, как г.-Бов (псевдоним критика) в нем сотрудничает, разрезываются из первых, в то время, когда почти никто не читает критик,— уже одно это ясно свидетельствует о литературном таланте г.-Бова. В его таланте есть сила, происходящая от убеждения».

Ф. М. Достоевский. Г.-Бов и вопрос об искусстве. 1861.

* * *

«...С самой первой статьи его, проникнутой, как и все остальные, глубоким знанием и пониманием русской жизни... все, кто принадлежит к читающей и мыслящей части русской публики, увидели в Добролюбове мощного двигателя нашего социального развития. Сочувствие к литературе, понимание искусства и жизни и самая неподкупная оценка литературных произведений, энергия в преследовании своих стремлений соединялись в личности Добролюбова. «Меньше слов и больше дела» — было постоянным девизом его...»

Н. А. Некрасов.

* * *

«...Кроме вас да его (Некрасова), у меня никого нет теперь в Петербурге. В некоторых отношениях он даже ближе ко мне... Вы для меня слишком чисты, слишком безукоризненны как-то, и от Вашего доброго, оправдывающего слова мне иногда делается неловко и тяжело, как не бывает тяжело от резкого осуждения Некрасова».

Н. А. Добролюбов — Н. Г. Чернышевскому. 12(24) июня 1861 года. Мессина.

* * *

«...Не проходит дня, чтоб я Вас не вспомнил. Это чувствительно, но справедливо».

Н. А. Некрасов — Н. А. Добролюбову. Декабрь 1860 года.

* * *

«Постоянно занятый мыслью, как бы вернее подействовать на читателей, раскрыть им глаза, а главное — пробудить в них энергию, Добролюбов находил, что серьезные журнальные статьи для этого недостаточны, что в некоторых случаях шутка или насмешка могут действовать сильнее, чем серьезные рассуждения, и что в шуточной или сатирической форме возможно будет иногда провести в печать такие вещи, которые никак не пройдут в серьезной форме...»

М. А. Антонович. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове (1901).

* * *

«Свисток» придумал, собственно, я, а душу ему, конечно, дал Добролюбов.

Н. А. Некрасов. (Автобиографические записи. 1877.)

* * *

«Свисток» сделает свое дело, осмеет все пошлое, что печатают бездарные поэты. Серьезно разбирать всю эту глубокомысленную поэтическую пошлость и фальшь не стоит; за что утруждать бедного читателя; а «Свисток» он прочтет легко и еще посмеется».

А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминания (1889).

* * *

«Обломов», по выходе всех частей, произвел такое действие, какого ни Вы, ни я не ожидали... Оно огромно и единодушно. Добролюбов написал в «Современнике» отличную статью...».

И. А. Гончаров — И. И. Льховскому. 20 мая 1859 года.

* * *

«Две его (Добролюбова) статьи — одна о романе Гончарова «Обломов», другая о романе Тургенева «Накануне» — ударили как молния... Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе...»

Слова В. И. Ленина, сказанные в 1904 году. (В передаче В. В. Воровского.)

* * *

«...Где у нас люди, способные к делу? Где люди цельные, с детства охваченные одной идеей, сжившиеся с ней так, что им нужно — или доставить торжество этой идее, или умереть? Нет таких людей, потому что наша общественная среда до сих пор не благоприятствовала их развитию. И вот от нее-то, от этой среды, от ее пошлости и мелочности и должны освободить нас новые люди, которых появления так нетерпеливо и страстно ждет все лучшее, все свежее в нашем обществе».

Н. А. Добролюбов «Когда же придет настоящий день?». 1860.

* * *

«Последовательные демократы Добролюбов и Чернышевский справедливо высмеивали либералов за **реформизм,** в подкладке которого было всегда стремление укоротить активность масс и отстоять кусочек привилегий помещиков, вроде выкупа и так далее».

В. И. Ленин. Либералы и свобода союзов. 1913.

* * *

«Чернышевский и Добролюбов научили его (В. И. Ленина) с ранней молодости внимательно вглядываться в жизнь, воспитали в нем особую настороженность к либеральному фразерству, научили ненавидеть либерализм».

Н. К. Крупская. Н. А. Добролюбов. 1936.

* * *

«...Чем больше я его (Добролюбова) узнавал, тем сильнее поражала и увлекала меня эта необыкновенная личность... Но что особенно возвышало его... что составляло его характерную отличительную особенность, что возбуждало во мне удивление, почти даже благоговение к нему,— это страшная сила, непреклонная энергия и неудержимая страсть его убеждений. Все его существо было, так сказать, наэлектризовано этими убеждениями, готово было каждую минуту разразиться и осыпать искрами и ударами все, что заграждало путь к осуществлению его практических убеждений. Готов он был даже жизнь свою положить за их осуществление».

М. А. Антонович. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове (1901).

* * *

«...Я в прошлом декабре приобрел сильный хронический бронхит, который при моем образе жизни и петербургском климате грозил перейти в чахотку. Зимой я был серьезно болен, так что с месяц не выходил никуда. К весне стал поправляться, но плохо; меня и выпроводили за границу».

Н. А. Добролюбов — М. И. Шемановскому. 11(23) июня 1860 года. Лейпциг.

* * *

«...Для меня немыслимо существовать без журнальной деятельности. Если бы мне сказали, что я могу дожить до глубокой старости, но с условием бросить журнал, я не колеблясь предпочел бы лучше прожить только до тридцати лет, но не бросать свою журнальную деятельность».

Слова Н. А. Добролюбова в передаче А. Я. Головачевой-Панаевой. А. Я. Головачева-Панаева. Воспоминания (1889).

* * *

«Моя поездка до сих пор принесла мне пока только ту пользу, что дала мне почувствовать мое положение, которого в Петербурге я не сознавал за недосугом. Грудь у меня очень расстроена, да оказалось, что и нервы расслаблены совершенно...

...Какое-то неопределенное недовольство, какие-то смутные желания одолевают, воспоминания мелькают, и все вместе так тяжело! К этому прибавьте, что меня, начиная от Дрездена, по всему пути преследовала гнуснейшая погода, что я дорогой ни с кем не знакомился (не стоило хлопотать) и что в течение полутора месяца я не получал ни одного известия из России. В Дрездене я почувствовал себя особенно дурно, после путешествия по Эльбе на пароходе в сырую и дождливую погоду. Кашель усилился, горло заболело, дышать стало тяжело; я пошел к доктору Вальтеру. Тот и послал меня в Интерлакен лечиться сывороткой. Приехав в Интерлакен, я был очень плох и к тому же застал здесь проливные дожди и холод. Тоска меня взяла смертная, я думал, что мне и излеченья нет».

Н. А. Добролюбов — Н. А. Некрасову. 8(20) июля 1860 года.

* * *

«Большую часть времени за границей, конец 1860 года и всю первую половину 1861 года он провел в Италии и тоже в постоянной работе. Помимо журнальной работы, он изучал политические движения объединявшейся тогда Италии и написал около десяти печатных листов об итальянских делах. Но итальянские дела не до такой степени увлекали его, чтобы он из-за них мог хоть на минуту забыть об отечественных делах, и в этих статьях об итальянских сюжетах... заметны даже довольно прозрачные кивания на домашние дела...»

М. А. Антонович. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове (1901).

* * *

«Из России давно-давно ничего не имею. Не знаю даже, «Современник» существует ли или уже запрещен по случаю освобождения крестьян или какого-нибудь другого правительственного прогресса».

Н. А. Добролюбов — П. Н. Казанскому. 3(15) мая 1861 года. Неаполь.

* * *

«...Гарибальди: вот человек, не уступивший пошлости, а сохранивший свято свою идею... этот человек должен чувствовать, что он не загубил свою жизнь...»

Н. А. Добролюбов — Н. А. Некрасову. 23 августа (4 сентября) 1860 года. Диепп.

* * *

«...Он возвратился через Одессу в июле 1861 года, побывав по дороге в Афинах. Здоровье его за границей не поправилось, а даже ухудшилось. Едва он вступил на русскую почву, как это сказалось недобрым симптомом: у него хлынула кровь горлом. Доктор советовал ему подольше отдохнуть в Одессе, ввиду предстоящего ему трудного путешествия на лошадях до Харькова. Но он не послушался доктора, помчался в Петербург и прибыл в августе».

М. А. Антонович. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове (1901).

* * *

«Я кончил статью кое-как: у меня хлынула кровь горлом (вероятно оттого, что я наглотался одесской пыли), и доктор ни под каким видом не позволяет мне ехать. Если придется остаться долго, то я уже в Нижний не поеду, а явлюсь прямо в СПб. Во всяком случае — если совсем не слягу, приеду к пятому числу».

Н. А. Добролюбов — Н. Г. Чернышевскому. 13 июля 1861 года. Одесса.

* * *

«По приезде в Петербург он увидел и понял изумительную перемену, происшедшую в русском обществе. Друзья и знакомые встретили его нерадостными новостями. Цензура, и до того строгая, стала еще строже... именно против усмотренной в воздухе заразы нигилизма... Лихорадочное негодование (Добролюбова) повысилось еще на несколько градусов, и, таким образом, его в два кнута истязали две болезни: моральная и физическая. Но он крепился, бодрился и работал, не покладая рук».

М. А. Антонович. Из воспоминаний о Николае Александровиче Добролюбове (1901).

* * *

«...Уже со смертию в груди, ослабевшей рукой дописывал (Добролюбов) последние строки своей статьи по поводу г. Достоевского «Забитые люди».

И. И. Панаев. По поводу похорон Н. А. Добролюбова. (Ноябрь 1861 года.)

* * *

«Вы не поверите, как у меня сжимается сердце за бедного —бова (Добролюбова). Неужто его не спасут? Вот будет потеря-то страшная. Ведь как он молод!»

М. Л. Михайлов — Н. В. Шелгунову. 13 ноября 1861 года.

* * *

«...Не труд убивал его,— он работал беспримерно легко,— его убивала гражданская скорбь. Иногда обещался он отдохнуть, но никогда не в силах был удержаться от страстного труда. Да и мог ли он беречь себя? Он чувствовал, что его труды могущественно ускоряют ход нашего развития, и он торопил, торопил время...»

Н. Г. Чернышевский. Некролог. (Ноябрь, 1861.)

* * *

«...Сознавая свое положение, брат не обращался к докторам и только в последнее время, вследствие настойчивых просьб А. Я. Панаевой, Н. А. Некрасова и Н. Г. Чернышевского, обратился к С. П. Боткину. Помню я посещения и ассистента Боткина — П. И. Бокова.

Мой брат никогда никому не жаловался, никогда не было слышно ни стонов, ни охов; он переносил свою болезнь молча, продолжая работать, не показывая вида, что силы оставляют его».

Вл. А. Добролюбов. Памяти брата (1901).

* * *

«Опять нам приходится занести в нашу хронику раннюю смерть — энергический писатель, неумолимый диалект и один из замечательнейших публицистов русских, Добролюбов, похоронен на днях на Волковом кладбище, возле своего великого предшественника Белинского».

Кончина Добролюбова.— «Колокол». 1861. 3(15) декабря.

* * *

Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,
Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно...
Природа мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Н. А. Некрасов. Памяти Добролюбова. 1864.

ПИСЬМО ДОБРОЛЮБОВА В ПЕНЗУ

В собраниях сочинений Н. А. Добролюбова печатается письмо директору Пензенской гимназии, датируемое сентябрем — октябрем 1856 года.

В это время Добролюбов был еще студентом Педагогического института в Петербурге. Товарищ Добролюбова по институту М. И. Шемановский в записи на обороте письма объясняет его историю: «Студент Казанского университета Эссен прислал анонимное письмо Давыдову (директор Педагогического института.— А. Х.), в котором от имени пензенского общества убеждал изменить характер институтского воспитания сообразно современному состоянию общества: поводом к этому была речь одного педагога, читанная публично на акте. Давыдов отвечал пензенскому директору в том тоне, чтобы он отыскал автора письма, для чего приложил оригинал и печать от конверта. Директор отыскал автора и представил его в III Отделение... Я слышал, что его сослали на Кавказ...»

Добролюбов, возмущенный поведением Давыдова, решил от имени студентов института послать свой ответ на письмо из Пензы.

«Милостивый государь! — писал Добролюбов директору Пензенской гимназии.— Вы, без сомнения, получили уже от директора Педагогического института письмо, присланное к нему из Пензы, с его ответом. В его ответе находится оправдание от всех обвинений, взводимых в этом письме на студентов института. Но студенты стыдятся, что защита их интересов досталась на долю человеку столь недостойному, и решаются сами сказать слово за себя. Директор наш прочитал нам как обвинение, так и свое оправдание, и мы спешим объяснить, что совсем не разделяем его точки зрения».

Характеризуя ответ Давыдова как «жалкие, бесстыдно ложные, лишенные внутреннего содержания фразы», Добролюбов продолжал:

«...Мы не только не оскорбляемся негодованием пензенского общества: но еще радуемся, находя в нем сильного союзника в наших собственных усилиях к уничтожению зла. Мы всегда гласно говорили пред обществом и даже пред высшим начальством, что нынешний институтский порядок не может привести ни к чему доброму; и в жалобах своих мы представляли в возможности то же самое, что пензенское письмо описывает уже случившимся в действительности. Из этого письма министерство может увидеть, что были правы мы, а не наши ближайшие начальники, на которых одних лежит ответственность за все тяжкое, неискупимое зло, которое потерпела Россия от института...»

Далее Добролюбов рисует «мрачную картину институтской жизни», рождающей «бессловесные, покорные, немыслящие существа».

Письмо Добролюбова в Пензу осталось неоконченным и не было отправлено. Оно печатается по автографу, хранящемуся в архиве Пушкинского дома в Ленинграде.

Ни письмо Добролюбова, ни объяснение Шемановского не раскрывают сути того, что вызвало возмущение пензенского общества. Вот что удалось выяснить по материалам архивов. На торжественном годовом акте Пензенской гимназии 30 июня 1856 года преподаватель истории В. А. Амстердамский прочел речь «О необходимости преподавания наук, преимущественно истории, в духе христианства». Речь была разрешена к прочтению попечителем Казанского учебного округа генерал-лейтенантом В. П. Молоствовым со следующими оговорками: «Желательно только, чтобы г. Амстердамский исключил несовместные с настоящим временем указания на Францию и спорные толкования о различии монархического и республиканского правления, а на будущее время желательно, чтобы гг. учители из уважения к своим слушателям лучше обдумывали изложение и тщательнее обрабатывали слог своих речей» (Пензенский облгосархив. Фонд канцелярии директора училищ; дело № 615 за 1856 г., л. 3). Текст речи Амстердамского сохранился в секретном архиве III Отделения с приложением серии писем Эссена по поводу этой речи, в том числе и письма его к Давыдову от 8 августа 1856 года (ЦГАОР, ф. 109, оп. 214, д. 116). М. Ф. Эссен был арестован в Пензе, привезен в Петербург и «по высочайшему повелению» в ноябре 1856 года сослан на Кавказ. Это подтверждает то, что сообщил Шемановский на обороте письма Добролюбова.

Из формуляра Амстердамского, хранящегося в Пензе, узнаем, что он окончил Главный педагогический институт, в котором учился Добролюбов, и потому чувство негодования вылилось в форме письма к директору института, выпускающему подобных педагогов.

А. В. ХРАБРОВИЦКИЙ

ГОТОВЯ ТРУДОВЫЕ ПОДАРКИ

Говорят участники встречи, недавно состоявшейся в редакции,— победители соревнования на призы «Огонька» в коллективах подшефных журналу предприятий и строек — КамАЗа и «Камгэсэнергостроя», БАМа, «Атоммаша» и «Волгодонскэнергостроя», «Оренбурггазпрома». В их выступлениях — трудовая перекличка по итогам одиннадцатой пятилетки, планы на будущее; ход выполнения обязательств в честь XXVII съезда КПСС; причины, мешающие успешному движению вперед.

ДАЕШЬ ДВУХОСНЫЙ «КамАЗ»!

Вячеслав КРЫПАЕВ, бригадир агрегатного завода производственного ордена Ленина объединения КамАЗ

Разрешите, товарищи, доложить, что 27 ноября производственное объединение КамАЗ выполнило по основным технико-экономическим показателям плановые задания одиннадцатой пятилетки. За пятилетку мы выпустили сверх плана тысячи «КамАЗов». Это наш главный подарок XXVII съезду родной партии.

Что самое ценное, на мой взгляд, в нашем коллективе? Бригадная форма организации труда. 98 процентов всех работающих в объединении входят в состав бригад, и все они нацелены на конечный результат. У нас есть такой особый показатель: коэффициент качества, который учитывается прежде всего при подведении итогов соревнования.

В нашей бригаде — наладчики, операторы. Каждый способен выполнять не только свои операции, но и соседа. Это нам очень помогло, особенно при наладке новой технологической цепочки, монтаж которой недавно был закончен. Дело в том, что мы осваиваем выпуск частей для новой модификации грузовика — двухосного, он пойдет и на экспорт. Его ждут многие иностранные фирмы.

Десять лет назад—я тогда, отслужив в пограничных войсках, только приехал на Каму,— накануне XXV съезда КПСС с главного конвейера сошли первые «КамАЗы». И в дни работы съезда первая колонна этих машин пришла своим ходом на Красную площадь. Теперь камазовцы поставили перед собой задачу — выпустить к 25 февраля, к дню открытия XXVII съезда КПСС, первую партию двухосных «КамАЗов».

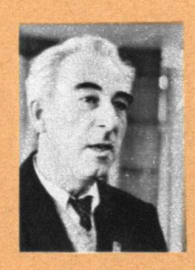
ВОСЕМЬ ДНЕЙ НА СБЕРЕЖЕННОМ

Михаил ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ, бригадир токарей ремонтно-инструментального завода КамАЗ

Около трех лет назад наша бригада решила перейти на сквозной метод, то есть работать из смены в смену без остановки оборудования. Для этого пришлось переставить станки, отпала необходимость переналадки и настройки оборудования в начале смены. Выиграли на этом целых тридцать минут. Примерно тогда же, три года назад, стали работать под девизом «За экономию и бережливость». Завели у себя лицевые счета. Занялись рационализацией, особенно по снижению трудоемкости и уменьшению веса деталей. Результаты немедленно сказались.

В прошлом, 1985 году мы брали обязательство сэкономить пять тонн черного и цветного металла, а сэкономили семь. Перевыполнили задание и по снижению трудоемкости — набралось более полутора тысяч нормо-часов. Экономисты подсчитали, что это дало нам возможность проработать за счет экономии трудовых и материальных ресурсов не два, а целых восемь дней. Как стало нам известно, это лучший результат по всему объединению.

Что же касается нашего задания на пятилетку, то мы выполнили его к сентябрю 1984 года. На нашем календаре теперь ноябрь 1987-го. К съезду партии думаем завершить два годовых плана уже наступившей, двенадцатой пятилетки.

НА ТАТАРСКОЙ АТОМНОЙ

Умат НАУРБИЕВ, председатель Совета бригадиров ордена Ленина производственного объединения «Камгэсэнергострой»

Мы строили известный всем КамАЗ, город Брежнев, население которого ныне приближается к полумиллиону. Только за прошлую пятилетку сдано было более двух миллионов квадратных метров жилья. А сейчас наш коллектив, в частности, работает на строительстве Татарской атомной станции. В Основных направлениях она стоит одной из первых в ряду АЭС, пуск первой ее очереди намечается в 1989 году. Мы сделаем все, чтобы оправдать оказанное нам доверие, и на древней челнинской земле возведем еще один городок.

Мы — механизаторы, в нашем комплексе сто специалистов по технике различного профиля. В их распоряжении автоскреперы, бульдозеры, экскаваторы, свои трайлеры для переброски техники с объекта на объект, грейдеры — все, что необходимо для земляных работ и перебазировки.

Нас уже много лет связывает непрерывный бригадный подряд. Мы работаем не на кубатуру, а на конкретно сданную площадь. Например, наш механизированный комплекс взял полностью на подряд промышленную площадку атомной станции со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь не только готовим котлован, но и выполняем весь цикл земляных работ.

Мы обратились ко всем строителям города в честь XXVII съезда КПСС развернуть соревнование «Каждый день — две сменные нормы». Многие бригады поддержали это начинание. Решено завершить вертикальную планировку под первый реактор атомной станции, а это и есть план I квартала 1986 года.

ПОШЛИ ЭЛЕКТРОВОЗЫ

Людмила МАСЛОВА, инженер, организатор соревнования «Главбамстроя»

В проекте Основных направлений о БАМе сказано: «Ввести в постоянную эксплуатацию Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль на всем ее протяжении...» Примером того, как эти строки уже сегодня воплощаются в жизнь, может служить сдача в постоянную эксплуатацию целого ряда участков. А в последний день минувшего года, 31 декабря, здесь сдано первое электрифицированное почти 350-километровое плечо магистрали: Усть-Кут — Северобайкальск. По нашему БАМу пошли электровозы! Этот пункт обязательств, взятых к XXVII съезду КПСС строителями и железнодорожниками, выполнен! Значит, ускорятся перевозки пассажиров и грузов, возрастет пропускная способность линии. Ведь на подступах к Байкалу семикилометровый тоннель, крутые подъемы и спуски, которые успешно

преодолевают электрические локомотивы.

А строители пошли дальше, на восток. По техническому проекту на этот прогрессивный вид тяги намечено перевести участок до реки Витим. А другая часть наших строителей-первопроходцев штурмует Север, просторы Якутии.

Параллельно решается другая задача — строительство жилья, детских садов, объектов соцкультбыта. У нас ходит поговорка: «На БАМе живут, как на БАМе»,— а нужно чтобы люди жили у нас, в тайге, не хуже, чем в больших городах. Но об этом расскажет Нелли Куликова — она штукатур, представляет тысячный отряд отделочников БАМа.

ОБЩЕЖИТИЕ ДЛЯ УЧАЩИХСЯ

Нелли КУЛИКОВА, бригадир штукатуров СМП-573 треста «Тындатрансстрой»

Я счастлива, что работаю на БАМе и живу в Тынде. Когда я сюда приехала десять лет назад, это был поселок с населением всего-то в две тысячи человек. А сейчас благодаря строителям — сюда я по праву причисляю и свою бригаду штукатуров-отделочников — город вырос. Здесь живет уже шестьдесят тысяч.

Есть у нас кинотеатр, школы, детский сад, роддом. Жилые дома девятиэтажные. Сама я в прошлом году справила новоселье, получила квартиру в высотном доме по улице Красная Пресня. Есть и такая у нас в городе: ведь многие строители — москвичи. Но с жильем у нас пока плохо. Немало семей до сих пор, скоро десять лет, живут в вагончиках.

О нашей бригаде. Тридцать человек нас, женщин. Средний возраст—тридцать лет. Коллектив наш дружный, постоянный по составу: никто никуда не ушел и не уехал. Сроднились, сдружились за это время. Замуж повыходили. Дети у всех народились. Вместе работаем, вместе проводим свободное время.

Работа у нас нелегкая. Почитай, восемь часов кряду приходится держать на весу затирочную машинку, а в ней без малого три килограмма семьсот граммов весу. Не легче наносить на стену и раствор резиновым шлангом, который тоже для женщин тяжеловат — двенадцать килограммов. А норма немалая — 25 квадратных метров в смену. Но даже при таких условиях перевыполняем ее в полтора раза. Пора бы нашим инженерам изобрести что-то новенькое, хоть в весе «облегчить» малую механизацию, которой мы пользуемся.

Строили мы не только в Тынде, работали по всей трассе. Есть доля нашего труда в Беркаките, Усть-Куте, Ларбе и других поселках, занимались отделкой вокзалов, депо. И сегодня ребята из нашего строительно-монтажного поезда № 573 работают за 100—250 километров от Тынды.

Сейчас моя бригада ведет отделку молодежного общежития для ГПТУ на 350 человек. Обязательства взяли высокие — к XXVII съезду партии досрочно завершить этот объект. И думаю, сделаем.

НАШЕ УСКОРЕНИЕ

Георгий ФОМЕНКО, бригадир комсомольско-молодежной бригады треста «Волгодонскэнергострой»

Бригада, которой я руковожу, занимается сейчас монтажом проходных тоннелей — невидимых глазу артерий, для водо-теплоснабжения и канализации, без которых не сможет жить нормально ни город, ни завод. Задача эта нелегкая, особенно потому, что мы столкнулись с пятью типами разных грунтов, даже и с просадочными. Нас 45 человек. На видном месте в бытовке висит вымпел, врученный нам за победу в соревновании на звание лучшей бригады Минэнерго СССР.

Недавно мы подвели предварительные итоги выполнения повышенных социалистических обязательств. По всему получилось, что мы за пятилетку выполнили шесть годовых заданий! Это и есть наш подарок XXVII съезду КПСС.

Сейчас на трудовом календаре бригады май 1987 года. Что обеспечивает динамику ускорения? Прежде всего — бригадный подряд, опережающий на год график работы, заключенные договора с подрядчиками. Главное не быть, как говорится, «на подхвате», не тратить попусту энергию на задельывание узких мест, а трудиться в едином технологическом потоке, который обеспечивает сдачу проходных тоннелей «от» и «до».

В конце каждого месяца определяем коэффициент трудового участия, мы его немного видоизменили и назвали коэффициентом творческого участия. Ведь бывает, что человек ни одного дня не прогулял, данный ему объем работы выполнил в срок. Только не видны его заинтересованность, горение общим делом, а другой — сам новатор, да еще о соседе думает. Теперь бригада решает, кому начислить, а кому урезать. Рационализаторам — «зеленая улица». У нас люди инициативные, смекалистые, один Валентин Прасков чего стоит! Вот только медленно, поистине с черепашьей скоростью управляются с бумагами там, где положено оформлять наши рационализаторские предложения и способствовать их внедрению.

Серьезным тормозом, мешающим нашему движению по пути ускорения, становятся, как и у бамовских штукатуров,— средства малой механизации. Прежде всего это вибраторы, при работе с бетоном без них не обойтись. Слишком часто выходят они из строя, и это съедает у нас немало времени. Хотелось бы, чтобы наше мнение дошло до конструкторов, чтоб подумали они о качестве и надежности этих устройств.

«ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС» «АТОММАША»

Виктор ЧЕРКАСОВ, заместитель секретаря парткома производственного объединения «Атоммаш» имени Л. И. Брежнева

В отечественной практике аналогов таким предприятиям, как «Атоммаш», не было, поэтому я могу смело назвать подвигом труд многих тысяч людей, создавших его. Смысл этого подвига в том, что параллельно с завершением основных строительных работ запущен «атомный конвейер». Не так давно «уплыл» по Волго-Донскому каналу в город Горький первый реактор для теплоснабжения — АСТ-500, уникальное в своем роде сооружение. К XXVII съезду партии коллектив «Атоммаша» полон решимости освоить весь номенклатурный список предназначенных к выпуску изделий, а их ни много ни мало — 125. 122 наименования уже освоили. Ситуация очень сложная, но атоммашевцы делают все для того, чтобы сдержать свое слово. Прочно входят в практику бригады творческого содружества, в которых рабочие объединяются с инженерно-техническими работниками.

На отчетно-выборной партийной конференции, состоявшейся в Ростове, справедливо говорилось о том, что «Атоммаш» остается серьезным должником по поставке оборудования для пусковых атомных электростанций. Считаем, что наш «звездный час», если так можно выразиться,— 12-я пятилетка. Мы должны вырваться вперед и сделаем это. Другого пути нет: в руках «Атоммаша» — важные рычаги реализации Энергетической программы страны. Мы полны решимости выполнить партийный наказ: вывести в 12-й пятилетке завод «Атоммаш» на путь рентабельного производства.

Новая пятилетка станет «звездной» и для нашего молодого города. Уже сейчас число его жителей приближается к 180 тысячам. Вырастут жилые кварталы, магазины, детские сады и ясли. Все крепче становится связь города с заводом. Сейчас заводские цехи шефствуют над отдельными микрорайонами.

ПО ПРОГРАММЕ СЭВа

Владимир БОНДАРЬ, буровой мастер Оренбургского управления буровых работ производственного объединения «Оренбурггазпром»

Из недр оренбургской земли мы добываем природный газ. Приятно сознавать, что он становится ценным сырьем для химической промышленности, отапливает наши дома. Отсюда берет начало нитка экспортного газопровода «Союз», того самого, по которому «голубое топливо» идет во многие европейские страны.

Объединение выполнило пятилетнее задание по объему реализации продукции, производительности труда и прибыли. Сверх пятилетнего плана получено 4,5 миллиарда кубических метров газа, 275 тысяч тонн серы, 700 тысяч тонн газового конденсата, реализовано сверхплановой продукции на 150 миллионов рублей.

Наша бригада гордится тем, что носит звание лучшей буровой Мингазпрома СССР. В этом году мы решили провести такой эксперимент: обслуживать три буровых станка двумя буровыми бригадами. Честно говоря, никто не поверил поначалу в саму идею, а ведь в первую очередь от своего руководства мы ждали поддержки. Получается, что если мы выполняем свою норму, проходим 7—8 тысяч метров за год — хорошо, а больше и не надо. Забегая вперед, скажу, что эксперимент удался, и сейчас мы работаем по-новому, проходка 10—12 тысяч метров перестает быть чем-то несбыточным. А по моим прикидкам, если трудиться ритмично и без сбоев, можно подойти и к рубежу в 15 тысяч, то есть поднять производительность труда более чем в два раза.

Я говорю «если». Так иногда хочется видеть рядом с собой тех, кто проектировал и выпускал буровые установки БУ-2500. Назвать их продукцию техникой сегодняшнего дня — значит польстить. Ребята шутят, что приходится обслуживать чуть ли не музейные экспонаты. Если же без шуток, то за вахту набегает два, три и больше часов ремонта. А о буровых долотах я уж и не говорю. Технический прогресс, на ускорение которого партия нацеливает весь советский народ, нас, буровиков, пока обходит стороной.

Обязательства к съезду мы берем повышенные. И разного рода внутриведомственные барьеры не должны чинить им препятствий. В основном все буровые бригады Мингазпрома СССР работают по методу бригадного подряда, но положение о бригадном подряде, выпущенное министерством, не ориентирует рабочих на большую экономию материальных ресурсов. Получается парадокс: чем быстрее бригада бурит скважину, чем больше экономит материалов, тем меньше получает премию по бригадному подряду. По этому вопросу я недавно выступал на совещании в министерстве...

●

Вот таким, не праздничным, а деловым, в «рабочей спецовке» получился разговор за нашим «круглым столом». Немало нелицеприятных слов было высказано его участниками в адреса заводов, научно-исследовательских и проектных институтов, причастных к разработке и изготовлению рабочего инструмента и особенно средств малой механизации.

Редакция «Огонька» ждет сообщений о принятии мер по этим сигналам.

Рассказы выступавших записали Г. АНУРИНА, В. КОВАЛЕВ, З. КРЯКВИНА, И. ТОЛКАЧЕВА.

В. Жемерикин. Род. 1942. РАБОЧИЙ. 1982.

Художественная выставка «Советская Россия».

Х. Якупов. Род. 1919. МОИ ШАЛИНЦЫ. 1980—1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

О. Богачевская Род. 1921. ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ. 1985.

Художественная выставка «Советская Россия».

Лыжня для всех

Почти пять миллионов человек увлекаются лыжным спортом. Но разве можно сосчитать всех тех, кто, увидев за окном свежий снег, не начнет строить планы на выходной день, а где возможно, то и на вечер.

Что ждет нас на лыжном «фронте» нынешней зимой?

Об этом беседуют главный тренер Спорткомитета СССР по лыжным гонкам И. Г. Огольцов и журналист Александр Бойко.

— Иван Григорьевич, давайте рассматривать лыжи как важное средство оздоровления людей. И сразу же хочу вас спросить, когда вы сами участвовали в последний раз в лыжных соревнованиях?

— В прошлом году в Тартуском марафоне. Рядом со мной стартовал старейший участник марафона, мой учитель по институту, профессор Дмитрий Дмитриевич Донской. Ему исполнилось 75 лет, а в гонке на 60 километров он ни разу не был в числе последних. Каждое воскресенье он ходит по восемь часов со скоростью 10 километров в час и при пульсе 110—120 ударов в минуту.

Что же такое — Тартуский марафон? Представьте себе такую картину. На старте тысячи людей выстроились в своих коридорах согласно полученным номерам. Сначала уходят 500 ведущих спортсменов, а дальше мы — рядовые участники. Среди них профессора университета, плотники из соседнего совхоза, артисты и государственные деятели, приехавшие из Таллина, дети и старики. Подготовка к марафону ведется круглый год. Трассу начинают готовить, как только выпадает первый снег. Трасса — это коридор шириной в 50—70 метров, по которому проложено 12—14 лыжней. Лыжня, подготовленная для Тартуского марафона, не уступает трассам чемпионата мира и Олимпийских игр. И вот серьезное испытание превращается в праздник. И это главное, этого и не хватает другим лыжным марафонским пробегам.

Приходишь на финиш, и чувство победителя охватывает тебя, как и тысячи других людей. Вот я говорю с вами, а в мыслях уже там, на тартуской лыжне этого года...

— Но одолеть дистанцию в шестьдесят километров не так-то просто?

— Конечно, но праздник ждут целый год и целый год к нему готовятся. Ходят помногу, бегают, катаются на велосипедах, а как только выпадает снег — тут же на лыжи. До выхода на трассу марафона надо пройти не менее 500—700 километров. А это не что иное, как ежедневные прогулки вечерами и многокилометровые — в выходные дни. Хочешь участвовать в марафоне — понемножку готовься к нему круглый год. Это и есть тот здоровый образ жизни, в котором физическая культура призвана играть ведущую роль.

— Ну, и кто мешает устраивать такие праздники повсюду? Снега хватает, лыжного энтузиазма тоже.

— Дело за хозяевами марафонов. Есть подобный Тартускому марафон в Мурманске в программе «Праздника Севера», есть лыжня «Европа — Азия» в Свердловске и в Кирове, но все они уступают по популярности Тартускому марафону. К сожалению, до сих пор было много недостатков в проведении гонки в Москве, известной, как «Лыжня России». Те же самые 60 километров, но как сказывается отсутствие хорошей организации!

Очень нужны хорошо освещенные трассы! Такие лыжни имеются во многих северных городах. Не так уж много и надо — осветить три, пять километров.

— Допустим. Но возьмем лесопарки Москвы. Кто должен готовить освещенные трассы в этих парках?

— Этим важным делом должны заниматься студенты, крупные предприятия, районные советы физкультуры. Вот я живу рядом с университетом имени Патриса Лумумбы. Вокруг простор, кто же мешает сделать здесь лыжню, чтобы ею пользовались не только студенты, но и жители окрестных мест. Что и говорить, мы еще частенько ограничиваем свою деятельность подготовкой только высококлассных гонщиков.

— А как обстоят дела в большом лыжном спорте? В этом году чемпионат мира среди юниоров проводится в феврале в США, а у нас в Ленинграде одно из десяти соревнований на Кубок мира?

— 1986 год — особый, нет чемпионата мира, и главное внимание мы обращаем на подготовку резервов. Нам есть о чем подумать после неудач на чемпионате мира в Зеефельде. Мне очень нравится группа девушек из подмосковного Одинцова: Нина Королева, Тамара Тихонова, Ирина Шаркова, Лариса Птицына. Они вошли в сборную вместе со своим тренером Иваном Петровичем Лопуховым. У ребят очень перспективны Сергей Игушев, Владимир Смирнов, Василий Горбачев, Леонид Пегунов, Алексей Прокуров. Стоит вспомнить и их тренеров. Это известный лыжник, олимпийский чемпион и чемпион мира Василий Рочев и четырехкратный олимпийский чемпион Николай Зимятов.

— Не могли бы вы прояснить проблему «конькового хода»? В чем суть этой новинки? Какое у нее будущее? Что предпринимается, чтобы наши сильнейшие гонщики освоили ее?

— Финский лыжник Ситонен считается автором «конькового хода». Он применял его в шведской марафонской гонке «Вазе-Лопа». Почему он пошел коньковым ходом? Все объясняется очень просто: после 40 километров стерлась лыжная мазь, скольжение ухудшилось, вот Ситонен и попробовал на уклоне изменить отталкивание. Возможность использовать отталкивание на укатанной, а то и просто ледяной трассе типично для нового хода, и развитию его способствовали машины для прокладки лыжни.

Наши лыжники не были подготовлены к использованию этой новинки. Не было у нас подходящих условий, не успевали мы накатать нужное количество километров. Мы это понимаем и пытаемся использовать любую возможность, чтобы увеличить количество ледяных трасс. Медлить нельзя. Олимпийские игры в Калгари будут проводиться на ледяных трассах, и новый ход будет применяться широко.

Невыдуманный мир

среди книг

Николая Трофимовича Сизова не нужно представлять читателям. Его книги давно и прочно вошли в круг чтения. Их постоянно читают, ждут новых. Ждали и продолжения романа «Трудные годы».

Дочитав в декабрьском номере «Молодой гвардии» вторую книгу романа и решившись написать эту небольшую рецензию, я задался вопросом: в чем же причина подлинного интереса к книгам Н. Сизова? Один из его сборников назван «Невыдуманные рассказы». Думается, что именно в непридуманности мира сизовских книг секрет их читательского успеха. Люди, населяющие роман «Трудные годы», живут в нашем «прекрасном и яростном» мире, и хотя в книге идет речь о событиях 20—30-летней давности, ясно различимы прочные нити, связывающие их с сегодняшним днем. Да, не выдумана книга Н. Сизова, но она глубоко продумана (это ощущение возникает с первых страниц), освещена изнутри авторским опытом и жизнью — если не всей жизнью обычной, то жизнью и опытом творческими.

Особый интерес вызывает роман и тем, что посвящен важному и сложному периоду в истории нашей страны — 50—60-м годам (смерть Сталина, восстановление ленинских норм партийной и государственной жизни, борьба с последствиями культа личности, коренные перестройки — организационные и структурные — в управлении сельским хозяйством и промышленностью, октябрьский Пленум ЦК КПСС (1964 г.). Достоверно переданная атмосфера тех лет, наполненных напряженным трудом и творческими исканиями, вписываемость ее общего настроя в сегодняшний день придают книге острую актуальность.

На примере одной из областей Нечерноземья (в романе она названа Ветлужской и, судя по приметам, находится неподалеку от Москвы) и ее района (назван Приозерским) Н. Сизов показывает, как проходил процесс глубинных перестроек в сельском хозяйстве: административных и организационных, экономических и социальных, идеологических и нравственных перемен в сознании людей. В этой сложнейшей обстановке, когда все нужно было решать и делать одновременно, быстро определялись идейные позиции, становилось ясно, кто есть кто. В конечном счете люди делились на тех, кто служил делу (пусть иногда и неумело, ошибаясь, но всегда преданно), и тех, кто пытался подчинить дело своим личным интересам и амбициям.

Герои романа: Заградин, Курганов, Гаранин, Озеровы (Николай и Нина), Мякотин, Морозов, Беда, Рощин, Крылов, Отченаш... Их много. Люди они все разные — по возрасту, характерам, профессии, жизненному пути и судьбам. Но всех — партийных и комсомольских работников, хозяйственных руководителей, агрономов и инженеров, колхозников и работников совхозов — объединяют высокая идейность и преданность делу партии и роднит общее дело — социалистическое преобразование деревни. Приведу лишь две характеристики героев книги в очень кратком, почти схематичном виде. Курганов (первый секретарь Приозерского райкома партии): у него не возникало сомнений в правомерности решений партии, и шло это не от бездумной веры в непогрешимость руководящих инстанций, а оттого, что воспринимались они им как дело необходимое. Мякотин (председатель Приозерского райисполкома): он глубоко и очень просто понимает свой долг — добросовестно делать то, что поручено, это стало его неизменным жизненным правилом. Эти две общие черты героев книги Сизова — стержень их жизни и труда.

Есть в романе страницы, которые повышают его ценность как документа эпохи. Они затрагивают темы, нечасто встречающиеся в литературе,— далеко не каждому дано их раскрыть. Н. Сизов проводит своих главных героев — Заградина (секретаря Ветлужского обкома партии) и Курганова — через встречу со Сталиным и Хрущевым. Писатель показывает сложный и противоречивый характер Сталина последних лет жизни, энергичную и неуемно деятельную натуру Хрущева, возглавившего по воле партии позитивные общественные процессы и не устоявшего на неверных тропах субъективистских и волюнтаристских представлений.

Дочитана последняя страница романа. Закрыта книга, а в памяти продолжает жить ее невыдуманный мир. Вспоминается уход из жизни из-за неизлечимой болезни колхозного парторга Макара Фомича Беды, к которому перед смертью приходят проститься односельчане и жители окрестных деревень,— поистине смерть на миру. Или старая колхозница Прасковья Тихоновна: в дождливую, слякотную ночь эта старая, больная женщина, никем не понуждаемая, решившая все сама, идет работать на ток, чтоб спасти мокрое зерно,— это ли не истинное проявление сознательности?

Невыдуманный мир книги Н. Сизова продолжает жить в памяти, и не верится, так же, как не поверится, наверное, и читателям, что больше не встретишься с ее героями.

Н. ЛОБАЧЕВ

Н. Сизов. Трудные годы. «Молодая гвардия». №№ 11, 12, 1985 г.

Информация к размышлению (ИТТ, 1942—1945)

После того, как японцы разбили американскую военно-морскую базу на Пёрл-Харборе и Белый дом объявил войну странам оси, деятельность ИТТ сразу же попала в сферу пристального интереса Федерального ведомства связи; одному из талантливейших аналитиков, Сэйлеру, было поручено провести негласное изучение контактов ИТТ с противником; в секретном докладе, подготовленном им для Вашингтона в конце сорок третьего года, сообщалось, что «полковник Бэн продолжает поддерживать связи с врагом через нейтральные страны, поставляя Берлину стратегические товары и оказывая конфиденциальную помощь в информации нацистам, работающим в Испании и Латинской Америке, особенно в Аргентине, Чили и Эквадоре. Только в 1942 году аргентинская компания «Юнайтед Ривэр Плэйс Телефон Компани», купленная людьми Бэна у англичан, провела 622 телефонных разговора с Берлином из Буэнос-Айреса. Есть основания предполагать, что фирма «Олл Америкэн Кэйбл Офис», купленная ИТТ, также поставляет информацию Берлину. В «Компания Унион Телефоника» работает Руис де Беренбрух, который заявляет себя антинацистом, однако ночи он проводит в германском посольстве, а затем отправляется в компанию, где имеет возможность подслушивать телефонные переговоры американцев и англичан со всем миром.

В 1942 году в Мадриде была зафиксирована встреча вице-президента ИТТ Кеннета Стоктона с послом рейха в Мадриде и двумя представителями Геринга. Эта информация государственного департамента была тщательно перепроверена и подтвердилась полностью.

В том же году представитель полковника Бэна, некий Грюн, посетил Швейцарию, где встретился с одним из высших чинов СС, доктором Вестриком, принужденным в свое время покинуть США, поскольку был изобличен как нацистский агент. Во время этой встречи Грюн подготовил для доктора Вестрика торговую сделку, в результате которой Геринг получил необходимые для его «Люфтваффе» цинк и меркурий, категорически запрещенные к продаже не только странам оси, но даже нейтральным странам. (Эти стратегические товары были затем переданы для нужд авиаконцерна «Фокке-Вульф», возглавляемого эсэсовцем доктором Танком.)

Все это дает основание передать материалы об антиамериканской деятельности полковника Бэна, возглавляющего ИТТ, в соответствующее подразделение ФБР для начала постоянной **работы** по этому преступному концерну».

...Прочитав этот документ, сфотографированный людьми начальника службы безопасности концерна Грюна, полковник Бэн долго сидел в задумчивости, положив тяжелые кулаки на стеклянную полированную поверхность своего громадного красного дерева стола, потом усмехнулся чему-то и спросил:

— Что, страшно, Грюн?

— Ну, не то чтобы страшно,— ответил тот (щупленький, близорукий, плешивый, он никак не походил на тот стереотип разведчика, который начал создавать Голливуд),— но думать есть о чем.

— А я чем занимаюсь? Полировкой яиц?— раздраженно заметил Бэн.

— Получается?— усмехнулся Грюн.— Научите.

— Я ничему не учу бесплатно. Давайте взятку. Или приобретайте лицензию. Первое — дешевле, второе — дороже и ненадежней. Налейте-ка нам по глотку виски.

Выпив, Бэн поднялся, походил по кабинету, остановился возле громадного американского флага, установленного за его креслом, повернулся в профиль и сказал:

— Пусть сделают хорошие снимки и распространят в прессе. Фас у меня дурной, а в профиль смотрюсь. Эта страна любит, когда о патриотизме говорят крикливо. Пойдем им навстречу.

Потом он подошел к телефону и, сняв трубку, заметил:

— Учитесь у меня делу, Грюн. Я люблю вас, поэтому учу бесплатно.

И набрал номер телефона генерала Стонера, руководившего в Пентагоне подразделениями связи и оповещения.

Девять лет назад Стонер работал в наблюдательном совете ИТТ, потом концерн делегировал его в Пентагон; там он стал его представителем; рекордно быстро получил генеральские погоны и тот пост, который позволял ему передавать Бэну самые выгодные заказы для армии.

— Добрый день, генерал,— сказал Бэн.— Было бы очень славно, найди вы время поужинать со мною. Если завтра свободны, я берусь зарезервировать столик в том ресторане, который вы мне сейчас назовете. Я бы выехал в Вашингтон первым поездом и в двенадцать готов встретить вас там, где скажете.

Уговорились встретиться в двенадцать тридцать, за полчаса до ланча.

Бэн опустил трубку, постоял у телефона в задумчивости, поинтересовался:

— Вы не находите, что я худею, Грюн?

— Чуть-чуть.

— Рак?

— Не кокетничайте.

— Я говорю серьезно. У меня появились боли под ложечкой.

— Значит, надо лечь на обследование к Липшицу.

— А кто будет обедать с генералом Стонером? Вы?

— Мог бы. Он дубина, мне с такими легко договариваться.

— Ошибаетесь. Он не дубина. Он играет эту роль и делает это ловко. Поверьте, я знаю его восемь лет, в ИТТ он был совершенно другим, вас тогда еще не было, Грюн. А теперь обсудим второй вопрос: кому мне звонить — Уильяму Доновану, непосредственно в штаб-квартиру УСС, или Джону Фостеру Даллесу?

— Конечно, Даллесу.

— Почему так категорично?

— Потому что Донован плохо относится к вам, вам он не верит, считает европейцем, а не американцем, и к тому же подозревает в конспиративных связях с нацистами.

— Идеально было бы сегодня поужинать, завтра я занят.

— К сожалению, у меня сегодня вечером встреча с людьми из Швеции. Впрочем, я бы смог освободиться, скажем, в пять. До шести я в вашем распоряжении.

— Спасибо, Джон. В пять я буду у вас. Или встретимся на нейтральной почве?

— Имеете в виду Швейцарию?— снова усмехнулся Даллес.— Мы не успеем туда добраться к пяти.

...Выслушав полковника, Даллес неторопливо закурил и задумчиво ответил:

— Заманчиво, бесспорно, заманчиво. Вы обговаривали это предложение с Донованом?

— Нет.

— Почему?

— Потому что сначала я решил обговорить его с вами.

— А с государственным департаментом?

— Ах, Джон, это невозможно! Вы же прекрасно знаете, в чем сокрыта трагедия нашей административной машины...

— В чем же?— улыбчиво поинтересовался Даллес.

— Ладно, я проклятый воротила, акула бизнеса, и так далее, а вы соловей, все верно, легко заткнете меня за пояс, если нам случится соревноваться в красноречии, но в вопросах стратегии **дела** не тягайтесь со мной, положу на лопатки... Что получает чиновник государственного департамента от удачи той или иной внешнеполитической акции? Хрен в сумку, ноль. А я получаю. Вы как адвокат тоже. Если бы им платили с выгоды, если бы они хоть в малости были заинтересованы в результате их труда, тогда бы я мог с ними говорить. А при нынешнем положении вещей это бесполезная затея, меня тамошние мыши не поймут.

— Хорошо, отложим контакты с государственным департаментом до лучших времен. Пентагон?

— Там все в порядке.

— Военная разведка вас поддержит?

Юлиан СЕМЕНОВ

— Аллен Даллес связан с наци более тесно, чем я.

— Он связан лишь с теми, кто так или иначе стоит в оппозиции к Гитлеру. Донован слепо ненавидит фюрера. Он не допускает мысли о контактах с теми, кто относится к Гитлеру иначе. И, главное, у него нет никаких интересов — ни в ИТТ, ни в рейхе.

Бэн набрал телефон Даллеса; один из руководителей республиканской партии, он тем не менее чаще всего работал в своей адвокатской конторе «Салливэн энд Кромуэлл» на Уоллстрите.

— Здравствуйте, полковник,— пророкотал Даллес своим сильным, хорошо поставленным голосом,— рад слышать вас, что нового?

— Как говорят, все новое — хорошо забытое старое. А что мы все позабывали? Дружество! Когда сможете найти для меня время?

— Хотите поручить мне судебный процесс против врагов?— хохотнул Даллес.— Это будет дорого стоить, у вас сильные противники.

— Можете назвать их поименно?

— Поскольку по условиям военного времени нас могут подслушивать и это не есть нарушение конституции, лучше бы сделать это при встрече.

— Назначайте время.

— Давайте завтра пообедаем.

— Да.

— Как я понимаю, этот вопрос вы еще до конца не проговорили?

— До конца — нет.

— Когда решится?

— Завтра.

— Прекрасно. Я найду возможность связаться с Алленом. Если вы заручитесь поддержкой Пентагона, его интерес к доктору Вестрику будет вполне оправдан. Но...— Даллес полез за сигарой, заботливо обрезал ее, но раскуривать не стал.— Очень существенное «но», полковник. Вестрик должен приехать к Аллену не с пустыми руками. Как вы сможете изложить вашему компаньону свой дерзкий план? Закажете разговор с Берлином? «Подумайте, дорогой Вестрик, как будет прекрасно, если вы уговорите Геринга стать агентом Аллена Даллеса?»

Бэн засмеялся:

— Сюжет можно продать Хичкоку, отчаянно веселая комедия... О Вестрике не беспокойтесь, он приедет к Аллену не с пустыми руками. И я вернусь к вам в Нью-Йорк с полными руками. В пятницу я готов подробно рассказать и про Вестрика, и про Пентагон, дело за вами.

В тот же день Грюн вылетел в Буэнос-Айрес, к Арнольду, генеральному представителю ИТТ в Аргентине.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 4, 5.

Наутро тот устроил Грюну телефонный разговор с Вестриком; был использован шифр, которым компаньоны обменялись за два дня перед катастрофой в Пёрл-Харборе: «Полковник Бэн просит доктора Вестрика найти возможность приехать в Швейцарию и посетить в Берне мистера Даллеса для того, чтобы обговорить с ним возможность постоянных контактов. Вопросы, которые надлежит обсудить, касаются интересов ИТТ в рейхе и тех странах Европы, которые ныне стали частью Германии. При этом дальнейшее развитие предприятий ИТТ в рейхе гарантирует поддержку мистером Даллесом тех проектов по дальнейшему приобретению запрещенных предметов экспорта, в которых заинтересованы дочерние предприятия концерна, в том числе и заводы «Фокке-Вульф». Однако для обеих сторон представляется целесообразным оформлять эти деловые контакты не как встречи, связанные с бизнесом, но как обмен политической информацией секретного характера».

Доктор Вестрик записал шифрованное послание, пообещал позвонить завтра вечером, поехал с текстом в штаб люфтваффе, был принят Герингом и получил от него санкцию на действия.

Через двенадцать часов он позвонил Грюну и, используя тот же шифр, сообщил, что отправится в Швейцарию на следующей неделе; было бы идеально встретиться там с полковником или его наиболее доверенным представителем накануне беседы с мистером Алленом Даллесом; «лучшее место встречи — отель «Гельвеция». Мои друзья сожалеют, что информация о выходе британских судов со стратегическими товарами стала поступать в Берлин нерегулярно; активизация этой работы поможет мне заручиться еще большей поддержкой у тех, кто питает традиционные чувства уважения к полковнику и тому делу, которому он служит».

Когда Грюн позвонил в концерн, ему передали, чтобы он вылетал не в Нью-Йорк, а в

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Вашингтон, полковник ждет его незамедлительно.

Назавтра Грюн, злой, помятый и невыспавшийся (плохо переносил полеты), был в Вашингтоне. Вечером генерал Стонер поздравил Грюна с присвоением звания майора вооруженных сил США и определил его на работу в военно-воздушную разведку Пентагона.

Через семь дней Даллес сообщил в штабквартиру УСС, что им «завербован доктор Вестрик, понявший неизбежность краха Гитлера»; Даллес подчеркивал, что доктор Вестрик принял на себя обязательство охранять, используя свои связи в нацистском партийном и дипломатическом мире, интересы ведущих концернов США не только во время войны, но и после ее окончания.

О том, что Вестрик возвращался в Берлин с контрактом, подписанным для него представителем ИТТ на поставку заводам бомбардировщиков «Фокке-Вульф» радиоаппаратуры и механизмов слежения за караванами союзников, в Вашингтон, естественно, не сообщил, там далеко не все понимали, что политика — это политика, она меняется, а вот бизнес неизменен и сиюминутным интересам не подчинен.

...Когда доклад Сэйлера был, наконец, отправлен в государственный департамент и ФБР, верхние этажи Пентагона и УСС встали на защиту человека, который «так много делал и делает для американской армии и разведки; лишь понятная некомпентентность А. Сэйлера, который не допущен к высшим секретам, позволила ему поставить под сомнение искренность выдающегося патриота, каким по праву считается полковник американской армии С. Бэн».

...Когда первые американские части 25 августа 1944 года вошли в Париж, Бэн вместе с сыном Вильямом въехал в город в военной форме; джип был набит ящиками с шампанским; он сразу же направился в здание, где помещался французский филиал ИТТ.

— Граждане, друзья, братья!— сказал он собравшимся там работникам.— Поздравляю вас с освобождением от мерзкой нацистской тирании! Американцы всегда были, есть и будут самым надежным гарантом вашей свободы! Да здравствует республика!

Через пять дней Бэн воссоздал форпосты своей империи во Франции; затем он ринулся в направлении Брюсселя и Антверпена; захватил и там плацдармы; как только войска союзников вступили в рейх, Бэн встретился в Берне с доктором Вестриком, однако после сигнала, который получил от своих друзей из разведки Пентагона, контакты с ним временно прервал, поручив текущую работу по Германии своим вице-президентам Гордону Керну и Кеннету Стоктону; этому было легче работать, потому что Бэн добился с помощью руководства Пентагона присвоения Стоктону звания бригадного генерала; люди Бэна захватили громадные заводы «Лоренца», выпускавшие телефонное оборудование, сообщив прессе, что это сделано в интересах американской армии, поскольку оккупационным властям необходима надежная связь для «продолжения борьбы с нацистами и их последышами, а никто не сможет помочь армии в этом деле, кроме ИТТ, традиционно сотрудничающей с Пентагоном»; с подачи Вестрика люди ИТТ наложили руку на филиалы концерна «Сименса» и на предприятия авиационного гиганта «Фокке-Вульф». Это и переполнило чашу терпения конкурентов, которых Бэн обошел на две головы; «обиженные» банки и концерны имели своих людей в министерстве юстиции; удар против Бэна был нанесен сложный, обходный: от Белого дома потребовали — уже заранее, до победы — продумать поэтапную декартелизацию и денацификацию германской промышленности, чтобы она никогда впредь не стала орудием в руках маньяков типа Гитлера, однако же замах был хорош, только удара не получилось: конкурентам удалось договориться лишь о декартелизации «И. Г. Фарбениндустри», было решено разделить гигант на семь фирм; ни «Лоренц», ни «Сименс», ни «Фокке-Вульф», готовившие Гитлеру базы для производства самолетов, фау, радиостанций и средств связи, не подпадали под проект закона о декартелизации и денацификации. Тем не менее «драка под одеялом» продолжалась: генеральный прокурор Том Кларк незадолго перед окончанием войны подготовил заявление:

— «Интернэшнл стандард электрик компани» (ИСЭК), являющаяся европейским филиалом ИТТ, поддерживала постоянные контакты с нацистским агентом доктором Герхардом А. Вестриком. Это позволило ИТТ передать нацистам огромное количество стратегических материалов и лицензий, что нанесло существенный урон не только престижу Соединенных Штатов, но и частям нашей армии, сражавшимся в Европе против гитлеровской тирании. Все это происходило по прямому указанию президента ИТТ Состенса Бэна.

Джон Фостер Даллес позвонил Бэну и, по своей привычке посмеиваясь, сказал:

— Полковник, надо продержаться пару месяцев, это последние вспелски... Деловую сторону вопроса я беру на себя, а вы придумайте-ка какой-нибудь спектакль для публики; хлеб у вас есть, устройте зрелище.

И через три дня, после обеда с генералом Стонером и Форрестолом, обеда, который перешел в ужин, Пентагон объявил о награждении Бэна высшей наградой Соединенных Штатов за «заслуги перед армией».

...А после этого он срочно вылетел в Швейцарию, на встречу с Алленом Даллесом.

...Поскольку провинциализм въедлив и трудно изживаем, Бэн, конечно же, устроил прием в роскошном «Паласе»; закрыл ресторан для посетителей, откупив его на ночь только для себя; отправил за Даллесом два роскошных «паккарда», хотя тот предпочитал ездить в неприметном «фордике» (бензин в Швейцарии нормировался, жестокая карточная система была введена еще после того, как немцы оккупировали вишистскую Францию,— последняя артерия подвоза топлива из Марселя была прервана, английская блокада давала себя знать); зачем-то повелел остаться музыкантам, и поэтому, помимо двадцати официантов, на гостя полковника таращились скрипачи, трубач, пианист, ударник и тромбонист, игравшие арии из оперетт вперемешку со старомодными фокстротами конца двадцатых годов.

Конечно же, на столе стояла серебряная ваза с икрой (не менее двух фунтов), омары; вместо горячей закуски принесли лобстеров, огромных, как ботинки; на подносах из хрусталя (совершенно диковинной работы) высились фрукты из тропиков, даже плоды авокадо, которые и в Штатах-то стали роскошью в дни войны.

Бэн произнес тост; поначалу он был витиеватым, затем, однако, обрел форму повестки дня, ибо он умудрился заложить туда все те пункты, которые намеревался обсудить с «личным представителем президента Соединенных Штатов, с тем, кто бесстрашно направляет борьбу народа на той линии огня, которая выдвинута далеко вперед, ибо будущее Америки немыслимо без Европы, которая восстанет из пепла, превратившись в бастион демократии и прогресса, старая вражда уступит место новой дружбе, поскольку воистину существует время разбрасывать камни и время собирать их, есть время уклоняться от объятий и время заключать в них тех, кто помнит заповедь, гласящую: «Род приходит, и род уходит, но земля пребывает вовеки».

Даллес ответил экспромтом на отвлеченную тему, спросил, какой чудесник доставил сюда лобстеров, поинтересовался, сколько времени потребовалось Бэну на то, чтобы организовать такую сказку Шахрезады в Берне, выслушал ответ («Всего два дня, пока еще есть деньги на то, чтобы оплатить самолет в Касабланку и Танжер»), понял, что за это время стол мог вполне быть оборудован звукозаписывающей аппаратурой — кому не хочется узнать, о чем говорит ИТТ с разведкой, и поэтому за все время приема ни на один заход Бэна прямо не ответил, много шутил, а когда полковник, не выдержав размытых дипломатических штучек, прямо поставил вопрос, какой Даллес видит послевоенную Европу и что он, Бэн, может сделать для того, чтобы не повторилась трагедия Версаля, Даллес, мягко улыбнувшись, спросил разрешения прочесть стихи любимых им китайцев и, естественно, это разрешение получив, продекламировал:

Я журавлей сержу, я обезьян вспугнул,
Здесь появившись средь лесов и гор.
Уж проторил тропинку не одну,
Но медлю с переездом до сих пор.
Зачем бегу в заоблачную высь?
Чего хочу в пустыне гор искать?
Дух непреклонный вел меня всю жизнь,
И быть безвестным — не страшна мне мысль,
Смеются надо мной чиновники — пускай!
Пора мне на покой. Иных желаний нет.
Привольное житье карьере предпочту!
Но отчего о сельской тишине
В душе храню заветную мечту?
Хочу взглянуть на бег осенних вод,
На челн, что спорит с бурей грозовой,
Над головой гусей услышать взлет,
Напуганных звенящей тетивой.
Я на холме восточном возведу
Своей рукою хижину в лесу:
Перед окном чтоб речка на виду,
Чтоб с лодки мог забрасывать лесу...
Но надо прежде ивы посадить,
Огородить бамбуковым плетнем.
Но — небольшим, чтоб видеть позади,
Как сливы розовым горят огнем.
Милее нет осенних хризантем,
Весной сплету венок из орхидей...
Но с этим — после. Надо между тем
Предвидеть все. Нигде не проглядеть.

А император?.. Если против он?
И вот стою, в раздумье погружен.

Бэн слушал Даллеса несколько по-детски, чуть приоткрыв рот от восхищения (не любит читать, сразу же отметил Даллес, видимо, относится к числу тех, кто предпочитает слушать или смотреть, для таких людей кинематограф главный источник информации; довольно опасно, если они сделаются неуправляемыми, слишком сильными, но в то же время крайне удобно, если удалось взять верх над такого рода характерами); когда тот кончил стихотворение, полковник искренне и громко, по-детски хлопая ладошами, зааплодировал.

— Кто ж это такое сочинил, а?!

— Синь Ци-цзи, воин и поэт, романтик, мечтатель и стратег, совершенно поразительная фигура в гирлянде китайских талантов.

Все попытки Бэна разговорить Даллеса наталкивались на шутку — они сыпались из него как из рога изобилия.

Когда Бэн, не вытерпев, открыто спросил, что Даллес думает по поводу того, что ищейки министра финансов Моргентау накладывают аресты на контракты, заключенные серьезными людьми Уолл-стрита даже в третьих странах, особенно в Латинской Америке, жонглируя тем, что в этих сделках заинтересованы нацисты, Даллес, разрезав авокадо, вытащил косточку, положил в открывшуюся лунку плода, чем-то напоминающего яблоко, ложку черной икры и поинтересовался:

— Выдержите еще одну порцию китайской поэзии?

— Еще как! — откликнулся Бэн.— Вы ее здорово шпарите, будто сами и сочинили.

— Если бы я умел так сочинять,— ответил Даллес,— я бы ни за что не избрал карьеру правительственного чиновника («Пусть послушают про мою здешнюю миссию,— подумал он,— если, конечно, слушают»), но отдал бы всего себя изящной словесности... Итак, Тан Гэн, поэма о допросе опальных чиновников:

Военный судья заседает в палате суда,
Он рот искривил и оскалил желтые зубы,
Опальных людей привели под конвоем сюда,
Они и в суде пререкаются дерзко и грубо.
Судейские очи негодованьем полны,
И голос жесток, и разящий огонь
в каждом слове:
«С тех пор, как вам должности
были указом даны,
Вы выпили сколько народного пота и крови?
Чиновникам, вам доверяли ключи от всего,
Вы лишь о наживе своей день и ночь
помышляли,
Народ не роптал, вы сдирали три шкуры
с него,
Как бороду старца, до волоса все выдирали...
Казну расхищали — подсчитано все и сполна,
За дерзость и зло вам придется
нести наказанье,
Ясны преступленья — как солнце ясны,
как луна,
Кто сможет из вас хоть что-то сказать
в оправданье?»
Один из опальных, внимая пространным
речам,
Просил разрешенья немедля ответить
вельможе.
«Судейское сердце,— сказал он,—
подобно очам:
Всех видят — и только не видят
лица своего же...
Когда вы учились, знавать вам немало
пришлось,
Но голос был слабым, и нечем, казалось,
гордиться,
Ведь только с тех пор, как вы стали
на должностный пост,
Парите вы в небе, как самая гордая птица.
За ваши ль заслуги вам платят
из общей казны?
Не значит ли это, что вы, как и мы,—
расхищали?
Но высшие власти не видят в том
вашей вины,
И вас не подвергли ни разу законной опале.
Сегодня придется нам должную кару нести,
Не вредно б судье и к себе отнестись
со вниманьем:
Когда перед бедными счеты придется свести,
Ужель не такое же вам предстоит
наказанье?»
Судья обомлел, не сказал ничего господин,
Чиновники, стражи стояли, друг друга
смущая.
«Сверните дела,— вдруг промолвил,—
возьмите мой цин,
Я завтра вернусь, а сегодня — допрос
прекращаю!»

Бэн снова захлопал в ладоши, но лицо его было хмурым, потому что он понял: он не готов к настоящему разговору с этим человеком, слишком тот умен, двуслоен, какое там, пятислоен, весь в глубине, на поверхности лишь малая толика его сокровенной, закрытой сути. Он понял, что прием не удался, все впустую; плевать на десять тысяч долларов, да и времени не жаль, общение с умным человеком, даже если ты не получил желаемого, того стоит, за науку надо платить, какой иначе толк учителям отдавать свое знание, за одно лишь рукопожатие это не делается, каждая идея отмечена ценой, только трутни скупятся на оплату того, что в будущем принесет дивиденды.

Когда они поднялись из-за стола, Даллес поинтересовался:

— Как вы отнесетесь к тому, чтобы мы прогулялись? Обед был фламандским, его необходимо хорошенько утрамбовать.

На улице было темно уже; швейцарские власти ввели светомаскировку еще в сорок третьем, боялись случайных налетов союзников, а может, думал Даллес, не хотели дразнить гусей: пересечение границы голодного, затемненного рейха и сытой, ярко освещенной Швейцарии вызывало у берлинских бонз, приезжавших сюда, острые приступы завистливой ярости, словно бы они не получили того, чего добивались, словно бы в этом были виноваты (как же это удобно винить других, кого угодно, только не себя!) большевики, евреи и толстосумы Уолл-стрита.

— Видите дорогу? — спросил Даллес, беря полковника под руку.— Я, как кошка, вижу в темноте.

— Ну, а я, значит, вроде тигра,— ответил Бэн.— Вижу лучше котов. Даже десятицентовую монету замечу, поверьте слову...

— Не бросайтесь словом,— вдруг очень резко, как-то неожиданно сурово сказал Даллес и швырнул на тротуар монету.— Ищите.

— Со спичкой найду,— несколько растерянно ответил Бэн.

— За спичку на улице вас оштрафуют. И правильно сделают. Закон войны для всех один, кому это знать, как не вам, военному человеку... Я что? Беззащитная штатская крыса, а вы сокол, уставы учили... Не сердитесь, у вас слишком много врагов; чтобы легко бросаться не чем-либо, но словом — дорогого стоит... Вот что я намерен вам сказать... Если вы будете по-прежнему слишком уж открыто лезть в Голландию или Германию, можете не выдержать конкуренции: не вы один имеете здесь серьезные интересы... Как мне известно, у вас есть много друзей в Испании и Латинской Америке. Почему бы вам, вернув себе в Европе то, что законно и не вызовет бешеной конкурентной злобы, не сосредоточить максимум внимания на Аргентине, Чили, Боливии, Никарагуа, Парагвае, Кубе? Там ведь все еще очень сильны позиции немцев, с которыми у вас сохраняются совершенно завидные отношения... Свято место пусто не бывает...

— Я думаю, недруги несколько преувеличивают мои возможности в Латинской Америке,— ответил Бэн, тщательно взвешивая каждое слово,— спасибо тебе за урок, Даллес, ты меня учи, я способный. Кое-что, конечно, есть, но все это далеко не безгранично.

— Не безгранично? Что ж, я готов помочь в том, чтобы несколько расширить ваши границы,— сказал Даллес.— Но для этого вы должны поделиться со мной той информацией о полковнике Пероне, которую вам в свое время подарил Геринг.

Бэн почувствовал, как во рту пересохло; во время того разговора с рейхсмаршалом в его замке Каринхолле никого не было, весь об этом мы говорили у подъезда; стоп, но рядом с боровом всегда торчали три мумии из охраны; неужели Даллес и туда подкрался? Конечно, подкрался, как он мог иначе получить эти сведения?

— Какую информацию вы имеете в виду, Аллен?

— Ту самую,— так же жестко, без обычной для него улыбки ответил Даллес.— Вы прекраснейшим образом понимаете, о чем я говорю. На всякий случай замечу, что я никогда и никому не вношу предложений дважды.

— Ах, это вы имеете в виду возможность национализации телефонно-телеграфной сети в Аргентине? — довольно неуклюже отыграл Бэн.— Геринг сказал, что в окружении Перона есть люди, разделяющие некоторые аспекты национал-социализма, причем его максималистского, ультралевого направления, штрасеровского,— добавил он,— если мне не изменяет память.

— Память вам не изменила. Меня интересуют эти имена.

— Я должен запросить Буэнос-Айрес, моего директора Арнольда, он там ведет все дело...

— Если Арнольд ответит, что он наладил после вашего визита к Герингу дружеский контакт с Гутьерресом, будет ли это значить, что он и есть тот человек, который симпатизирует ультралевому нацизму?

Знает, сукин сын, понял Бэн, все знает, проклятый китаец. И купить не купишь, на Уоллстрите он всех обслуживает, богат и независим. Он меня втянул словно в воронку, как теперь выйти, не роняя достоинства? Но как жестко работает, как холодно и властно. Что ж, на силу — силой, только так, и никак иначе. А какая у меня сила, если он знает, а я нет? Между силой и хамством большая дистанция, нет ничего обиднее, чем выглядеть в глазах победившего глупым.

— Оранья, если мне не изменяет память, придерживался ортодоксальных взглядов... Он когда-то работал с Франко, поддерживал прямой контакт с людьми Геринга... Что же касается Гутьерреса, то я готов вам ответить завтра, Аллен... После того, как снесусь с Арнольдом.

— Вы понимаете, что в Аргентине вам будет значительно сложнее получить компенсацию за ваш концерн, если его все-таки национализируют, чем в Бухаресте, у Антонеску?

— Нет,— Бэн покачал головой,— я не думаю, что это будет много труднее. Если же я почувствую определенное неудобство, разрешите мне обратиться в ваш «Салливэн энд Кромуэлл», все-таки именно вы помогли Рокфеллеру в Венесуэле, когда там подняли голову левые.

— Вот теперь наш разговор обрел предметный характер. Конечно, «Салливэн энд Кромуэлл» готова оказать вам помощь, но лучше, чтоб ее не потребовалось, не так ли?

— Понятно, лучше, кто спорит.

— Не мне вам говорить, что Гитлер всем нам подложил большую свинью. Не начни он своего террора, не развяжи войну, мы были бы по-прежнему крепки на юге нашего континента. Но теперь, и вы это знаете не хуже, чем я, большинство стран на юге легализовали компартии и установили — или же устанавливают — дипломатические отношения со Сталиным. Пока Рузвельт сидит в Белом доме, окруженный Моргентау, Уоллесами, Икесами и прочими, мы связаны по рукам, он не санкционирует решительных действий. Но он не вечен. Однако за то время, пока он правит, левые успеют закрепиться на континенте, и это плохо. Вы согласны?

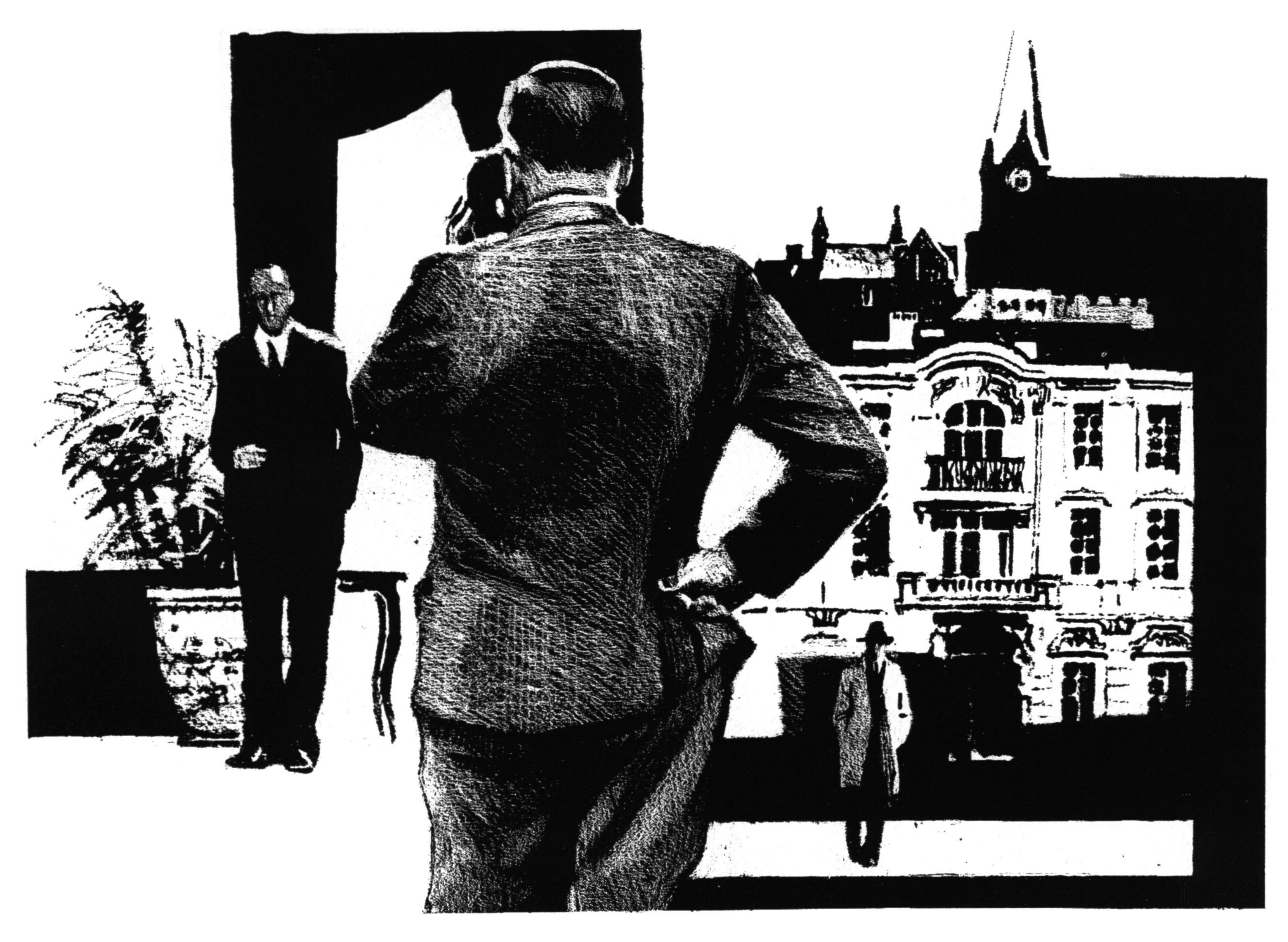
— Согласен.

— Что же, по-вашему, можно предпринять, чтобы еще сейчас, пока мы лишены реальной политической силы, оттереть левых, заставить их уважать те правила, которые исповедуем мы, именно мы, а никто другой?

— Вы говорите, Аллен, говорите, я слушаю.— Бэн ответил сухо, просчитав, что Даллес подходит к тому моменту, когда он, полковник, будет нужен ему больше, чем Даллес ему, Бэну.

— Единственная сила, которая может рьяно противостоять большевизму на юге нашего континента, не оглядываясь на какие бы то ни было нормы морали,— это люди типа Гутьерреса, то есть тамошние крайне правые. Единственная сила, которая может вселить в латиносов ужас и страх перед диктатурой,— это национал-социалисты, как те, которые ринутся туда из рейха, когда мы похороним Гитлера, так и местные афисионадо[1] нацизма. А если они родят страх перед террором диктатуры, то единственной силой, которая может помочь избавлению от нее, должны стать мы, общество свободы и демократии. Чем поначалу хуже, тем впоследствии лучше. Конкретно: готова ли ваша ИТТ дать укрытие, дом, работу, доку-

[1] Афисионадо (исп.) — любители.

менты тем тысячам бывших клевретов нацизма, которые уже сейчас держат в своих сейфах аргентинские документы?

— То, что вы предлагаете, осуществимо. Ваш стратегический замысел я принимаю целиком, но какое все это имеет отношение к возможной национализации моего филиала в Аргентине?

— Прямое. Как только кончится драка, я отправлю на юг Джекобса... Да, да, брата Эрла, вашего представителя в Испании. Я посмотрю его в серьезном деле, а потом передам ему мои здешние связи. А это вполне надежные связи. Надо сделать так, чтобы те немцы, которым вы дадите укрытие, зацеловали Перона, надо, чтобы он был весь в коричневой помаде, это повод к тому, чтобы давить на него в нужном для нас направлении. Сколько вы думаете получить с него в случае, если он решится национализировать ИТТ?

— Не менее семидесяти миллионов.

Даллес остановился и, хмыкнув, предложил:

— Ну-ка, бросьте монету. Бросьте, бросьте, человек с глазами тигра.

Бэн стремительно кинул на тротуар двадцатипятицентовую монету так, словно все время держал ее в кулаке. Даллес сделал пять быстрых шагов, наступил ногой на темноту, нагнулся и поднял вашингтона:

— Кошка видит лучше тигра. Так-то... Сто миллионов. Я вам обещаю не семьдесят миллионов, а сто. Если, конечно, мы подпишем вечный договор о дружбе и взаимной помощи. Эрго, если вы согласны поставить свою подпись под нашим договором, если вы обещаете сделать ваши аргентинские, чилийские, уругвайские, колумбийские и эквадорские филиалы моими, я готов способствовать тому, чтобы ваши границы значительно расширились. Повторяю, моими, а не всей нашей конторы — я имею в виду и УСС, и Донована.

— Вы чего-то не договорили, Аллен. Договор без секретных статей несерьезен.

— Я все сказал. Вопрос в том, насколько верно вы меня поняли. Точнее: правильно ли вы поняли то, что кандидатуры каких-то людей, которых мистеру Арнольду придется приютить, должны быть необсуждаемы? Какие-то внешнеполитические шаги, которые вы задумаете, придется, если, конечно, найдете время, обговаривать заранее со мною? А какие-то деньги, из тех ста миллионов, которые вы получите, вам придется обратить на наше общее дело, обсудив опять-таки со мною их вложение?

— Какой может быть сумма вложений?

— Скажем, десять миллионов.

— Не проблема, принято. Во что вкладывать?

— Вы не очень обидитесь, если я отвечу вам на этот вопрос несколько позже?

— Не обижусь. Но я привык рассуждать о грядущем заранее, даже если не знаю всего, что меня ждет.

— А кто об этом знает? Об этом не знает никто, полковник. Об этом знает бог, а в него мы верим.

— Вам не кажется, что вы со мной слишком жестко говорите?

— Мы победители, Бэн, нам можно.

— Верно, мы победители...

Даллес покачал головой:

— Нет, полковник, мы.— Он тронул себя пальцами в грудь.— Архивы Геринга, Риббентропа, «И. Г.», Гиммлера перейдут, а частично уже перешли ко мне. А вы очень не заинтересованы в том, чтобы эти архивы сделались достоянием гласности. Вам тогда просто-напросто не подняться. Вас сомнут, как это случилось с Уолтером Тиглом, а он был крепким парнем, Рокфеллер считался с его словом так, словно Тигл был не генеральным директором «Стандард ойл оф Нью-Джерси», а Рокфеллеровым дедом. И это случилось в сорок первом, когда архивами нацистов и не пахло.

— Что-то все это смахивает на шантаж, Аллен. Не находите?

— Это не шантаж, а констатация факта. Или, если говорить языком паршивой дипломатии, гарантия выполнения вами секретных статей предлагаемого мною договора о вечной дружбе.

— У вас есть еще одна монета? — спросил Бэн.

Даллес порылся в карманах легкого, чуть коротковатого для его роста пальто, вытащил медяшку и поинтересовался:

— Хотите взять реванш?

— Очень.

Даллес бросил монету; Бэн достал стодолларовую купюру и протянул ее Даллесу:

— У вас есть зажигалка? Попробуйте поджечь. Мы же не уговаривались, каким образом я стану искать монету, важно, чтобы я ее нашел.

— Я должен вас понять так, что вы отказываетесь от моего предложения?

— Именно так. Честь имею.

Через неделю ФБР вызвало для допроса помощника Бэна; в тот же день, только вечером, министерство юстиции уведомило начальника отдела безопасности Грюна (формально он числился «экспертом по внешнеэкономическим связям»), что он должен представить документы о договорах ИТТ с европейскими фирмами, контролируемыми Берлином; наутро против ИТТ был дан залп в ведущих газетах Вашингтона, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Детройта и Чикаго; вечерние газеты Парижа, Лондона, Брюсселя, Рима и Осло перепечатали статьи из американских газет, сопроводив комментариями, полными многозначительных недомолвок.

В двадцать один час Бэн позвонил Аллену Даллесу и предложил ему выпить чашку кофе; тот посетовал на занятость, поинтересовался, нельзя ли перенести встречу на следующую неделю, и спросил, не может ли он чем-либо помочь, если дело носит экстренный характер.

— Можно подождать до уик-энда,— ответил Бэн.— Просто я тут подписал один договор, и мне хотелось, чтобы вы его проглядели своим соколиным оком — нет ли каких накладок.

— Прекрасно. В субботу я жду вас на ланч.

Продолжение следует.

Портрет.

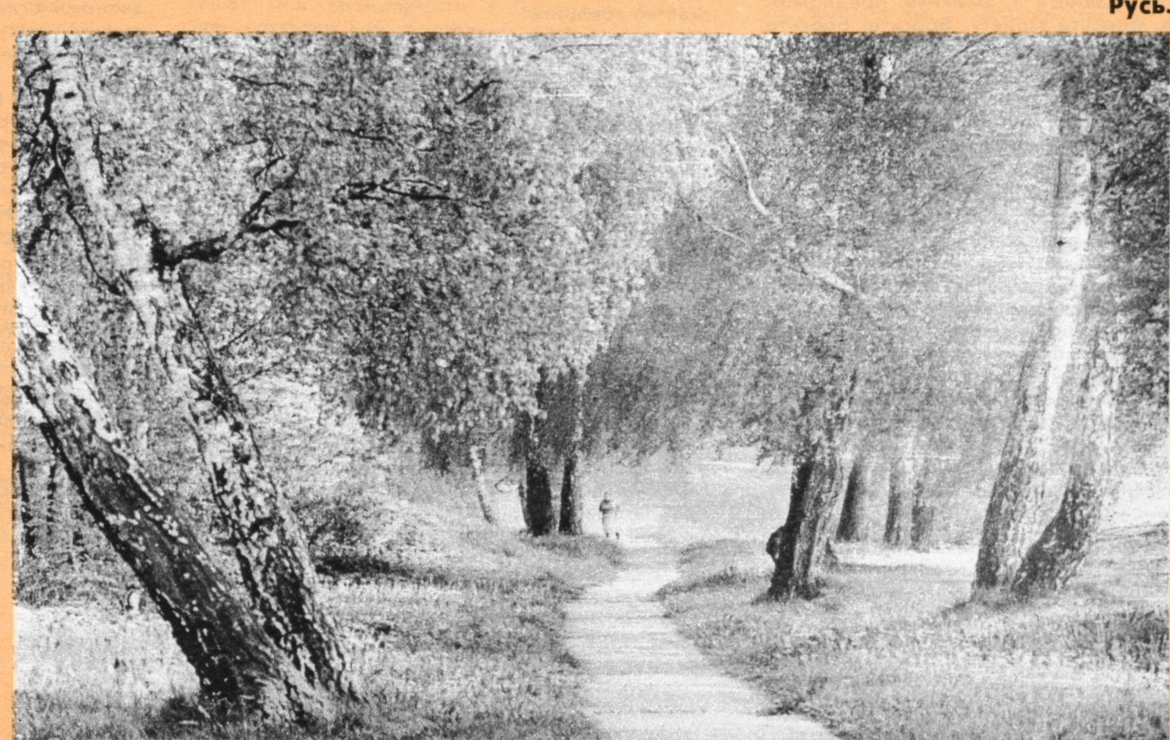
Лакомка.

Русь.

Автор этих фотографий Игорь Флис.

Он так же, как и Александр Викторов, фотографии которого мы напечатали в № 4 нашего журнала, студент-дипломник факультета журналистики Московского государственного университета.

Редакция предполагает, что его работы часто станут появляться на огоньковских страницах.

ВЕРНИСАЖ «ОГОНЬКА»

Слабый сильный пол.

Евгений Светланов.

Размолвка.

Владимир НИКОЛАЕВ,
фото А. ГОСТЕВА и автора,
специальные корреспонденты «Огонька»

ЧАСЫ ИСТОРИИ

В настоящее время в мире одних только наручных часов ежегодно выпускается около 400 миллионов (бо́льшую их часть составляют электронные и кварцевые). Когда попадаешь в Женеву, то, право, создается впечатление, что все они делаются именно в этом городе. Едва ли не каждая третья витрина снизу доверху забита часами. За многие годы журналистской работы мне довелось повидать немало стран, но другого такого «часового» города нигде не сыщешь!

Часы — это, можно сказать, пульс бесконечного и быстротекущего времени. Из-за обилия самых разнообразных стрелок, циферблатов и маятников в Женеве это ощущаешь с особой остротой. В ней так слышен пульс планеты еще и потому, что она давно стала центром важных международных встреч, местом многих актуальнейших переговоров. Здесь громко бьют часы истории. Их тревожный и вместе с тем обнадеживающий набат был слышен во всем мире в дни недавней советско-американской встречи на высшем уровне.

ЛЕНИН В ЖЕНЕВЕ

Работа корреспондента на этой встрече требовала немало времени и сил, но все же нельзя было не побывать в нескольких местах, связанных с жизнью в Женеве Владимира Ильича Ленина.

Вот старая улица Де Пон (Двух мостов) в рабочем районе. Она начинается у моста через Рону и заканчивается у моста через Арву. Когда здесь, в доме № 17, жил Ленин, это был квартал часовщиков. Простое шестиэтажное здание, «доходный» дом, населенный трудящимся людом. Нелегко жилось Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне, им приходилось рассчитывать каждую копейку, экономить деньги на трамвай, на еду... Ко всему прочему женевский январь 1908 года встретил их лютым холодом.

Из дома № 17 Ленин ходил в библиотеку, где работал целыми днями. К осени 1908 года закончил «Материализм и эмпириокритицизм». В это же время он налаживал выпуск центрального органа партии — газеты «Пролетарий».

Неподалеку от дома № 17, буквально в нескольких шагах, сохранилось одноэтажное здание старинной почты, которую часто посещал Владимир Ильич, отсылал свою корреспонденцию, получал письма и газеты.

В Женеве Ленин жил в 1903—1905 годах, потом вернулся туда снова в 1908 году, приезжал затем много раз позже. А вообще в Швейцарии (Женеве, Цюрихе, Берне) Владимир Ильич прожил (с перерывами) около семи лет. Он сохранил добрую память о Женеве, работе в ее библиотеках: «Из всех мест моего скитания я бы выбрал Лондон или Женеву, если бы оба не были так далеко».

В Женеве Ильич жил также в рабочем предместье Сешерон, на улице Фуайэ, неподалеку от Ботанического сада, куда он часто ходил на прогулку. Сегодня район этот очень изменился, город властно вошел в него, а вот сад сохранился...

Другим памятным местом, связанным с жизнью Ленина в Женеве, является университет. Владимир Ильич много работал в университетской публичной библиотеке. В ней и сегодня берегут абонементный листок с его росписью. В университете занималась на курсах французского языка для педагогов-иностранцев Надежда Константиновна. В университетском квартале, в кафе «Ландольт», часто собирались эмигранты-большевики.

С февраля 1916 года по апрель 1917 года Владимир Ильич жил в Цюрихе, откуда он и уехал в Россию. В «Прощальном письме к швейцарским рабочим» Ленин писал: «Уезжая из Швейцарии в Россию для продолжения революционно-интернационалистической работы на нашей родине, мы, члены Российской социал-демократической рабочей партии, объединенной Центральным Комитетом (в отличие от *другой* партии, носящей *то же самое* название, но объединенной Организационным комитетом), шлем вам товарищеский привет и выражение глубокой товарищеской признательности за товарищеское отношение к эмигрантам».

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР

«В Женеве встречается весь мир» — под такой крупно напечатанной «шапкой» американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» выпустила специальное приложение, посвященное этому городу. Оно появилось в день открытия советско-американской встречи. Далее газета пишет: «Еще Юлий Цезарь нанес Женеву на географическую карту в 58 году до нашей эры, когда написал о ней в своих «Записках». Его слова о значении города оказались пророческими, поскольку Женева продолжает оставаться мировой сценой».

В наш век с Женевой связаны многие важнейшие события на этой сцене. В 1920 году здесь обосновалась Лига Наций, а сегодня находится европейский центр Организации Объединенных Наций и несколько таких крупнейших международных организаций, как метеорологическая, труда, телекоммуникаций, здравоохранения, Красного Креста и другие. Поражают и размах их деятельности, и занимаемые ими огромные здания — современные дворцы. Вот, например, такое учреждение, как Всемирная Организация Интеллектуальной Собственности (ВОИС). Издалека видна ее штаб-квартира, внушительный небоскреб из голубого стекла, чуть изогнутый по дуге. Ее задачи можно сравнить с нашим Всесоюзным агентством по авторским правам. Сегодня ВОИС насчитывает 270 сотрудников из 47 стран, ее годовой бюджет составляет примерно 20 миллионов долларов. Это только одно из пятнадцати специализированных учреждений, входящих в систему ООН. Сегодня в этой организации состоят сто государств.

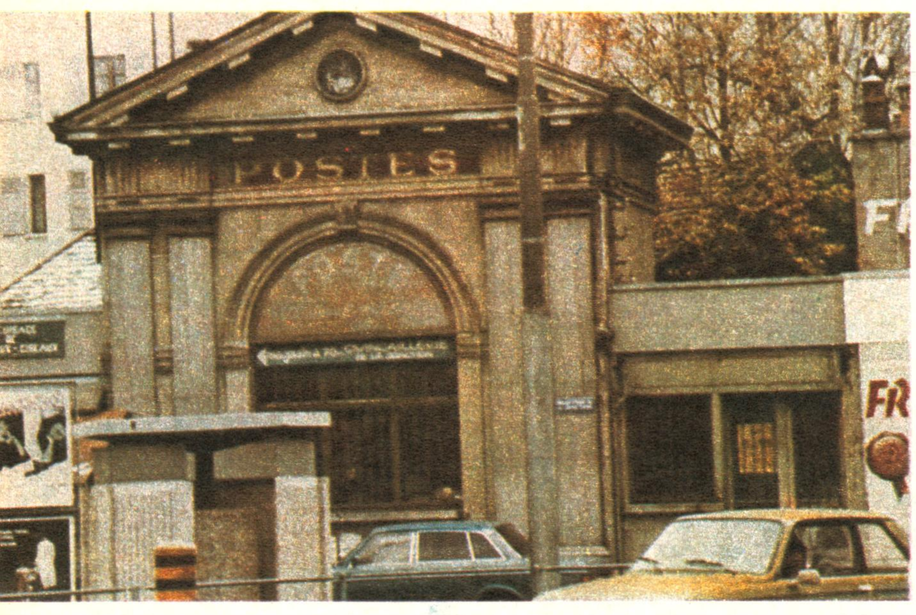
«Интеллектуальная собственность» означает права, связанные с интеллектуальной деятельностью в производственной, научной, литературной и художественной областях (патенты и другие права на изобретения, права на товарные знаки и промышленные образцы; авторское право в литературе, музыке, кино, радио и т. п.). Любопытно, что созданию ВОИС предшествовала богатая событиями и международными актами история. Так, еще в 1883 году была принята Парижская конвенция по охране промышленной собственности, затем последовало Мадридское соглашение о пресечении ложных или вводящих в заблуждение указаний происхождения на товарах и т. д. Одним из последних подобных международных соглашений стал Найробский договор 1981 года об охране олимпийского символа.

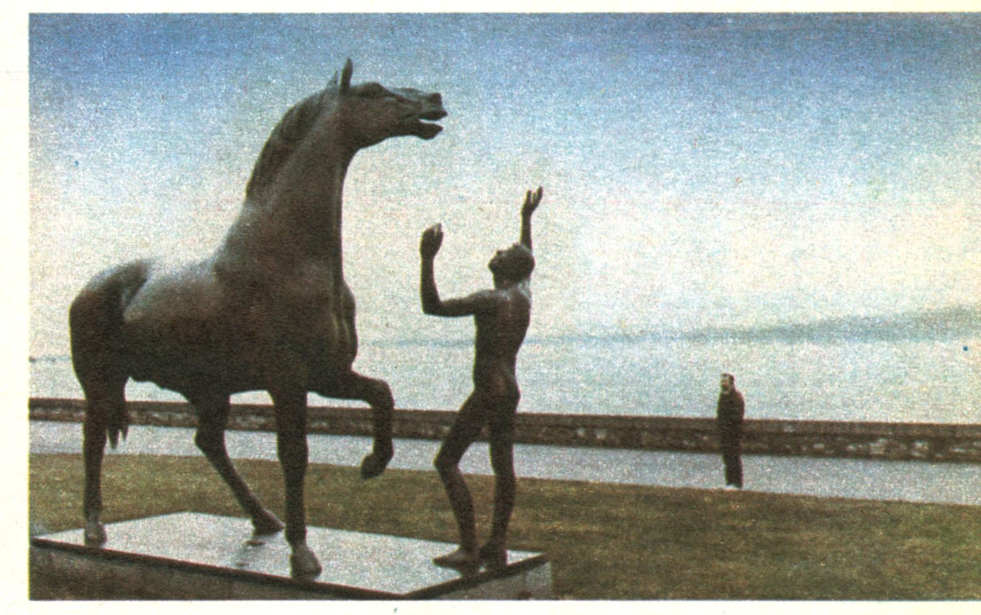
Всего в Женеве насчитывается 180 международных организаций и 120 дипломатических миссий. А ведь город сравнительно небольшой — 152 тысячи жителей. Но вряд ли найдешь другой, так хорошо и традиционно приспособленный для проведения международных мероприятий. Много повидал я на своем веку пресс-центров, но огромный местный международный центр, несомненно, лучший из всех. Известно, что советско-американская встреча привлекла в город около четырех тысяч корреспондентов из более чем 50 стран. Число для подобных событий небывалое! Но я не слышал, чтобы кто-нибудь из них сетовал на работу пресс-центра. В полном соответствии с духом времени большинство корреспондентов составляли сотрудники телевидения. Так, только от Соединенных Штатов было 128 съемочных групп.

В главном зале пресс-центра, похожем на современный кинозал (с той разницей, что там рядами стоят не только кресла, но и столы), на экране во всю стену с утра до вечера показывался прямой репортаж с места событий: переговоры, встречи, пресс-конференции, приемы... То же самое можно было видеть на экранах обычных телевизоров, которые установлены в многочисленных помещениях пресс-центра. Когда я по вечерам смотрел в своем гостиничном номере

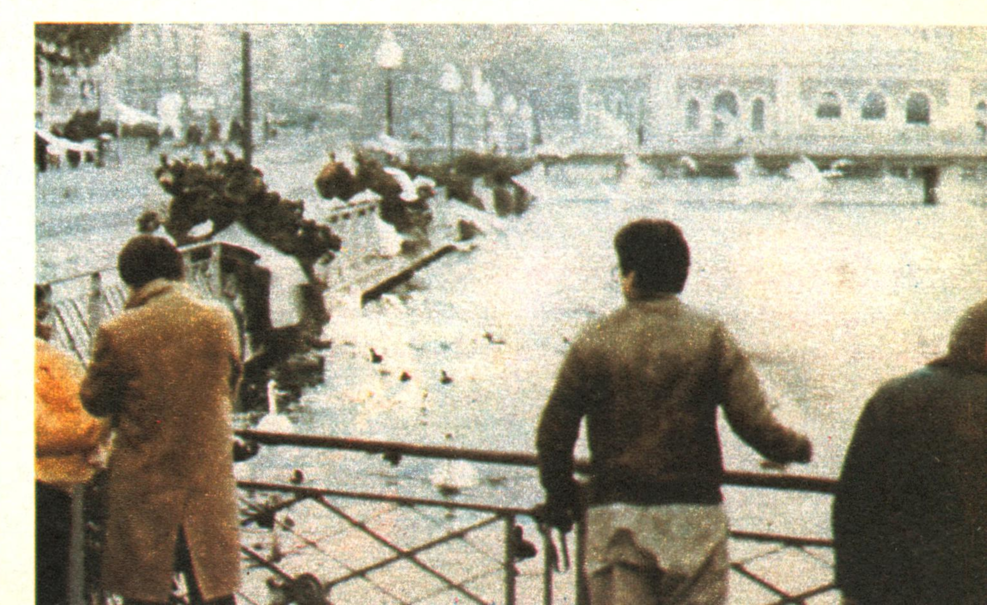
Новогодняя улица * Зима на Женевском озере.

ELDONA
DELACHAUX
PIETONS
GE 13820

POSTES

последние известия, то лишний раз убеждался, как выгодно отличается прямой телерепортаж от сокращенной и скорректированной записи. Прямые телерепортажи шли по закрытому каналу только в этот пресс-центр и в пресс-центр американской делегации (о нем речь пойдет ниже), умелые операторы и режиссеры обращали внимание на самые мелкие детали и создавали на экране такую картину происходящего, какую на месте глазом не охватишь. К тому же на месте всегда перед тобой, пишущим корреспондентом, десятки фото- и телерепортеров, а также официальные лица, из-за их спин мало что увидишь. Телеоператоры показывали и то, как работают на встрече их коллеги по средствам информации. Это было очень любопытное зрелище.

Вот только одно из многих воспоминаний, связанных с телеэкраном в пресс-центре. Такой сюжет: Нэнси Рейган, супруга американского президента, посещает больницу для молодых наркоманов. Дело в том, что у себя на родине она активно участвует в борьбе с наркоманией, ставшей в США общенациональным бедствием. Операторы показывают, как Нэнси Рейган беседует с юношами и девушками. Они так молоды, что наркотики еще не успели наложить на них свою неизгладимую печать. Но коль скоро они в больнице, значит, дело уже серьезное, опасное для их здоровья. Нэнси Рейган спрашивает одну девушку, на вид совсем подростка: «Ты, наверное, курила марихуану и потому попала сюда?» «Да нет,— не без гордости отвечает ей девушка,— я употребляла гашиш и ЛСД» (сильнейший наркотик.— **В. Н.**). Страшная картина!

Американские корреспонденты обосновались в большом отеле «Интерконтиненталь», неподалеку от международного пресс-центра. Как и многие другие крупные гостиницы города, он давно приспособлен для международных встреч, их в нем проходило немало. Тем не менее американцы привезли с собой в дополнение к имеющимся там 400 телефонам еще 600 аппаратов и свою телефонную станцию к ним, на крыше отеля они установили 10 дисковых и 35 обычных антенн, а бальный зал переоборудовали в пресс-центр. Работники средств информации из Японии арендовали для себя не отель, а целый пароход, стоявший у причала в центре города, а набережную заставили антеннами...

Помимо журналистов, в Женеву прибыли посланцы сторонников мира со всех континентов, представители более ста различных организаций и движений. Их присутствие ярко демонстрировало живой интерес миллионов людей к женевским переговорам. Широко были представлены американские сторонники мира, среди них и ветераны второй мировой войны, участники встречи американских и советских войск на Эльбе. Были в Женеве и японцы, пострадавшие в 1945 году от атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки. Участники движения «Пилигримы во имя мира» прошли 12 тысяч километров по дорогам США, Западной и Восточной Европы и принесли в Женеву свою «петицию мира». Видный американский политический деятель Дж. Джексон сказал на пресс-конференции, устроенной в Женеве антивоенными организациями США: «Две трети американцев поддерживают советское предложение о прекращении любых ядерных взрывов. Мы здесь выступаем за то, чтобы в США ответили на советское предложение своим мораторием. И за то, чтобы «звездные войны» не стали реальностью».

Были в Женеве и представители такой организации, как «Бабушки за мир». Были и посланцы церкви из разных стран. В местном соборе они отслужили молебен за успех переговоров. Много внимания привлекли к себе в Женеве юные посланцы организации «Птицы мира», объединяющей детей 37 стран.

Несмотря на свою малочисленность, отличались немалой активностью и громкими выкриками в общественных местах те, кто пытался противостоять идеям мира и разрядки. Так, например, прибыли в Женеву представительницы организации «Американки за СОИ» (то есть за проект «звездных войн», за милитаризацию космоса), а также их коллеги по подрыву дела мира из объединения «Женщины за мир через реальную оборону». Некая миссис Шалфли, из числа сторонниц СОИ, прямо так и заявила, что, по ее мнению, президенту США вообще незачем было приезжать в Женеву.

НЕСКОЛЬКО СТОЛИЦ

Говорят, что в Женеве сосредоточено несколько мировых столиц. Во-первых, конечно, это столица всех часовщиков. Во-вторых, банкиров. Но если часовых дел мастера на все лады рекламируют свою деятельность и свою продукцию, то финансисты скромно помалкивают. Справедливо отмечают, что женевские банкиры отличаются не только баснословным богатством, но и удивительной скрытностью. Иначе им, наверное, нельзя. Миллионы и миллиарды, награбленные многими бывшими и настоящими диктаторами, надежно (и зачастую безымянно, под шифрами) осели в женевских банках. Здесь же хранятся капиталы воротил организованной преступности на Западе. Могущество и влияние местных финансовых тузов во многом опираются на эти грязные и зачастую кровавые деньги. Вот текст любопытного рекламного объявления в местной газете: «Женевские банкиры настолько осторожны и неболтливы, что даже не пишут, как это обычно принято, своих имен на фасадах банков. Поколение за поколением они беспокоятся только об интересах своих клиентов. В течение веков женевские банкиры славятся своими личными, можно сказать, интимными отношениями с клиентами». Тут же рядом с этим крупно набранным текстом даны фотографии дверных табличек банков, на которых выгравированы лишь инициалы их владельцев.

Американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» вспоминает сегодня, что еще Вольтер писал о женевских банкирах примерно так: если один из них прыгнет в Женевское озеро, прыгайте вслед за ним, наверняка заработаете на этом 10 процентов прибыли. Та же газета пишет: «Бережливость и скупость женевских банкиров удивительны. Они и сегодня испишут карандаш до последнего дюйма (2,5 см.— **В. Н.**), прежде чем его выбросят... В Женеве на все городское население приходится столько банков, сколько нет ни в одном другом городе в мире на то же число жителей. Проницательность потомственных женевских банкиров, сама манера ведения дел надежно оберегают их от опасностей этого сложного бизнеса. Они ловко лавируют между всевозможными рифами. Верная своим испытанным методам, невидимая финансовая элита нейтральной Швейцарии бережет как зеницу ока свою машину по деланию денег». Одна из главных специализаций женевских банков (и, разумеется, швейцарских вообще) — торговля золотом. В стране сосредоточены основные международные операции с золотом.

Про жителей Женевы (как, впрочем, и про всех швейцарцев) на Западе говорят как о людях, весьма прижимистых. Швейцарцы по сумме сберегательных вкладов на душу населения занимают первое место в мире. Если в США один банк приходится примерно на шесть тысяч населения, то в Швейцарии — на одну тысячу.

Американский журналист Ференбах пишет: «Деньги, даже в век атомной бомбы и сверхдержав, остаются силой. Швейцарские банки контролируют огромные суммы денег, и они всесильны. Это сила, которая действует в сером, туманном, невидимом мире международных финансов. Только немногие знают о ней, но она распространяется на всех».

Еще Женеву называют столицей туризма. Здесь ежегодно бывает два миллиона туристов. Тут самая большая концентрация отелей высшего класса (в расчете на число жителей) по сравнению с любыми другими центрами мирового туризма. Когда говорят, что Женева — столица мирового туризма, то имеют в виду и тот факт, что она, как и вся Швейцария, была, можно сказать, колыбелью всего современного международного туристского бизнеса, который в настоящее время повсеместно приобрел гигантский деловой размах. Швейцария издавна была своего рода эталоном этой своеобразной индустрии активного отдыха и продолжает таковым оставаться. Туризм в стране начал развиваться еще в первой половине прошлого века. Затем, уже по примеру Швейцарии, и другие альпийские страны (Австрия, Италия, Франция) начали осваивать это прибыльное дело, так что сегодня развитие туризма протекает в условиях жесточайшей конкуренции (бизнес есть бизнес!). В Женеве туризм, по-моему, рекламируется больше, чем часы. Кстати, Швейцария вообще по расходам на рекламу (на душу населения) занимает второе место в мире после США.

Утверждают также, что Женева — мировая столица ювелиров. Основанием тому служит не только традиционное процветание этого доходного промысла, но и тот факт, что именно здесь дважды в год проводятся самые престижные в мире аукционы ювелирных изделий. Миллионы иностранных туристов вывозят из страны золотые и другие ювелирные изделия (монеты, часы, украшения и т. п.).

И, наконец, Женева гордится тем, что ее считают мировой столицей благоухания. Оказывается, большинство всемирно известных парфюмерных фирм именно в этом городе имеют свои штаб-квартиры. И именно отсюда (а не из Парижа!) в большинстве своем расходятся по всему миру те тончайшие, сложнейшие и баснословно дорогие духи (или же составляющие их компоненты), которые задают тон в парфюмерном бизнесе.

Вот сколько столиц в одном городе, который, кстати, столицей Швейцарии не является. Как говорят, у каждого города свой норов...

* * *

Да, богата история Женевы! Но сегодня этот город прежде всего напоминает людям о состоявшейся там советско-американской встрече на высшем уровне. В совместном советско-американском заявлении, отражающем в полной мере положительное значение встречи в Женеве, говорится:

«Признавая различия в общественно-политических системах СССР и США и в их подходах к международным проблемам, оба руководителя вместе с тем достигли лучшего понимания позиций друг друга. Они согласились о необходимости улучшения советско-американских отношений и оздоровления международной обстановки в целом. В этой связи обе стороны подтвердили важность постоянного диалога, отражающего их серьезное стремление искать точки соприкосновения по существующим проблемам».

Этот начатый в Женеве диалог настоятельно требует своего продолжения и развития. Ведь там обе стороны убежденно констатировали в своем совместном заявлении, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей».

Женева — Москва.

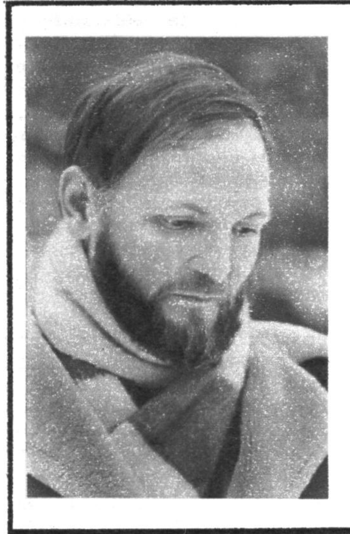
Долой войну!

В этом старинном здании почты часто бывал В. И. Ленин.

*** Туристы на распутье.**

*** Бронзовый конь.**

*** На мосту.**

Дела земные

Владимир КРУПИН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ПЕЧКА

Много слез пролил я в жизни, но больше всего меня заставила плакать вот эта печка, возле которой сейчас греюсь, которая варит мне картошку, греет чай, сушит одежду.

Сняв в Никольском боковушку у бабы Насти, я был счастлив в этой конуре. Стояла зима. Промерзшая печь топилась часов пять и все пять часов неистово дымила. И мои мечты ощутить запах родного, пусть не окончательно своего очага осуществились. Я пропитался этим запахом сверху донизу. Возвращаясь в тот же день домой, я ловил на себе женские нескрываемые взоры, какими глядят на настоящего мужчину — таежника, геолога или охотника, ночующего в тайге у костра.

Назавтра я поехал в свой домик с утра пораньше. И вновь топил, кашляя, задыхаясь и плача. Ртуть в градуснике, привезенном с собой, и носу не высовывала, съежившись от страха в красную каплю внизу.

Я так ни за одной девушкой не ухаживал, как за печкой. Выбирал дрова, пробовал варианты. Клал смолистые сосновые, исторгавшие черный дым, или начинал с березовых, или пробовал сочетания. А то и вовсе наталкивал сухой щепы, которая весело занималась, но тут же задыхалась в собственном дыму. В отчаянии я часто выскакивал на улицу и сквозь слезы глядел на трубу. Жиденький дымок сочился из нее. Может, в трубе дохлая ворона? Полез на крышу, проверил. Нет, в трубе было чисто, а живые вороны сидели на соседних крышах и обо мне сплетничали.

Надо ли говорить, что я простыл, сморкался и кашлял по ночам, что жена начала стирать мне отдельно, приговаривая, что вот судьба и тут не обошла, привела и женой трубочиста побывать.

Я не сдавался. Самое малое по три, по четыре часа уходило на растопку печки. Она затапливалась тогда, когда у меня кончались все силы. Но, и заплаканный, и измазанный, я не сердился на печку, радовался своему уголочку, радовался тому, как сквозь слезы, будто бриллиантовый, идет за окном снег, как только для меня Ваня Сусанин, внук Ивана Сусанина, поет: «Бедный конь в поле пал...»

Иногда ко мне заходил сосед Иван Михайлович. Видя мои мучения, он сказал:

— Ставь магарыч, глины достану. Тебе надо трещины замазать.

Я развел глину и целый день обмазывал печку, уничтожая большие и малые зазоры между кирпичами. Так что жене пришлось побыть еще и женой печника.

Но, и обмазанная, пострашневшая, печка не затапливалась. Тепло создавали горящие газовые конфорки. Какое же это было тепло — душное, с головной болью.

— Ну, голубушка,— просил я, поднося спичку к вспыхивающей бересте,— ну почему дым не идет в трубу?

И уже сам нашел Ивана Михайловича, и произнес его же фразу, но со своей стороны:

— Веди печника, магарыч ставлю.

— Где ж я его найду? Это тебе не профессор.

— Хорошо, ставлю еще!

— А ему? За то, что посмотрит?

— Только за то, что посмотрит?

Но у Ивана Михайловича хватило сострадания, чтоб не обидеться на мое непонимание.

Печник прибыл. Обстукал печку, как больную, подергал задвижку, пнул ногой отдушину и произнес:

— Печка у тебя хорошая.

— Но,— заикнулся я, показывая как свидетельство закопченный, похожий на южное небо ночью потолок.

— Как-то же жили,— резонно сказал печник.— А хошь, давай развалим.

— Давай! — отчаянно согласился я.

— Развалим-то развалим,— задумчиво сказал печник, доставая через форточку горсть снега и протирая руки.— Развалим. И пусть я к тебе даже отнесусь вне очереди. Это все равно месяц. А задурю? Нет, живи до лета.

Оставшись один, я встал перед печкой на колени, зажег лучинку и весь чуть ли не вделся в устье. Вывернул голову — дымоход был свободен, и в него, отделяясь от лучины, уходило волоконце светлого дыма. Я поставил горящую лучинку боком к закопченным кирпичам, добавил бересточку, потом, так как нравилось глядеть на огонь, стал подбавлять еще лучинок, щепы. Печь не дымила, дым от растопки исчезал в трубе. Я стал подкладывать дрова чуть потолще, закрыл дверцу, услышал слабое гудение тяги.

Счастью моему не было выражения. Я трясся от страха, что вновь дым окутает меня, заполнит избушку. Ничуть. Печка скоро так разошлась, дрова так бесперебойно трещали, печь гудела так симфонически, что я, забывшись, раскочегарил ее до того, что треснула чугунная плита. Тогда опомнился, больше не подкладывая, выждал, пока останутся одни угольки, и закрыл. Ртуть в градуснике ползла к пределу, избушка моя явно температурила. Стены трещали, в них внутри что-то осыпáлось. Наверное, всех обитателей старых стен я вывел из спячки. Я открыл настежь двери, уже не от дыма, от жары.

Наутро я подошел к печке, как милосердный завоеватель к покоренной крепости. Затопил, опять начиная с малой лучинки. И вскоре на старое тепло печка дала такой жар, что ртуть в градуснике вновь воспарила. На плите по случаю победы теснились кастрюли и сковородка, плясал от восторга чайник, сбоку грелась вода в ковше.

— Что б ты еще стирала да посуду мыла,— говорил я, довольный,— да еще в магазин бы ходила,— цены б тебе не было.

СИНИЙ ДЫМ КИТАЯ

Смотрел передачу об отверженных, о касте неприкасаемых, об их несчастьях. Вспомнил к тому же, как работал в издательстве и пришло письмо от прокаженного из лепрозория. На письме был оттиск штампа «Продезинфицировано». От конверта отдергивали руку. А это был обыкновенный отзыв читателя на прочитанную книгу.

А еще вспомнил, как и сам был отверженным, парией. Это когда я был заразным, болел страшной болезнью, гулявшей после войны по нищете и бедности,— стригущим лишаем.

У братьев моих и сестер прекрасные, еще не седые волосы, а у меня и седые и совсем редкие. Это не только от каких-то переживаний, но именно от этой болезни. Как она меня зацепила, не знаю. Хорошо, что быстро хватились и заперли меня от здоровых в заразный барак. Но там болезни не вылечили, хотя долго чем-то мазали. Велели везти в областной город, иначе грозили, что я вовсе останусь без волос. Завязали голову, нахлобучили буденновский шлем, которым я очень гордился, не велели его снимать даже на ночь и отправили.

Повез меня отец. Ехали двое суток, с пересадками. В Кирове меня сразу отняли у отца, и потом я его не видел до выписки. Лежал я в большой, человек на двадцать, палате, ходил с замотанной головой. Первые дни меня водили на облучение. Клали в отдельной комнате на стол, обкладывали голову свинцовыми пластинами и уходили за стекло. Включали ток. Раз одна пластина съехала, но так как не велели шевелиться, то я не смел ее поправить. Потом стали процедуры побольнее. Два раза в день медсестры вели меня в служебную комнату, разматывали голову, клали ее к себе на застеленные клеенкой колени, не велели вздрагивать и пинцетом выдергивали каждый отдельный волосок с корнем. Так полагалось вырвать все волосы, которые не выпали сами от облучения. Дергали, пока не уставали или пока не надо было куда-то идти. Тогда мазали голову йодом, завязывали и отпускали.

В палате я привязался к раненому моряку. Он с войны болел гангреной, он потом при мне умер. У него были отняты ноги, и их все выше и выше отнимали. А гангрена опять ползла. Моряк сидел в койке и учил меня морской азбуке. Я потом долгое время гордился перед друзьями, что знаю многие морские сигналы, знаю отмашку флажками: «В кильватерную колонну», «Ко мне», «Прекратить стрельбу». Еще моряк пел песню: «Любимый город в синей дымке тает, знакомый дом, зеленый сад и нежный взгляд...» Я слушал и почему-то понимал так: «Любимый город, синий дым Китая...»

Когда меня выписали, я был совершенно лысый, с коричневой, сожженной йодом, чешущейся и шелушащейся кожей головы. Буденновку мою сожгли, за что отцу велели расписаться. А остальную одежду с подпалинами дезинфекции выдали. Я переоделся и, два месяца не видев улицы, вышел на крыльцо. Уже была весна. По мокрому снегу ходили грачи. И тогда, и теперь я думаю, что именно в такое время писалась картина Саврасова «Грачи прилетели», в ней такое же состояние печали и выздоровления. С собой отец принес батон городского хлеба, который я сразу съел. Медсестра завязала меня своим платком. Как девчонку. Я чуть не ревел и шел, от стыда не поднимая глаз. Но с непокрытой головой было бы еще страшнее.

Мы пришли на квартиру, где ночевал отец, но ночевать со мной его не пустили, боялись, что я заражу их детей. Отец упросил, чтоб мне разрешили посидеть в коридоре, пока он съездит на вокзал за билетом. Этот дом сохранился, он на улице Энгельса, на задах дома Циолковского. Сидел я тихо и неподвижно. Смерклось. Отца все не было. В комнатах зажгли свет, и коридор освещался, когда двери комнат открывались. Забыл сказать, что в больнице мне выжигали бородавки, выжигали соляной кислотой. Сначала болело, потом прошло, но чесалось, я скреб ногу, залезая рукой в валенок. И это заметила женщина, ходившая на кухню и обратно.

— Ты чего?

— Чешется,— прошептал я.

— Иди на улицу!

А я вышел даже с радостью, так как до этого боялся, что нельзя. Вслед я слышал, что она запрещает своим детям подходить ко мне, и они смотрели издали.

Совсем к вечеру вернулся отец, снова принес хлеба. Я хотел пить, сказал ему. Он принес попить в какой-то черепушке, которую выбросил, когда я попил. Я понял, что нас ночевать не оставили, и даже был рад, потому что стеснялся городских ребят. На вокзале отец нашел у стены место, сел на дощатый чемодан, а мою голову положил себе на колени, и я крепко уснул.

Утром мы выехали. В поезде у отца нашлись знакомые. «Фронтовика везешь?—весело спрашивали его, а меня:— Головное ранение?» Угощали, у кого чего было. Ехал еще один безбилетник, проехать которому помог именно я. От контроля он уберегся под мешками, которые были навалены на полу и на которые велели мне лечь. Велели притвориться, что сплю, а я уснул почти что на самом деле. Меня растормошили контролеры. Они спрашивали имя. Они думали, что это не я, а старший брат, а ему уже полагался взрослый билет.

Контролеры ушли. Мокрый от жары и моей тяжести безбилетник вылез и стал спорить, что бумага не горит. С ним поспорили, а он выиграл. Он, оказывается, вез своей организации асбест, и сколько ни поджигали этот асбест, он, конечно, не загорелся.

От станции нас везли на лошади, еще на санях, хотя уже много вытаяло земли. Через реку (забыл название) ехать боялись. Распрягли лошадь, конюх ушел подальше и потянул ее за длинные вожжи. Она перешла, только раз провалилась одной задней ногой. А потом перетащили сани, в которых мне велели сидеть.

Дома я долго стеснялся выходить играть с ребятами. Но ведь я уже был незаразный. А к лету, и тем более к осени, стал обрастать.

ДЫХАНИЕ

Морозный закат. Пошел за деревню, к лесу, от которого шел розовеющий на солнце туман. Но туман оказался вовсе не туманом, это был дым, причем не дым обычного костра, запах чего-то тяжелого услышался издали. Подойдя, увидя огонь, я понял, что это строители жгли старые покрышки, грелись около них. Гора запасенных покрышек высилась рядом.

Пошел дальше. У леса оглянулся — закат заканчивался, такое было ощущение, что не солнце опускается, а тучи находят на него, затапливают. Вот солнце исчезло, только последний луч вырвался вверх, как сигнал из бездны, что именно тут затонул корабль.

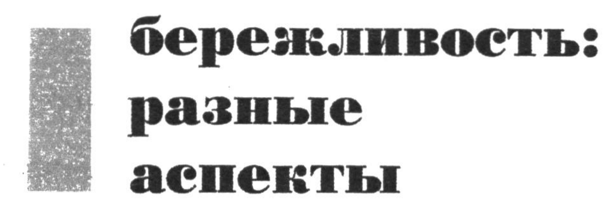
И еще долго шел. Вскоре настоящий туман разом охватил пространство, потом вдруг исчез, снег под ногой стал крепнуть, вскрикивать. Потом туман вновь появился, снег замолчал. И так несколько раз — туман то появлялся, то исчезал, будто кто приближался к земле и сокрушенно вздыхал.

Ночью поднялся ветер, поднял снег. При луне было видно, что нового снега сверху не добавлялось, это прежде упавший все носился и все не мог найти места, где улечься до весны.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

разговор
продолжает
читатель

Тормоза для вечного двигателя, или закон сохранения инерции?

В «Огоньке» № 33 за 1985 год был напечатан материал Ю. Сурхайханова «Как сэкономить миллиард, или Смазка для вечного двигателя». В нем шла речь об открытии ученых Д. Н. Гаркунова и И. В. Крагельского. О высокоэффективных смазочных материалах. Применение их сулит огромную экономию.

В материале подвергались критике Миннефтехимпром СССР и Госстандарт СССР, не принявшие энергичных мер к широкому внедрению этих изобретений.

За время, прошедшее после публикации, мы получили большое количество писем. Особенно много их пришло от специалистов по триботехнике, то есть износу, трению и смазочным материалам. Откликнулись инженеры, изобретатели, ученые — представители как вузовской науки, так и отраслевых НИИ. Сегодня мы знакомим читателей и заинтересованные организации с наиболее типичными из них, то есть отражающими общий характер и настрой почты, пришедшей на материал «Как сэкономить миллиард...».

Из Кировограда написал кандидат технических наук А. Г. Терхунов:

«Работам ученых, о которых рассказывалось в материале, крайне необходимо скорейшее массовое внедрение в народное хозяйство страны. Проблема увеличения срока службы машин, их ресурса крайне сложна и многообразна, но даже частичное ее разрешение даст необыкновенно высокий народнохозяйственный эффект. Гаркунов и Крагельский открыли явление безызносности. Внешне оно несложно, но по своей сути поразительно: трение есть, а износа нет. Мечта любого инженера! Внедрение его в практику не сопровождается технологическими сложностями, а решает в значительной мере проблему самую больную в механике — проблему износа.

П о з и ц и я же, з а н я т а я М и н н е ф т е х и м п р о м о м, у ученых, занимающихся разработкой технологических процессов, связанных с избирательным переносом, у инженеров, имеющих прямое отношение к эксплуатации и ремонту машин, в ы з ы в а е т т о л ь к о в о з м у щ е н и е».

А вот мнение сотрудников лаборатории трения и смазки Ленинградского политехнического института имени М. И. Калинина, кандидатов технических наук В. М. Лебедева и А. А. Ашейчика:

«Абсолютно правильно поставлен вопрос о безответственной позиции ряда организаций, занимающихся внедрением новых смазочных материалов, в частности Миннефтехимпрома СССР. Со своей стороны, м ы м о ж е м п о д т в е р д и т ь д е й с т в и т е л ь н о у д и в и т е л ь н ы е р е з у л ь т а т ы, которые можно получить в ряде узлов трения, используемых в различных областях техники, благодаря избирательному переносу. В частности, при применении металлоплакирующих смазок в шарнирах тяговых цепей конвейеров износ уменьшается в десятки и сотни раз по сравнению с традиционными пластичными смазочными материалами».

Еще одно письмо из Ленинграда, но из другого, отраслевого института — ЛенНИИ химического машиностроения, его авторы старший научный сотрудник, кандидат технических наук Б. Д. Воронков и старший инженер В. Г. Шадрин.

«Статья «Как сэкономить миллиард...» в е с ь м а а к т у а л ь н а д л я м а ш и н о с т р о е н и я, особенно в вопросе э к о н о м и и м е т а л л а и э н е р г и и. Если быстро использовать результаты названного в ней открытия, хотя бы в нашей отрасли — машиностроении, то при самом минимальном увеличении срока службы трущихся деталей, которого можно достичь, в два раза, станет реальным значительное сокращение выпуска многих видов оборудования без ущерба для производства, тем самым это позволит сэкономить значительные материальные ресурсы.

У нас в ЛенНИИхиммаше тщательно изучались физико-химические процессы избирательного переноса при трении. В результате родились и собственные идеи, были сделаны изобретения: «Способ нанесения слоя меди», «Металлоплакирующая смазка», «Уплотнение вращающегося вала» и много других. Срок службы машин удалось увеличить в два, два с половиной и три раза. Однако результаты внедрения избирательного переноса, как и приведено в статье, могли быть значительно весомее. Недостатки и трудности внедрения изобретений общеизвестны и заключаются в отсутствии заинтересованности предприятий при внедрении «ч у ж и х» изобретений. Фонды для внедрения изобретений на предприятиях расходуются не по назначению, поэтому целесообразно выплату вознаграждений выплачивать из централизованного фонда в соответствии с многолетним экспериментом, проводимым в регионах Свердловска, Горького и других.

С ч и т а е м, ч т о о т к р ы т и е э ф ф е к т а и з б и р а т е л ь н о г о п е р е н о с а п р и т р е н и и и и з о б р е т е н и я н а е г о о с н о в е п о м о г у т з н а ч и т е л ь н о п о в ы с и т ь у р о в е н ь о т е ч е с т в е н н о г о о б о р у д о в а н и я».

Наш читатель из Казани кандидат технических наук, заведующий лабораторией ВНИИТнасосмаш Л. А. Кольцов отношение Миннефтехимпрома к «чужим» изобретениям познал на собственном опыте — горьком, добавим. Он изобрел (авторское свидетельство № 61457) полимерную смазку, реализующую эффект избирательного переноса. Впрочем, ему слово:

«Моя смазка испытывалась в течение нескольких лет на силикатном заводе в подшипниках запарочных тележек. В зимнее время подшипники испытывают термоудар, поскольку из парового котла, где температура плюс 170 градусов, тележка выкатывается на улицу, прямо на мороз. При таком перепаде, естественно, подшипники заклинивает, и они выходят из строя. Благодаря моей смазке этого не происходит: ей не страшны ни холод, ни жара. Только на Казанском заводе силикатных материалов годовая экономия составила больше пяти тысяч подшипников в год, а в стране таких заводов порядка трехсот. Ее внедрение могло бы дать эффект порядка полутора миллионов подшипников в год. Но это не единственная сфера, где можно было бы ее применять.

После широких промышленных испытаний я обратился в Миннефтехимпром с предложением внедрить мое изобретение, неоднократно бывал у них в командировке, но ответ всегда слышал один: «У нас своих смазок хватает, чужих не берем». Через машиностроительный отраслевой институт обратился в ЦК КПСС, это было накануне XXVI съезда, там предложение мое одобрили, однако Миннефтехимпром сделал все, чтобы его не внедрять. Несколько позднее был даже ликвидирован Казанский опытный завод нефтесмазок, который брался наладить ее выпуск.

А смазка такая нужна — ее просят нефтедобытчики, буровики. Она отлично может работать как в тропиках, так и в районах Крайнего Севера. Кстати, ничего путного для Севера сами сотрудники Миннефтехимпрома до сих пор не изобрели.

Н о я в с е р а в н о б у д у б о р о т ь с я. А в ы? Н е у ж е л и и у в а с т о ж е х о л о с т о й х о д?»

Да, если судить по официальным ответам, полученным редакцией. Настало время обратиться к ним. Приводить их здесь полностью попросту нерационально: ход-то холостой! Крутится эдакое огромное колесо-маховик по инерции, к работе приспособить нельзя — слишком мала потенциальная энергия. Но и руками не остановить: масса его — будь здоров!— кости переломает.

Да, по части виртуозности отписок Миннефтехимпром значительно опережает качество выпускаемых им смазочных материалов. Этот ответ местами напоминает выступление с трибуны весьма занятого солидного человека, которого отвлекли по пустякам, и он хотя и несколько утомленным, но вежливым тоном дает некоторые пояснения, напирая главным образом на общие места, пересыпая речь словосочетаниями типа: «вопрос нами изучался...», «долговременная программа» и тому подобное.

Приводим часть из этого весьма пространного и обтекаемого ответа.

«Миннефтехимпром СССР рассмотрел статью «Как сэкономить миллиард, или Смазка для вечного двигателя» и сообщает.

Повышение эффективности использования техники является одной из важнейших народнохозяйственных задач. В значительной степени ее решение связано с увеличением долговечности машин и механизмов, в том числе за счет использования качественных топлив и смазочных материалов.

Миннефтехимпром СССР реализует долговременную программу улучшения горюче-смазочных материалов за счет проведения мероприятий по унификации и сокращению их ассортимента, перестройки промышленных предприятий на основе современных достижений науки и техники, расширения поставки высококачественного сырья и реагентов. (Пока ничего конкретного, не указано даже, какие силы и средства отпущены на эту долгосрочную программу. Вероятно, немалые! И почему она противоречит внедрению уже сделанного открытия?— Ю. С.)

Преобладающая часть горюче-смазочных материалов по своему качеству находится на уровне лучших зарубежных образцов. Ряд зарубежных стран импортирует широкий ассортимент смазочных материалов из СССР, на отечественных маслах и пластичных смазках успешно работает зарубежная техника, эксплуатируемая в нашей стране.

Работы по изучению способности смазочных материалов вызывать явление избирательного переноса, о котором идет речь в статье, ведутся в системе Миннефтехимпрома СССР с 1975 года.

В результате установлено, что смазочный материал является важным, но не единственным фактором, определяющим образование режима указанного явления...»

Это уже кое-что: научный аргумент! Результат 10-летней перепроверки открытия, которое уже давно внесено в Государственный реестр СССР. В какую сумму это обошлось? А сам вывод? С таким же успехом можно было бы написать: «Земля кругла, как апельсин!» Ведь все «открытое» Миннефтехимпромом содержится в формуле открытия Гаркунова и Крагельского.

«Миннефтехимпромом СССР в соответствии с постановлением ГКНТ № 349 от 3 июля 1985 г. «О мерах по повышению технического уровня и качества машин, оборудования и приборов за счет сокращения потерь энергии на трение и увеличению срока их службы» подготовлен «план научно-исследовательских работ на 1985—1990 гг. по повышению коэффициента полезного действия машин, оборудования и приборов на основе достижений триботехники».

План, значит, есть — пятилетний, «на основе достижений триботехники»! А как его согласовать с тем фактом, что на конференцию по смазкам, проходившую в Бердянске спустя ровно два месяца после указанного в ответе постановления ГКНТ, в соответствии с которым разработан этот самый план, не пригласили ни одного специалиста по избирательному переносу, не заслушали ни одного доклада? Как же осуществлять после этого план? Кстати, в середине декабря прошлого года в ГДР, в Высшей инженерной школе города Цвиккау, проходил трехдневный представительный семинар специалистов по трению и износу с участием ученых и производственников Болгарии, Польши и СССР, всего 200 человек. Центральные доклады здесь были сделаны именно специалистами по избирательному переносу.

Вообще в официальном ответе все «около» затронутой проблемы, а не по существу. Что значит утверждение «на уровне лучших зарубежных образцов»? Что эти смазки конкурентоспособны? Не секрет, что машинный парк США в несколько раз больше, чем наш, а потребление смазочных материалов у нас примерно одинаковое. Уже только этот факт свидетельствует как раз против смазок, выпускаемых Миннефтехимпромом.

Возьмем теперь утверждение об успешном применении смазок, выпускаемых Миннефтехимпромом, на зарубежной технике. Во-первых, если она все же «вертится», то это не значит, что ей (технике) эта смазка приятна, а во-вторых, нам известно, что это не так: эксплуатационники всегда жалуются, что проблемы начинаются именно после смены смазки. **Мы обращаемся к эксплуатационникам БАМа, Дальнего Востока, Сибири, Якутии — всем, кто работает с зарубежной техникой, с просьбой прокомментировать это заявление Миннефтехимпрома.**

В ответе министерства уже под занавес нам подкладывают червячка сомнения... дескать, о какой экономии может идти речь, если удорожается сама смазка? Цитирую:

«Кроме того, расширение производства существующих или разработка новых металлоплакирующих смазок неизбежно приводит к увеличению расхода цветных металлов, что не всегда экономически оправдано».

Во-первых, речь идет не о расширении производства существующих смазок, а о критическом пересмотре номенклатуры продукции Миннефтехимпрома с учетом того, что физическое явление «избирательный перенос при трении» можно поставить на службу народному хозяйству. Во-вторых, справка: для приготовления металлоплакирующей смазки для автомобиля присадка из цветного металла требуется в количестве один килограмм (стоимостью четыре рубля) на тонну смазочного материала.

Кстати, вопрос об «удорожании» проясняют практики, хорошо знакомые с предметом нашего разговора, например, Г. К. Сквронек:

«Присадка из цветного металла испытывалась с моим участием при обкатке двигателей ЗИЛ-130 и ЗМЗ-53 после капитального ремонта, применение присадки позволило вдвое сократить время обкатки, не ухудшая качества приработки. Уменьшился расход бензина, масла, воды, электроэнергии, уменьшился износ обкаточного стенда и самого обкатываемого двигателя почти в пять раз; сэкономлен труд обкатчика.

Нужно при этом отметить, что изменения в технологии, оборудовании, а также денежные затраты на освоение весьма незначительные. Достаточно сказать, что стоимость присадки для одного двигателя меньше копейки. Трудно найти подобные примеры, где прибыль превосходила бы затраты более чем в тысячу раз».

Пожалуй, самое горячее письмо написал москвич, специалист по триботехнике С. И. Дякин:

«Система внедрения и оценки эффективности новых идей в масштабах страны несовершенна. Авторы изобретений оказываются единственными заинтересованными лицами во внедрении своих трудов, а в конечном счете и «повинными в грехах».

Разве это не парадокс, когда с высокой трибуны техническую мысль призывают к инициативе, а затем десятками лет достижения не реализуются! 12 лет исполнилось с момента разработки отечественной металлоплакирующей смазки — ее торговое название «Атланта», смазка аттестована по высшей категории качества (то есть конкурентоспособна на мировом рынке. — Ю. С.),— но ее производство до сих пор не вышло на промышленную основу.

Разве не парадокс, когда отечественные публикации со стороны своих специалистов ревизуются, а за рубежом их реализуют (ГДР, Венгрия, ФРГ, Франция, Швеция).

В государственном масштабе это преступно — плодить изобретения и гордиться современной системой их учета. К сожалению, опубликованный вашим журналом актуальный материал никого ни к чему не обяжет. Я понимаю, что порой высказываюсь резко, но это потому, что владею предметом, о котором пишу, и искренне сопереживаю неудачи моих многочисленных коллег».

Разделять или не разделять пессимизм Станислава Ивановича? С одной стороны, официальный ответ Миннефтехимпрома не дает поводов для оптимизма. С другой стороны, те глубокие сдвиги, которые происходят сейчас в стране, позволяют надеяться, что работники этого министерства все-таки соберутся поднять (!) валяющийся перед ними миллиард (!!), а может быть, и не один.

Что касается реализации нашего открытия за рубежом, о чем упоминает С. И. Дякин, тут необходимо пояснение, благо далеко за ним ходить не надо: передо мной лежат проспекты западных торговых фирм. Они предлагают широкий ассортимент смазок, реализующих эффект избирательного переноса при трении. Правда, о самом эффекте и о том, что это открытие советских ученых, ни слова не сказано. К чему? Законы природы принадлежат всем, за их использование платить не нужно. А вот нам, видимо, придется— золотом. Проспекты эти предлагают металлоплакирующие смазки оптом и даже в розницу, буквально на одну заправку автомобиля. А не хотите готовый товар, приобретайте лицензии, тоже в ассортименте. Хотя у нас аналогичных изобретений хоть пруд пруди!

Проспекты эти отпечатаны на русском языке, распространяются у нас торговыми представительствами вполне законно и не остались без внимания. Например, ВАЗ закупил пока еще пробную партию французской смазки МЕТАЛЛ 5. Что ж, в прославленном объединении заинтересованы в качестве и долговечности собственной продукции. У Миннефтехимпрома же пока еще ни ВАЗу, ни другим автомобилестроительным и эксплуатационным предприятиям приобрести нечего.

Приведу теперь письмо старшего научного сотрудника А. А. Полякова из Москвы:

«На основе явления безызносности энтузиастами науки в вузах и отраслевых лабораториях разработано большое число добавок к смазкам и маслам, показавших на производстве значительно более высокую эффективность по сравнению со стандартными, разрабатываемыми ВНИИ нефтяной промышленности. Но ученые мужи из ВНИИНП продолжают относиться к этим достижениям как к частному случаю создания присадок, в то время как эти присадки представляют собой новый этап развития триботехники.

Руководители ВНИИНП, казалось бы, должны ухватиться за новинку как единственную перспективу развития теории смазки и антифрикционности, но они предпочитают работать методом проб и ошибок, не имея теории и следовательно, практических достижений, сравнимых по эффективности с многократным снижением износа при избирательном переносе трения. Как вывести ВНИИНП из тягчайшего заблуждения, которое обходится нашей стране в миллиарды рублей, горы преждевременно изношенных машин и пропавшего впустую труда ремонтников?»

Пишет декан машиностроительного факультета, зав. кафедрой автоматизации Саратовского политехнического института В. Г. Куранов:

«Среди открытий, зарегистрированных в последние десятилетия, немного найдется таких, которые в сравнительно короткий период получили, подобно избирательному переносу, всеобщее признание специалистов во многих областях. Его внедрение дает не только экономию средств. Это и экономия дефицитных материалов, и энергии, и снижение габаритных размеров и веса машин, и значительное повышение надежности и ресурса, и многое другое. Дело за небольшим — нужны специальные смазки, которые машиностроители должны получать из Миннефтехимпрома, но вынуждены пока делать своими руками — «химичить». Нельзя допустить, чтобы в период, когда приняты важнейшие постановления по развитию научно-технического прогресса, находились руководители, целые коллективы и даже отрасли, которым все это безразлично.

Открытие избирательного переноса делает революцию в смазках и давало (может быть, еще и дает) в руки специалистов Миннефтехимпрома такие решения, с помощью которых не только можно получить миллиардную экономию в машиностроении, но и самим хорошо заработать, оформив десятки авторских свидетельств и патентов на специальные смазки и способы реализации эффекта в различных узлах машин и приборов».

Читая эти и другие письма, я подумал, что инженеры прошлого века, те, что изобретали, «внедряли», то есть сдвигали с места паровозы (здесь особо много было хлопот с трением), наконец, «запускали» двигатели внутреннего сгорания,— словом, все те, кто дал нам технику, основанную на разделе физики, именуемом «механикой»,— узнай о нынешней «тяжбе» с Миннефтехимпромом, они не только не поняли бы нас, но попросту сочли бы за сумасшедших: они бились годами и десятилетиями в поисках технических решений, способных увеличить коэффициент полезного действия машин и механизмов хотя бы на полпроцента. Мы же, имея технологические средства повысить его многократно, не делаем этого. Всем известно: вечный двигатель — такой механизм, кпд которого должен равняться ста процентам. Изобрести его, увы, невозможно из-за объективного закона природы — закона сохранения энергии, и потому основной проблемой механики остается повышение кпд машин и механизмов. Использование явления безызносности в практике в некоторых случаях давало кпд 90 (девяносто) процентов. А для Миннефтехимпрома — это лишь «частный случай создания присадок», по словам читателя.

Как видно из сопоставления писем читателей, работающих в самых различных отраслях народного хозяйства, с одной стороны, и официального ответа министерства — с другой, они находятся в полном противоречии. Причины тоже ясны из писем и даже проступают между строк официального ответа.

Дело упирается не только в незаинтересованность во внедрении «чужих» изобретений — эта проблема разрешима хотя бы через посредство централизованного фонда материального вознаграждения изобретателей. И потом, что

значит «чужие» изобретения? Может быть, враждебные нашей экономике? Или этот термин приобрел юридическую силу для некоторых руководителей? Но разговор-то у нас не о начальнике предприятия — эдаком консерваторе, не желающем у себя внедрять то, что изобретено на соседнем заводе. Тут ведь речь идет об отрасли, имеющей монополию на производство смазок!

Так в чем же дело? Я позволю себе в качестве догадки, гипотезы назвать такой внезапно ставший пагубным фактор: принцип материальной заинтересованности. Ведь очень сомнительно, что преимущества «чужих» смазок по сравнению с миннефтехимпромовскими не очевидны этому ведомству, ведь там специалист на специалисте... Но министерство отвечает не только за научно-технический прогресс в своей области, но еще и за свои финансовые показатели. И получается: Миннефтехимпром существует для того, чтобы обеспечивать потребности страны в нефтепродуктах,— выполнение этой задачи должно быть главной его целью. А на деле министерство блюдет другую, свою главную цель: получение прибыли. Ибо от размера ее зависит материальное благополучие всех до одного работников отрасли.

Что означает для Миннефтехимпрома позволить другим отраслям, то есть и машиностроителям, и эксплуатационникам, экономить миллиарды рублей за счет широкого внедрения смазок, реализующих эффект безызносности? Это значит самим лишиться доходов, которых могло бы и не быть, если бы качество продукции министерства было бы на порядок и более выше, чем в настоящее время. Прямо в корень смотрит читатель из Хабаровска Ю. Березин:

«Да если бы эти новые смазки разработали сами же сотрудники Миннефтехимпрома, министерство постаралось бы их упрятать подальше! Я еще не встречал тех, кто рубит сук под собой, а мне седьмой десяток. То, что выгодно государству в целом,— это не обязательно выгодно ведомству. Миннефтехимпром обязан выполнить свой финплан, дать прибыль государству от себя (взяв ее у государства же, но из другого кармана.— Ю. С.). Ввести же новую смазку в производство, даже вздув ее стоимость впятеро,— значит лишиться доходов: ну кто станет покупать старую смазку, если появилась такая, которую менять надо значительно реже... Притом расход горючего, а это тоже продукция Миннефтехимпрома, уменьшается.

И не избавиться нашему государству от набившей оскомину «парадоксов», пока не будет поставлена во главе всего общегосударственная (выделено Ю. Березиным.— Ю. С.) выгода, как это было в годы первых пятилеток!»

Действительно, из официального ответа, полученного редакцией, нельзя сделать вывод о том, что Миннефтехимпром намерен пересмотреть свое отношение и к самой нефти. Хотя, как показывает жизнь, добыча, переработка нефти и использование нефтепродуктов — проблема не только технологическая, экономическая, научная, но и нравственная: нефть мы уже берем в долг у потомков, причем делаем это не спрашиваясь.

Нужна организация, жестко контролирующая переработку природных ресурсов, регламентирующая качество этих продуктов и не позволяющая выпускать их ниже достигнутого на мировом уровне, то есть ресурсосберегающая.

В сущности, такая организация есть — Государственный комитет СССР по стандартам, но, очевидно, эта задача как-то ушла из поля его деятельности. В официальном ответе, полученном редакцией из Госстандарта, отмечается, что «в журнале «Огонек» правильно и своевременно поднят вопрос о рациональном использовании нефтепродуктов, в т. ч. смазочных материалов, в различных отраслях народного хозяйства». Но далее констатации этого факта Госстандарт не пошел, ответ его также весьма обтекаем.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Итак, вопрос о том, как с помощью новых смазок уменьшить трение в самых различных отраслях техники, уменьшить износ огромного числа механизмов, получить громадную экономию,— этот вопрос продолжает испытывать сегодня максимум трений и потому застыл на месте немым (или кричащим!) укором прежде всего работникам Миннефтехимпрома СССР. Уверены, что нет необходимости работникам этого министерства ждать, когда весь народнохозяйственный механизм будет перестроен так, что выгодное для всего государства станет обязательно выгодным и для ведомства. Необходимо сегодня же менять психологию и подходы к делу, отношение к выгоде ведомственной и общенародной. К тому же речь идет об огромных средствах, о миллиардах рублей экономии. Неужели даже такие суммы могут оставлять равнодушными?

В Миннефтехимпроме СССР, как известно, сменилось руководство, и «Огонек» ждет, что авторитетные мнения специалистов и практиков, которым журнал предоставил свои страницы, заставят товарищей из министерства поновому (и как можно скорее) посмотреть на поставленные ими вопросы.

Требуется постоянно помнить, что прошло то время, когда можно было жить по инерции, тем более оказываться в роли тормоза.

Наше время требует еще и еще раз ускорения.

бывает и такое

ВСТРЕЧА

За полквартала до булочной Иванов нос к носу столкнулся с бывшим однокашником Петровым, выходившим из подъезда...

— Здравствуй! — обрадовался Иванов.— Сколько лет, сколько зим... Как живешь?

— Ничего,—осторожно сказал Петров,— а ты?

— Хорошо,— улыбнулся Иванов.

— Хорошо?—недоверчиво переспросил Петров, разглядывая пальто Иванова.

— Хорошо,—подтвердил Иванов,— женился вот...

— А хорошо — это сколько? — спросил Петров и подозрительно посмотрел на Иванова.

— Двое,— сказал Иванов,— мальчик и девочка...

— Я не про то,— досадливо поморщился Петров,— сколько ты получаешь... этих самых... ну... тугриков?

— А-а-а...— улыбнулся Иванов.— Это мелочи!.. Ты-то как?

— Мелочи? — переспросил Петров и посмотрел на Иванова еще подозрительнее.

— Конечно,— сказал Иванов,— ты-то как?

— А мелочи — это сколько?— почти прошептал Петров, и в глазах его поплыли масляные пятна.

— Брось ты, ерунда все это! — с досадой сказал Иванов, и вдруг какое-то непонятное беспокойство охватило его...

— А ерунда—это сколько? — не унимался совсем ошалевший Петров и трясущимися руками хватал Иванова за рукав пальто.— Может, и меня пристроишь?.. Сколько?

— Сто тридцать...— как будто под гипнозом пробормотал Иванов.

— Что? — возмущенно заорал Петров.— Что же ты мне голову морочил — хорошо! — И, выскочив на проезжую часть, выудил такси...

— Постой! — приходя в себя, крикнул Иванов.—А ты-то как... то есть сколько?

— Некогда мне с тобой... Времени нет! — крикнул Петров и исчез в такси.

Иванов машинально взглянул на часы... и вздрогнул: на циферблате было двенадцать с полтиной... Через десять копеек булочная закрывалась на обед.

А. УСАЧЕВ

Юмор

ФРАЗЫ

Чтобы сбросить лишний вес, иногда достаточно смыть косметику.

* * *

Когда женщина шепчет мужчине, что он самый красивый, самый добрый, самый умный, она это не столько говорит ему, сколько внушает себе.

* * *

Если уж любить, то такую женщину, с которой не стыдно попасться на глаза жене.

К. МЕЛИХАН,
Ленинград

Собирая сплетни, считал себя коллекционером.

* * *

Предпочитал биться головой только об импортную стенку.

* * *

Камень за пазухой был его единственной фамильной реликвией.

* * *

Разводил червей сомнения.

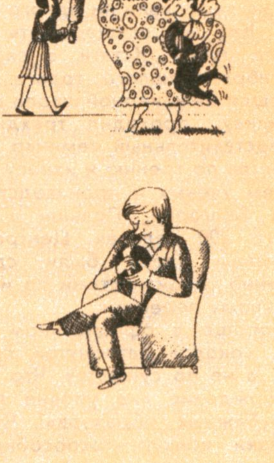
* * *

Несоблюдение дорожных знаков приводит к потере денежных.

* * *

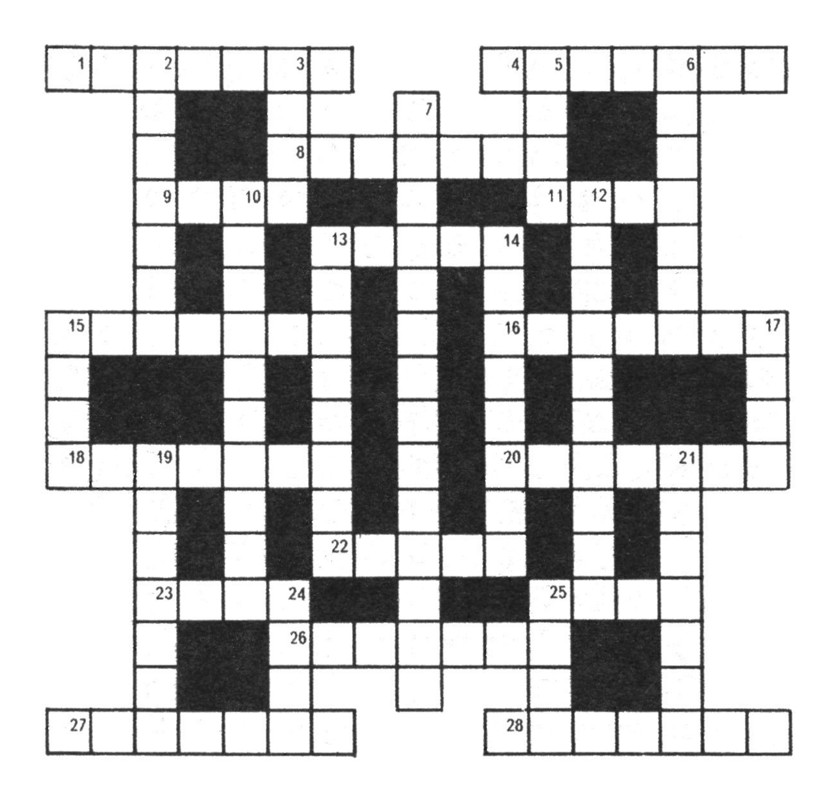
Порой легче найти стоянку древнего человека, чем автостоянку.

Михаил ЛЕМПЕРТ,
Новочеркасск

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Татарский поэт, Герой Советского Союза. 4. Художественный стиль в искусстве, архитектуре. 8. Порт в Приморском крае. 9. Дугообразное перекрытие между двумя опорами. 11. Река в Казахстане. 13. Действующее лицо драмы Б. А. Лавренева «Разлом». 15. Охотничья собака. 16. Часть речи. 18. Ковш с отверстиями для отцеживания. 20. Крупное животное, обитающее в Африке и Юго-Восточной Азии. 22. Рукав нижнего Дона. 23. Газ. 25. Сорт яблок. 26. Город в Калужской области. 27. Виртуозная музыкальная пьеса. 28. Молочный продукт.

По вертикали: 2. Площадка для воздушных ванн. 3. Естественный спутник Земли. 5. Французский композитор XIX века. 6. Степная рысь. 7. Советский поэт. 10. Женский голос. 12. Союзная советская республика. 13. Монгольский летчик-космонавт. 14. Химический радиоактивный элемент. 15. Искусственный водоем. 17. Норвежский композитор. 19. Столярный инструмент. 21. Амортизатор транспортных машин. 24. Сдобное кондитерское изделие. 25. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 5

По горизонтали: 7. Соколова. 8. Инжекция. 9. Ромм. 10. Басов. 12. Нигер. 13. Конфигурация. 14. Декрет. 16. Левкой. 18. Снимок. 19. Бемоль. 20. Карась. 23. «Кармен». 24. Турист. 26. «Мальва». 28. Актинометрия. 30. Агора. 31. Есиль. 32. Охра. 33. Самосвал. 34. Наманган.

По вертикали: 1. Бомарше. 2. Лоток. 3. «Партизаны». 4. Зимородок. 5. Акция. 6. «Сиверко». 11. Волейболистка. 12. Нивелирование. 15. Кашемир. 17. Консоль. 21. Фарандола. 22. Лейтенант. 25. Уругвай. 27. Варлаам. 28. Аргон. 29. Ясень.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Н. А. Добролюбов. Литография А. Мюнстера. (См. в номере материалы, посвященные 150-летию со дня рождения Н. А. Добролюбова.)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Волга. Астраханский затон.

Фото Н. РАХМАНОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 23.12.85. Подписано к печати 29.01.86. А 00616. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 571. Заказ № 2162.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

УРОК ДОВЕРИЯ

Наталья Юрьевна Дурова.

Б. СМИРНОВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ

— Уберите собаку!

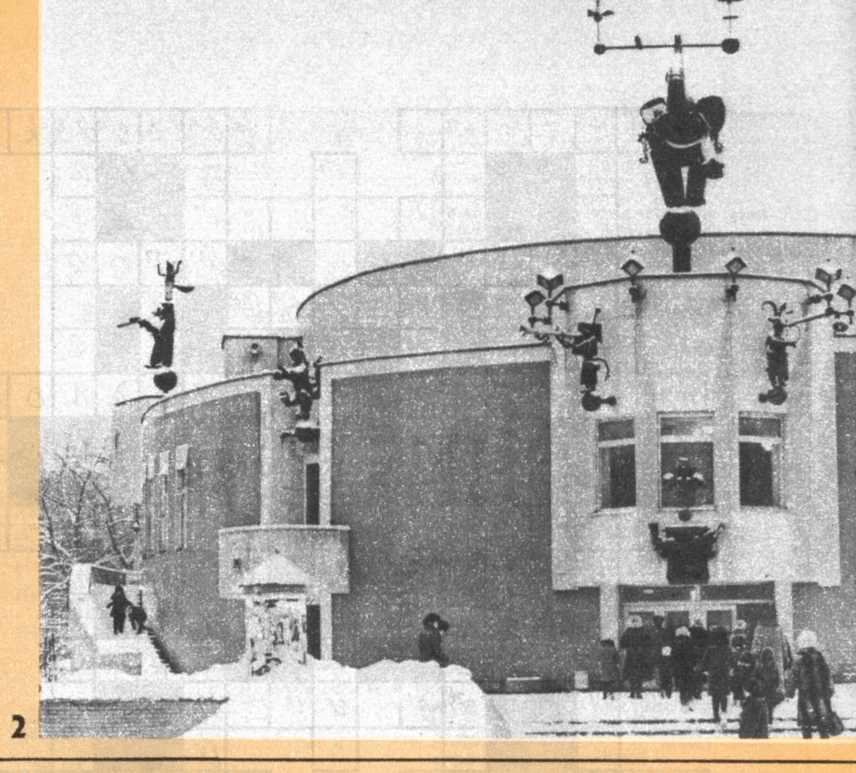
Истошный крик разом заставил повернуться очередь, застывшую в ожидании троллейбуса. На узкой снежной тропинке стояла молодая женщина, а перед ней небольшой, едва видный из-за снежного валика пес. Одно ухо вопросительно приподнято, хвост дружелюбно трепыхается: пес словно не может поверить, что его самое мирное поведение понято столь превратно. Проваливаясь в сугробы, к месту инцидента спешила пожилая хозяйка с поводком в руке: «Да он же никого не укусит, идите себе, не обращайте на него внимания...» Защелкнулся стальной карабин на ошейнике, хозяйка торопливо уволокла за собой так ни разу и не тявкнувшего пса, а инициатор скандала — та самая молодая женщина—продолжала благородно негодовать:

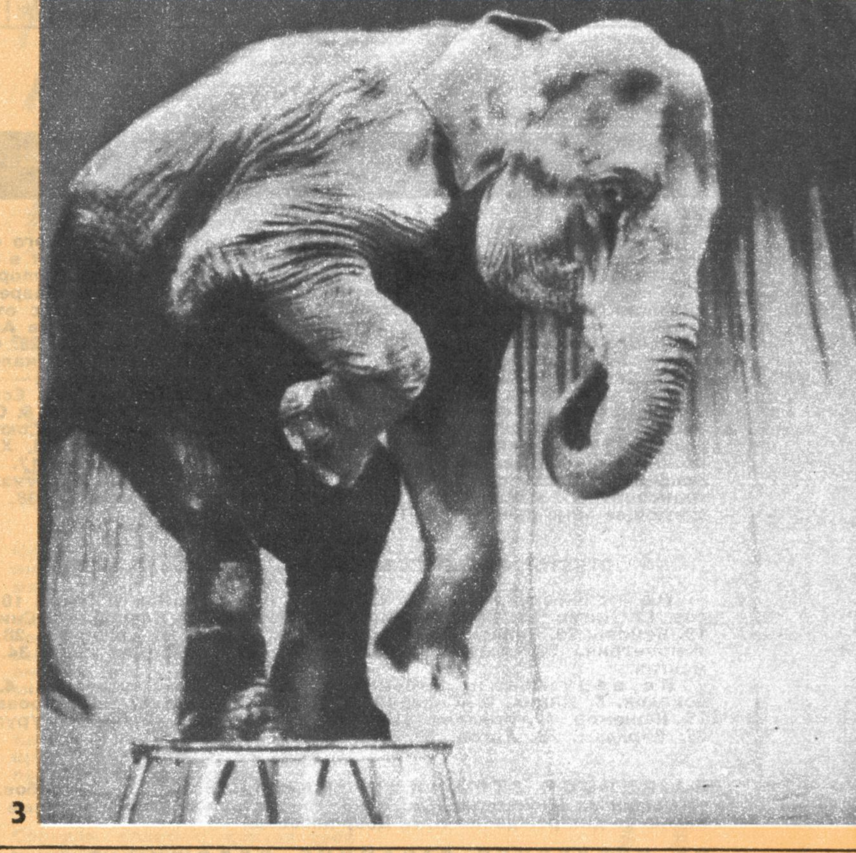
— Распустили... Постановление в газетах... А кто его знает?.. Я собак с детства боюсь! У нас в деревне собаки всегда на цепях...

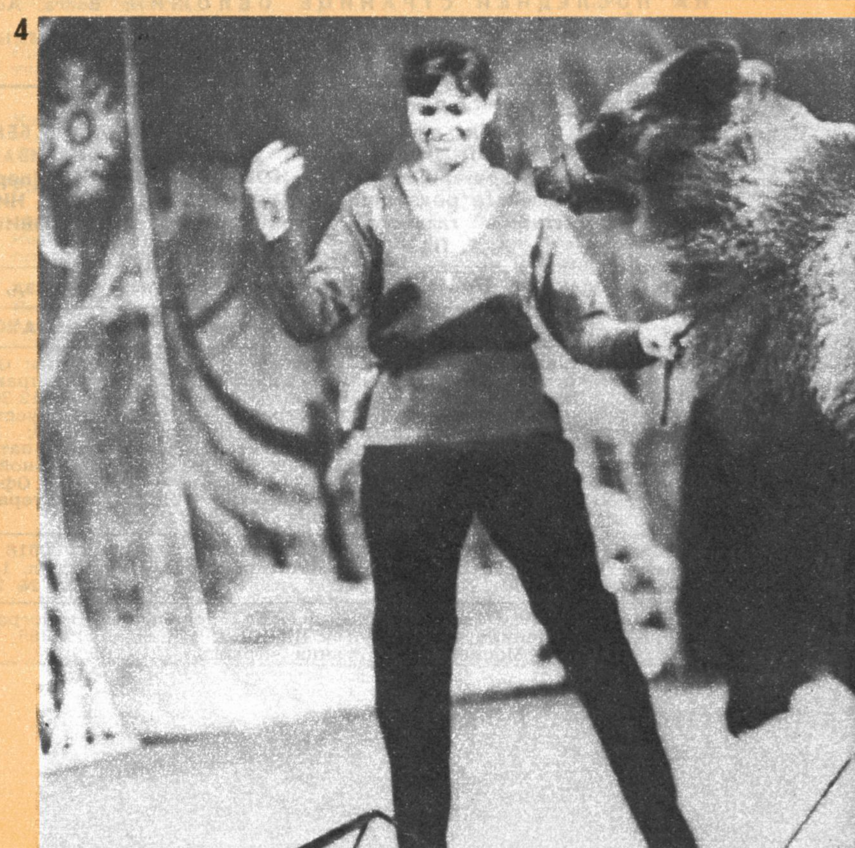
Я почему-то сразу подумал, что эта женщина не москвичка. Странно, но городские жители гораздо терпимее относятся к домашним животным, хотя, казалось бы, те, кто живет «ближе к земле», должны быть ближе и к братьям нашим меньшим. Конечно, есть масса исключений и с той, и с другой стороны, но закономерность все же прослеживается. Почему? Может быть, цепь? Да, это, наверное, главная причина. В городе, хочешь не хочешь, собаку можно держать лишь в квартире, в деревне без цепи не обойтись: «Пусть, мол, сторожит, пусть не шляется, пусть огород не топчет...» А какая же дружба, если ты друга не любишь и он к тому же у тебя на цепи? Вот и накапливается обоюдная злоба, и рождаются легенды о собачьем коварстве. Хуже всего, когда такие легенды впитываются с детства. Для кого хуже? Да для детей, для будущего человека, которого с детства уже ли-

шили какой-то доли отпущенной ему доброты.

В этом отношении нам с юных лет повезло — не просто потому, что мы жили в городе, а именно в Москве, где нет, пожалуй, человека, который бы по крайней мере не слыхал про Уголок Дурова. Сейчас он переименован в Театр зверей, но и прежнее название, «Уголок», можно было считать условным, поскольку знаменитый цирковой клоун — дрессировщик В. Л. Дуров еще в 1912 году купил для своих питомцев целый дворец герцога Ольденбургского. Зверям — дворец... Это и сейчас дано оценить не каждому. А дуровский дом недавно стал вдвое больше, сейчас спектакли идут уже на двух сценах.

Почему театр зверей, а не цирк зверей или просто зверинец? Потому, что именно таким хотел сделать свой уголок знаменитый «дедушка Дуров». Он был основоположником школы «мягкой дрессировки», принцип которой — не подавление животных волей человека, а дружба и взаимная любовь. Пожалуй, сейчас можно сказать, что этой своей гуманной идеей содружества с природой В. Л. Дуров намного опередил свое время. И, может быть, поэтому тогда, в первые десятилетия века, Дуров предназначал свое искусство именно детям, то есть будущему.

Оказалось, психологию человека перестроить гораздо сложнее, чем подчинить дикие нравы зверей! Идет к концу столетие, а идеи Дурова, пустив глубокие корни, все еще нуждаются в разъяснении и пропаганде. И по-прежнему верен своим традициям бывший уголок, ныне Театр зверей: соединить дрессировку животных и птиц с театральным действием, как бы сделав главным постановщиком спектаклей саму Природу. И по-прежнему на сцене фамилия Дуровых: сегодня спектакли ведет Наталья Юрьевна Дурова, директор театра, народная артистка РСФСР, писательница, представитель старейшей в стране династии дрессировщиков.

— Искусство, в котором в полной мере раскрылись бы «таланты» окружающего нас мира животных, еще только рождается,— говорит Наталья Юрьевна.— Вот почему мы называем себя и театром, и лабораторией, и музеем. Главная цель остается прежней — помочь человеку с самого детства научиться любить и беречь природу. Мы считаем, что наш Театр зверей — единственный в мире в своем роде — играет в этой благородной задаче немалую роль. Нынешний год считается годом тигра. У нас в труппе тоже есть тигр, и как бы хотелось, чтобы наши маленькие зрители, став взрослыми, тоже могли бы видеть живых тигров, а не их чучела в музеях!

...На сцене идет «Волшебный слоненок». Спектакль поставили Н. Дурова, Б. Бреслер, художники М. Зайцева и П. Кассандров, композитор В. Шаинский. Это спектакль-сказка. На сцене и артисты, одетые в костюмы зверей, и сами звери, и дети — ребята из самодеятельности районного Дома пионеров. А в зале... В зале самая благодарная аудитория, и для многих малышей этот спектакль, наверное, первый в жизни. Смотреть на зрителей не менее интересно, чем на сцену. Тем более сцену не огораживают никакие решетки, хотя леопард, медведь, слон на ней — самые настоящие. А на лицах детей нет страха или растерянности, в глазах ребятишек — только радость, доброта и любопытство. И возникает в зале Доверие — тот первый его урок, который каждый из зрителей должен повторять всю жизнь.

1

В зале нет равнодушных...

2

День, когда они вошли в Театр зверей, ребята будут помнить всю жизнь.

3

Слониха Маша, ее воспитатели Наталья Дурова и Павел Дудченко.

4

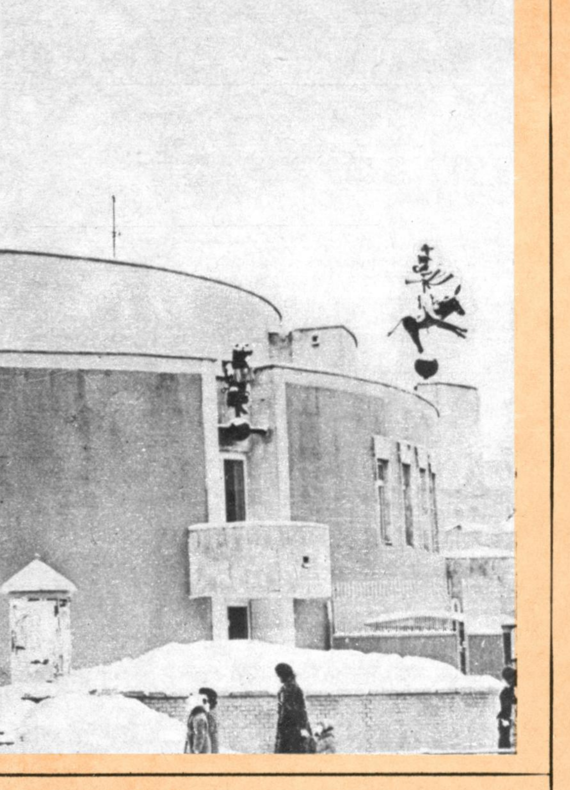
И это — неуклюжий медведь! (дрессировщик Людмила Терехова).

5

Номер с енотом стал традиционным «фирменным номером» всех поколений дрессировщиков Дуровых.

6

У леопарда (дрессировщики Елена и Семен Стрельниковы) явный «музыкальный слух».

5

6

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663